

Станислав Малозёмов Я ТВОЙ ДЕНЬ В ОКТЯБРЕ

ПОВЕСТЬ

12+

СТАНИСЛАВ МАЛОЗЁМОВ

Станислав Малозёмов
Я твой день в октябре

«Автор»

2020

Малозёмов С.

Я твой день в октябре / С. Малозёмов — «Автор», 2020

Эта книга о любви. Описывается время Советской власти. Шестидесятые - семидесятые годы. Герой повествования, простой парень из провинции, не зная, знакомится с девушкой, чей отец работает секретарём обкома КПСС. Но узнал он об этом позже, когда они решили пожениться. Книга рассказывает о том, как остаться самим собой в среде незнакомой и стоящей над народом. Как устоять и не поддаться насильственному переводу тебя новой семьёй во властные структуры, куда герой не желает попасть.

© Малозёмов С., 2020

© Автор, 2020

Станислав Малозёмов

Я твой день в октябре

Пролог

Это четвертая моя повесть о советском прошлом. Время, в котором я живу сейчас, душой не запоминается. Хотя умом я его понимаю, но кроме того, что выросли мои дети и быстро взрослеют внуки – не радуется ничто. Когда скончался СССР, мне и в голову не приходило страдать о трагической потере всего социалистического или, наоборот, ликовать, чувствуя на себе и близких суетливое, сумбурное, нелепое и равнодушное движение по нашим телам шустрого и наглого как будто бы капитализма. Душа не воспринимает его. И память с ней согласна. Не делать же, действительно, культа из большого количества повсюду, невиданных шмоток с иномарками, да электронными штуковинами вроде компьютеров и карманных телефонов.

Хорошо это всё. Но жизнь изобилие долгожданное почти никому, кроме пары тысяч «поднявшихся» над массами, не улучшило. Потому, что лучшая жизнь – надёжная жизнь. В которой каждый день не меняют законов, в которой нет страха остаться без денег, работы или пенсии не оскорбительной. А сейчас и законы временные, и деньги, не дающие сил радостно смотреть в перспективу, и зависть, жадность, гордыня властных да богатых. И молчаливая безнадёга народная, к которой привыкли люди, не пробившиеся ни к деньгам крупным, ни к причудам нашего карикатурного капитализма.

Я напоминаю читателям о советском прошлом, не потому, что любил его именно за социализм или КПСС. Я, честно говоря, просто жил и никогда не радовался тому, что вместе со всеми иду к коммунизму. Не обожествлял строй и вождей. Но мне было хорошо там, в том времени. Не потому, что молод был и в меру нагл. Хорошо было мне оттого, что хорошо было практически всем. Кроме тех, кто лично сам делал всё, чтобы жилось ему плохо.

Я продолжаю рисовать словами портрет той эпохи. Кто жил в ней – помянут. Добром, надеюсь. А кому не довелось ещё жить, хоть что-то узнают о ней не от податливой любой власти науки истории, а от непредвзятого писательского наблюдения.

Если кто-то решит, читая, что пишу я хоть и от третьего лица, но про себя и жизнь свою бурную, то ошибётся он. Это не автобиография. Поэтому (для тех, кто помнит мою молодость) все совпадения с моей биографией – совершенно нечаянная случайность и не более того.

***

Все совпадения имён, названий и событий – случайны.

1.Глава первая.

Похоже, девушку собрались изнасиловать. Темно было. Ни звезд, ни луны. Черные октябрьские тучи, от которых отваливались редкие увесистые капли, были подвешены так низко, что, казалось, оборвутся от тяжести своей, рухнут и накроют землю толстым мокрым одеялом. Вот они делали ночь ещё непрогляднее. Лёха побежал на звук. На голоса. На испуганный и охрипший от истерики женский и два мужских, которые оба несли одно и то же.

– Эй, ну! Мамой клянусь: чай попьём и к своим пойдёшь. Чай с собой привезли, не на магазин брали, тьфу. На нашем сопфели растёт. И на кишлак рядом растёт. Этот чай бог целовал – вах! Ну, нэ надо боишься, вай! Чай попьешь – радость заберёшь. Гия тебя в вагончик ваш потом на руках нэсти будет, клэнус! Хлеб мне нэ кушать, эсли нэ так будет! Как мужчина клэнус, вай!

Девушку, похоже волокли под руки спиной вперед. Кричала она вверх и сквозь редкие капли слышно было, что ноги её то шуршат в грязи, то стучат по хлюпающей глинистой жиже.

– Не хочу! Пустите! Не надо! – уже не связками голосовыми кричала девчонка. Казалось – это через тело и одежду прямо из сердца вырываются

похожие на слова звуки, в которых не прослушивалось ни единой ноты надежды. Тащили её в сторону трёх вагончиков, метров за триста от семи бригадных, в них жили работяги из ближайшего села и недавние абитуриенты, а теперь уже десять дней как первокурсники педагогического института областного центра Зарайск.

Лёха случайно шел в свой вагончик именно в это время. Пока не стемнело – искал на поле свой любимый спортивный пояс. Такой штангисты надевают, чтобы не рвануть мышцы. А Лёха уже перворазрядником по лёгкой атлетике был в свои восемнадцать и со штангой на тренировках тоже работал. В этом поясе. А тут отложил его в сторону на поле, ближе к траве, но когда пошел искать – не нашел. В столовую поэтому опоздал. Но тётя Вера, повариха прекрасная и добрая душа покормила, конечно. Вот из столовой он и вышел как раз в тот момент, когда девчонка начала кричать и сопротивляться.

Волокли первокурсницу в один из трёх вагончиков. Там жили посланцы далёкой Грузии. Шофёры. Хлеб обмолоченный помогали местным мужикам и солдатикам возить на ток за двадцать километров в горячие дни уборки. А сейчас пара машин каждый день забирала колоски, оброненные комбайнами. Студенты на карачках прочёсывали стерню, подбирали стебли прямые, но не скошенные, отрывали и плотно набивали ими мешки. А на току стоял одинокий комбайн, специально приставленный молотить собранные студентами колоски. Всё собирали. До последней былинки. Совхоз был передовой и не допускал даже малейших потерь. А грузинским машинам, кроме этих двух, радостная выпала доля. На приколе стоять и ждать – пока их наездникам разрешат ехать домой. Потому двадцать восемь из тридцати шоферов гоняли балду. Целыми днями в карты резались, пили чачу и мотались вечерами в совхоз и райцентр на танцы. Больше занятий в этих краях не было. Да и этих хватало. А через десять дней после зачисления по традиции пригнали и дармовую рабсилу – первокурсников. Человек шестьдесят. Из них всего двадцать два парня. Остальные – юные городские барышни. Ещё глупенькие, смешливые, красивые и счастливые семнадцатилетние взрослые люди. Студенты, уважаемая советским народом совсем крошечная каста, допущенная к познанию наук.

– Ты сэчас молчи, да! – сказал один из парней. – Плохая ведош себе. Ламази гого! Красивый, говорю, дзэвучка, но глупый, вай!

Лёха вылетел точно на цель. Голоса помогли безупречно. Того, который курил на ходу, он сбоку зацепил за плечо, развернул и перехватил согнутой правой рукой шею. А левой смог ухватить свою правую кисть и резко поднял невысокого парня, оторвал его от земли и прижал к груди. Шофёр мгновенно потерял сознание, обмяк и Лёха уронил его в грязь. Слышно было, что девушка тоже упала. Она перестала кричать, а в тишине Лёха ясно услышал дыхание второго и тяжелое движение ног по слякоти в его сторону. Он присел на корточки и когда хлоппанье грязи оказалось почти возле его лица – расставил руки и сел на одно колено. Второй шофер влетел в эту ловушку как рыба в сеть. Лёхе осталось только обхватить его ноги, подняться и оттолкнуть тело от себя. Шофёр плюхнулся спиной и, похоже, головой крепко приголубил грунт. По крайней мере, после единственного слова «анмо?» он затих и не слышал Лёхиного ответа:

– Кто, кто! Товарищ по работе! – простые грузинские слова и вопросы он понимал. В детской ещё компании был такой – Димка Коберидзе. Что их выгнало с родины в Казахстан, никто не знал и не спрашивал. Димка с удовольствием учил соседей грузинскому, а его все обучали русскому.

Лёха на ощупь нашел девушку, поднял её и повел к своим вагончикам. Довел до девичьего и сказал: – Иди. Завтра поговорим. Умойся и тихо ложись спать. Всё нормально. Не бойся. Я тут буду. Рядом.

Он позвал ещё с десятков своих ребят. Они час стояли возле вагончика с кирпичами, лежащими зачем-то стопкой слева от порога. Но никто не пришел. Кроме этих двоих остальные вернулись из совхоза с танцев далеко за полночь. Разбираться было не с кем. Двое пострадавших доползли до своих шконок и уснули мгновенно после неожиданного приключения и поллитра чачи.

А вот утром начались разборки. Часов в семь маленькое окошко вагончика, где жили парни, задрожало от сильного стука. Но стекло выдержало.

– Генацвале, вай! Я твой мама имел, ткха! Ну, а не козёл если, давай, выходи шамором, да!

Лёха вышел один, но за ним в трусах и майках выпрыгнули из узкой двери ещё пятнадцать ребят. У кого-то вилки в руках, кто-то перочинные ножки взял с собой и раскрыл на улице. Остальные подобрали кирпичи вчерашние. Шофера тоже не с пустыми руками пришли. С монтировками в основном.

– Кто? – коротко спросил парень постарше с большими черными усами и синеватыми от бритья щеками и подбородком.

– А сам угадай, – подошел к нему вплотную Вадик Бекман, стокилограммовый кусок мышц. Борец вольник.

– Угадай – не угадай! Зачем игрушка играешь? – усатый выразительно постучал себя монтировкой по лодыжке.

– А что было-то? – подошел к Вадикку Лёха.

– наших мэгобари, ну это – друзьёв наших кто ночью бил? Дзалиан мцкенс!

– Обидно тебе, говоришь? – Лёха прошел мимо него в толпу. Человек двадцать пришло. – Чего-то я не вижу тут побитых. Сколько их было? Пять, десять?

– Два был. Мало тэбэ, генацвале? – старший пошел за Лёхой.

– Пусть руки поднимут.

– Тквентан тховна маквс! Делайте, что слышали! – усатый подошел к двум, рядом стоявшим невысоким шоферам и сам поднял их руки выше своей головы.

– Ты сам видишь – где у них фингалы под глазами, царапины, синяки, зубы выбитые? – Вадик засмеялся и присел на корточки. – Они целее тебя, генацвале. У тебя вон ссадина на шее. А у них всё гладко, да?

– А за что били твоих? Хорошие с виду парни, – Лёха продолжал в упор смотреть на старшего. – И кто бил? Пусть покажут на них пальцами.

– Нэ помним мы, вай! – тускло сказал один из неудачливых насильников. – Ночь был, руку свою не видишь. Как могли запомнить? Чачу пили сперва, пианный были, вай!

Лёха засмеялся.

– Так били вас или нет? Ничего не помните. Следов от драки нет. Может вы лишнее выпили и вам просто показалось?

– Нэт, – вспомнил второй. – Мы стояли. Ваша дзэвучка мимо шел. Мы позвали чай пить. Она согласился. А какие-то цурад сволочи прибежали и нас душили. Чуть не умер мы!

– Витя. Сопкин! – крикнул Вадик. – Сбегай. Пусть девчонки все на улицу выйдут

Через пять минут девушки, в верблюжьи одеяла закутанные, поёживаясь на холодке осеннего ветерка стояли перед шоферами.

– Кого приглашали? Показывайте? Она же видела, что вас душат. – Лёха стоял посредине. Между девчонками, шоферами и своими ребятами. –

А вы, милочки наши, не обманывайте грузинских друзей. Кого они приглашали из вас чайком побаловаться?

– Никого, – за всех сказала Галка рыжая. Лёха ещё не запомнил всех по фамилиям.

– Что, я вашу маму имел, вы вылупились, бараны? – крикнул старший пострадавшим друзьям. – Дзэвучка эта где? Ицнобт ам гогонас?

– Да нэт, Ваха, нэ знакомы мы с ней. Просто встретили, позвали, – парни опустили головы. – Тёмный ночь был. Нэ помним мы дзэвочка, мамой кланус! Нет её вокруг.

– Все выщли? – спросил Вадик у Сопкина.

– Пусть идут да сами проверят, – Витя обиделся.

Ну, генацвале? – спросил Лёха усатого тихо. – Избитых нет. Девушки нет. Значит много выпили чачи твои друзья.

– Ну, руку давай тогда. И приходите к нам. Тоже чачи попробуете. Посидим поболтаем. – Старший воткнул монтировку за пояс и подал руку.

Леха протянул свою.

– Бодиши! – сказал усатый и махнул своим рукой. – Домой давай, сто раз не повторю. Квелапери ригзеа. Говорю – нормальный все!

– Да не извиняйся, – улыбнулся Лёха. Не было же ничего. Но пьют пусть поменьше. А то так и чёрта можно на дороге встретить.

Через пять минут возле вагончика уже никого не было. Вадик бриться пошел. Остальные – досыпать. Работы сегодня не намечалось. Слякотно. Дождь прошел и, может, к завтрашнему утру поле подсохнет. Лёха сел на порожек вагончика, попросил ребят кинуть ему сигарету и спички. Кинули. Он курил и ждал. Лёха был к своему возрасту «спелым помидором». Давно дружил с городскими урками и много чего успел насмотреться. И кое-чему успел у них научиться к восемнадцати своим годам. Ждал Лёха недолго. Девушка, которую он спас, вышла минут через десять и села с ним рядом.

– Это ты их успокоил? – красивым бархатным голосом, не похожим на вчерашние истерические вопли, спросила она.

– А это ты попала к придуркам этим в когти?

– Я из столовой шла. Они там были. За мной пошли. Почти возле вагончика схватили без слов за руки и к себе потащили. Вроде бы как чаем угостить.

И если бы не ты...

– Зовут тебя как? – взял её за руку Лёха и посмотрел в глаза. В черные, глубокие, блестящие, умные и редкостно красивые глаза.

– Надежда. Надя. Альтова, – факультет иностранных языков. Английская группа номер четыре.

– Имя хорошее, – Лёха улыбнулся, не отпуская руки её. – У меня пока нет надежды на то, что жизнь мне улыбнется.

– Надежда всегда должна быть рядом, – улыбнулась девушка. – Без неё жизнь – это просто убегающее время.

– Ого! – хмыкнул Лёха. – Сама придумала?

– Сама, – засмеялась Надя так же бархатно, как и говорила. – Да, считай, что есть у тебя надежда. Мы же в одной группе. Рядом. Буду твоей надеждой.

– Поживем... – Лёха поднялся. – Идем. Провожу.

– Утром кто меня тронет? – продолжала улыбаться Надежда.

– Да не поэтому. Просто провожу.

Перед тем как подняться в вагончик, Надя подала Лёхе руку. Тёплую. Нежную.

– Пока?

– Пока, – Лёха подумал, но не нашел больше ничего, что можно было бы сказать приятного милой девчонке.

– Увидимся ещё? – спросила Надя.

– Так четыре года видеться будем, – он усмехнулся и повернул к своему вагончику.

– Сегодня увидимся? – Надежда наклонилась к нему, держась за косяки дверного проёма.

– Сам хотел предложить, – Лёха смутился. – Да как-то... это самое.

– В пять. После столовой, – Надя сказала это и пропала в темноте тесной прихожей времянки.

Лёха пришел в свой вагончик. Закурил прямо на кровати. Взял консервную банку для пепла и лег. Он думал о чем-то. Точно – думал. Напряженно и опасно. Но о чем – так и не успел понять. Замял бычок и незаметно уснул.

Совсем не зная о том, что пять минут назад очень круто изменилась его и так крутая жизнь.

Только вот поначалу это было не заметно. Ну, познакомился с девчонкой. Так это – дело обычное. Уж чем Лёху нельзя было поразить, так вот как раз противоположным полом. Сам он сроду ни за кем не волочился, цветов не дарил, под балконами не пасся, гадая – выглянет в окно или не выглянет. В любви никому пока не признавался, по театрам девушек не таскал, не мучил искусством. Даже не гулял под ручку в парке или вдоль речки, которая бежала мимо города, имела песчаную дорожку, по которой в полубессознательном состоянии под луной бродили пары, прошитые насквозь стрелой Амура. Но душевные и физиологические слияния с прекрасной половиной всегда сливались в одну большую каплю удовольствия сами по себе. Вот вроде никто ни за кем не ухлёстывал, не строил глазок и не охмурял друг друга, а повалялся Лёха лет с пятнадцати до восемнадцати и в кроватях, и на задних сиденьях легковушек, на цветущих лугах за рекой и даже на полках купейных вагонов. Покувыркался, как говорят парни, с таким количеством красивых и не очень, желанных и случайных, что и сам не считал, и друзьям не хвастался ни числом, ни умением. Просто, как он считал – раз уж выходило само-собой, значит, так надо. Кому, зачем надо так много, он не вдумывался, поскольку главным в жизни были спорт, рисование, игра на баяне и гитаре, сочинение авторских песен, рассказов и заметок для газеты. Потом шли друзья, дружки, товарищи и кенты-урки. А уж на последнем месте пристроились быстрые, бурные, но краткие романы, возникавшие из ничего и через пару-тройку дней исчезающие бесследно. Тут Лёха целиком в отца пошел. Батя Лёхе достался красивый, сильный и умный. Потому на него вешались все, кто осмеливался. А он был человеком интеллигентным, журналистом известным, и чисто из гуманного отношения к дамским желаниям никому не отказывал. Что, собственно, и привело его через тридцать один год ладной с виду семейной жизни, в восьмидесятом, когда исполнился ему пятьдесят один, к безвозвратному расставанию с мамой. Хотя, как рассуждал сам Лёха, в этом престарелом возрасте уже никому из них двоих гуляющий батя не мог доставлять огорчения и заслуживать изгнания из семьи. А поскольку у самого Лёхи не имелось даже иллюзий о женитьбе, то скорые и не нагруженные обязательствами да любовью спортивные приключения с юными дамами, не оставляли на душе ни рубцов, ни даже царапин.

Поэтому встреча с Надеждой в пять часов после раннего бригадного ужина не навевала на него никаких эмоций. Ну, наверное, кроме потрясающе красивых и умных глаз, глубоких и чёрных как ночная небесная бездна. Вот они не то, чтобы взволновали много повидавшего юношу, а просто упали в его душу и нашли себе в ней очень много места.

– Привет! – улыбнулась Надя сразу же на выходе из столовой.

– И тебе! – тоже улыбнулся Лёха, минут десять ждущий её на травке напротив двери. Из столовой вышла Надежда, но какая-то другая, не та, что сидела с ним утром на пороге вагончика. На ней были белые обтягивающие брюки из неизвестной ткани, тонкий шевиотовый свитерок с вшитыми блёстками и странные кеды. Лёха в жизни таких не видел. Кожаные, на утолщенной подошве, голубой углубленной стрелой от пятки к носку. Черный и блестящий как качественный антрацит короткий её волос возле челки был собран и сжат натуральной рубиновой шпилькой. Лёха в камнях драгоценных понимал. Пацанами на рудниках недалеко от города они после взрывов на карьерах доставали из земли и рубины, агаты, цеолиты, и похожие на чистое золото куски пирита.

– Ну, куда пойдём? – спросила Надя так, будто они были до этого уже везде и стоило напрячь ум, чтобы отыскать достойное место, куда их до сих пор ещё не заносило.

– В Большой, конечно! – засмеялся Лёха и взял её за руку. Палец его уперся в металл. Он поднял её кисть. На левом безымянном пальце мягко светился изнутри сразу бордовым, розовым и красным камешек тонкой огранки. Тоже рубин. – Ты что, за границу часто ездешь? У нас вроде не продают такую невидаль.

– Я не езжу, – Надежда смутилась. – Папа ездит раза три в год по работе.

– Ювелир? – Лёха остановился.

– Да нет. Он в обкоме партии работает. – Надя убрала руки за спину. – В Германии бывает, в Чехословакии, в Венгрии и Польше. Ещё где-то, не помню.

Лёха ничего не понимал в обкомах, райкомах, горисполкомах. Абсолютно. И чем там народ занимается – не интересовался вообще. Было и без того так много интересного в бурной его жизни, что лишнее просто не влезало.

– Ну, решили? В Большой идем? Или во МХАТ? – он снова взял её за руку.

– Вот по этой дороге можем пойти? – спросила Надежда. – Куда она бежит?

– Вообще-то в деревню. В Демьяновку. Но есть поворот. Вот он до середины степи идёт. А там озеро. Все туда купаться ездят. И рыбу ловить. Я тут за две недели почти всё оббегал.

– Оббегал? От кого бежал?

– Да по делу бегал. Тренировался. Кросс называется. Я легкоатлет. Бегаю, прыгаю, метая диск и копьё, ядро толкаю.

– Всё сразу? И то и другое и пятое, и десятое? – Надежда высвободила руку, сошла с дороги и сорвала с обочины твердый фиолетовый цветок.

– Ну да. Десятиборье называется, – Лёха случайно наткнулся на мысль, что с девушкой говорит впервые не о страсти и желании покрепче её обнять и приглубить. – А на кой чёрт ей мои копьё, кроссы, ядро с бегом? Во, дурак.

– Ну, ты чего замолк? – Надя уже шла с ним рядом и касалась плечом его руки, опущенной в карман. – Интересно же. Разряд, наверное, имеешь?

– Первый взрослый. Хочу мастера сделать через пару лет.

– А я дома сидела до института, – она рассмеялась нежными бархатистыми интонациями. – Английский с репетитором учила и декоративной росписью по фарфору занималась. Под Гжель. Слышал про такую роспись?

– Ни разу, – сам удивился Лёха. – Читал, вроде много. Про хохлому читал, про финифть. А Гжель... Не, не знаю.

– Покажу в городе, – Надя взяла его под руку и они повернули в степь. К озеру. Шли долго и всё время говорили. О разных странах. Об Африке и Австралии, о жизни и гении Бетховена, о Микеланджело Буонаротти и новых самолётах ИЛ- 76.

Лёха не считал времени, не думал о том, сколько сидели они на траве возле воды озёрной, не помнил, как окутанные разговорами и спорами о самых разных вещах, делах и людях, в темноте вечерней шли обратно. На огоньки в окнах вагончиков и свет лампочки, прибитой к специально вкопанному столбу.

– Ну, пошла я? – не сказала, а почему-то спросила Надежда.

– Конечно, – Лёха глянул на часы, но ничего на циферблате не разглядел. – Поздно уже. Отдыхай. Завтра нам за колосками ползать с утра до вечера.

– Мы хорошо погуляли, – Надя подала руку. – С тобой интересно.

– И мне с тобой, – Лёха прижал её ладонь к щеке. – Горит лицо?

– Горит! – удивилась Надежда.

– Это от удовольствия. Ну, пока!

– До завтра, – махнула рукой девушка и растворилась, как и тогда, в темноте за дверью странного жилого сооружения для временных людей.

Лёха ещё долго курил, ходил мимо всех вагончиков. Останавливался, затягивался покрепче, но сознание не прояснялось. Он хотел выбить из него понимание того, что с ним происходит. Вроде бы и ничего. Но было Лёхе не по себе. Будто подарили ему на день рождения прекрасный новейший самолёт-виртуоз. Красивый, нужный, желанный. А он не знал, как взлететь. И если даже взлетит случайно, то где и как приземлится.

Вот с этими запутанными аллегориями в голове и неясным теплом в сердце выпил он из горла поллитра лимонада городского, лег, и то ли забылся, то ли заснул. А, может, улетел в вечность. К звёздам, в потустороннюю жизнь.

Семнадцатого октября из города приехали автобусы. Выстроились возле совхозной конторы. Работяги своё дело сделали. Колоски, конечно остались, но их надо было искать в поле с лупой. Полёвки с сусликами, конечно и без очков их найдут. Живыми останутся. Перезимуют. Всех рабочих растолкали по кузовам грузовиков и увезли с поля. В десять утра студенты уже ждали, собравшись в уставшую, но шумную толпу, перед автобусами. Скоро должен был выйти директор и сказать на прощанье что-нибудь хорошее. Через полчаса он объявился, подождал пока юные помощники вытянутся в шеренгу

и откашлялся перед искренней торжественной речью.

– Вы нам очень помогли, – крикнул он так, чтобы левый и правый фланги слов его не пропустили. – Вы собрали со всех клеток семьдесят два центнера. А это урожай аж четырёх наших гектаров! Если бы не вы – он пропал бы. А теперь из собранного вами в колосках хлеба мельница сделает почти две тонны муки. А это почти три тонны булок хлебных. И ими можно всю зиму кормить небольшой посёлок вроде нашего! Так что, огромная вам благодарность, ребята! Вы представляете здесь три факультета. И каждому из них мы написали благодарственное письмо и подготовили почетные грамоты от имени районного комитета партии. Сегодня же специальной почтой они будут отправлены в ваш институт!

Директору поаплодировали, покричали «ура!» и «спасибо вам за всё!», после чего рассосались по автобусам и через три часа уже вываливались из них на площадку перед институтом, обрамленную клумбами бархатцев, стойко цветущих до первых ощутимых морозов.

– Занятия через три дня. То есть, с понедельника, – объявил молодой преподаватель, отработавший в командировке блюстителем порядка и трудовой дисциплины.

– На, – подошла к Лёхе улыбающаяся Надя и с размаха воткнула в нагрудный карман его клетчатой рубашки бумажку. Она в другом автобусе ехала. – Это мой телефон. Сегодня и позвони. А то забудешь про меня за три дня. А так – поболтаем вечером. Не против ты?

Лёха не стал говорить, что в квартиру, которую мама, учительница, получила всего три месяца назад, через каких-то шесть лет ожидания в очереди городского отдела народного образования, телефон пока не установили. Тоже очередь приближалась. Он похлопал ладонью по карману и съехидничал мирно, с довольным лицом.

– А девичья гордость где? Я же сам должен был его у тебя выпрашивать. И, может, выпросил бы.

– Да я смотрю – стесняешься ты, – Надежда взяла его за руку, подержала недолго. – А ты на других не похож. Придумал себе образ героя-победителя. Может, так и есть. Может, и не придумывал. Но ты добрый, смелый, скромный и какой-то настоящий. Ничего про себя не сочиняешь бравого, чтобы понравиться. Да и вообще, по-моему, всё равно тебе: понравился-не понравился.

– Это точно, – засмеялся Лёха. – Чего пыжиться-то? Понравлюсь таким, какой есть – это правильно будет. Не надо, значит, врать. Ни себе, ни тебе. Ладно. По домам. Позвоню вечером.

В обеденное время родители оба дома были. У мамы уроки на сегодня все кончились. А отец всегда дома обедал. Десять минут хода от редакции. Обрадовались, конечно. Мама поцелуями облепила и объятиями растормошила. А отец руку пожал, по плечу похлопал.

– Похудел-то, а! – взволновалась мама. – Будем отъедаться. Давай за стол.

– На занятия когда? – отец причесал свои богатые волнистые волосы. На работу собрался уходить.

– В понедельник, – Лёха откусил хлеб и ложкой прихватил горку румяной жареной картошки с луком.

– А вообще – нормально всё? Без эксцессов? – Батя задержался на пороге.

– Нормально, – Лёха чуть не подавился. Потому, что после этого слова почему-то высыпались и другие, для всех неожиданные. – Я там с девушкой подружился. Кажется, именно подружился. Причём, серьёзно и надолго, похоже.

– А мы её знаем? – почему-то дрожащим голосом спросила ошеломленная мама.

– Тебе, Люда, зачем её знать? – отец усмехнулся. – Он дружить будет. Не ты. А мы скоро тоже узнаем. Русская она?

Лёха за это время сжевал толстый кусок ржаного и сметал половину сковородки с картошкой.

– Я откуда знаю? Фамилия вроде русская. Но сейчас русские фамилии и евреи имеют, и украинцы, белорусы. Альтова её фамилия. Ну да. Альтова Надежда.

Мама, Людмила Андреевна, охнула, прикрыла рот ладошкой и как-то слишком резко села, почти рухнула на заправленную, укрытую клетчатым покрывалом кровать.

– Мамочки мои! – вскрикнула она. – Это же самого...этого... дочка. Господи, прости нас, грешных.

– Людмила! – прикрикнул отец. – Сопли не распускай тут! И Лёху повернул за плечо к себе. – Ты знаешь, кто её отец?

– Говорила, что в обкоме каком-то работает. Вроде так. Лёха перестал жевать. Что-то в реакции родителей было болезненное и растерянное.

– Коля, объясни ему. Он не понимает – куда его задуло. – Мама приложила к глазам белый крахмальный платочек.

Николай Сергеевич, отец, сел на стул напротив сына.

– Её отец, Альтов Игнат Ефимович – второй секретарь обкома КПСС Зарайской нашей области. Второй по величине и важности человек. Он сам по себе мужик неплохой. Не зажрался. Но, Алексей, это люди из другого мира. Из параллельной жизни. Ну, мы ж, например, с покойниками не пересекаемся. А живем в разных плоскостях. Они в виде душ невидимых нам, а мы – тела, им не заметные. Так и здесь. Для мира, в котором обитают Альтовы, мы – муравьи одинаковые. Не значим ничего для них по отдельности. А все вместе – мы трудящиеся. Расходный материал. Они тут правят миром. Бахтин, Альтов, Семенченко. Всем правят! Ну, ты влип, сын!

Отец взялся за голову и вышел из комнаты, хлопнул дверью.

– А секретарь обкома – это типа генерала в армии? – крикнул Лёха вдогонку.

Отец приоткрыл коридорную дверь и сказал тихо: – Да. Скорее маршал, а не генерал. У нас тут три почти одинаковых «маршала». Начнешь серьёзно с ней дружить – нам тут всем мало не покажется. У них закон есть. Их дети дружат со «своими», и женятся на «своих». Из своего клана правителей-повелителей. Вот же напасть!

Батя поднялся, чертыхнулся и в этот раз уже ушел по-настоящему.

Мама Лёхина его догнала во дворе и они ещё минут пять шептались. Отец нагнулся и кудри его дотронулись маминых волос. Потом мама, притихшая и озабоченная, прибежала, обняла Лёху со спины и прошептала на ухо.

– Ты, сын, пока не говори про девочку эту никому. По крайней мере, фамилию не называй. Хорошо?

– А Игнат Ефимович, батя её, он что – ваш враг? Обидел вас, лишил чего-то?

– Потом сам поймёшь, Алексей – Людмила Андреевна говорила по-прежнему шепотом, хотя все соседи обедать домой не приходили. Далеко было. – Пойду к Маргарите, подружке. Блузку ей дошьём.

Когда один остался Лёха, стало ему легче. перевозбуждённость и странная испуганная реакция отца с мамой пропали, ушли вместе с ними. Лёха минут тридцать отмокал под душем, потом отстучал молотком стельки из шиповок, скрюченные от засохшего пота, прилег на покрывало с книжкой Циолковского «Путь к звёздам». И почти сразу уснул. Устал всё же от обилия неожиданных событий за последние двадцать дней.

Проснулся часов в семь вечера. Мама проверяла тетради. Отец тихо играл на баяне свой любимый «Полонез Огиньского».

– Пойду к ребятам схожу. Давно не виделись.

– Отец кивнул, мама сказала «м- м- м». То есть – услышала и не возражала.

Лёха нашел в кармане не ездивших в совхоз брюк мелочь, выловил две «двушки» и побегал к телефонной будке. Она стояла одна-одинёшенька на сто, примерно домов, возле «клуба механиков».

Постоял, выкурил «Приму», потом сказал вслух.

– Да и ладно! Подумаешь!

Достал из рубахи бумажку с номером, кинул монетку и медленно, нерешительно пока, покрутил дырки в диске и услышал гудок, сменившийся на приятный бархатный голос.

– Привет, Алексей!

– А как ты..? – Лёха растерялся.

– А мне больше не звонит никто. У мамы с папой другой номер.

– Привет! – засмеялся Лёха – А то я подумал, что ты ведьма.

– Да, не буду отрицать. Есть немного, тоже засмеялась Надя.

И стало тепло. Хорошо стало. Душа Лёхина почему-то трепетала и радовалась. И стали они знакомиться детальнее и откровенней.

А домой он пришел после часа ночи. Родители как бы спали. Лёха прокрался на носочках в свою комнату. Свет не зажигал, а сел к окну и почти до утра разглядывал самую яркую звезду Альтаир в созвездии Орла.

И ни о чем не думал. Ничему как будто не радовался и ни о чём, уж точно, не жалел.

2.Глава вторая

Мутного желтого цвета пластмассовый громкоговоритель, похожий на огромный кусок хозяйственного мыла, покойная бабушка Стюра прибила в шестьдесят пятом ещё году к верхнему косяку кухонной двери. Потому, что строители страшного на вид серого панельного дома, усыпанного влипшими в цемент кусочками молотого гравия, розетку для радио пригвоздили в соответствии с проектом именно там. До регулятора громкости Лёхина мама не дотягивалась, отцу было всё равно – орёт радио или молчит, а Лёха обожал просыпаться по просьбе московской дикторши, которой бог подарил голос одного из своих ангелов.

– Доброе утро, товарищи! – после скрипа и скрежета пробивающегося по бесконечным проводам всесоюзного эфира бодро и ласково сказала дикторша. – Сегодня пятница, восемнадцатое октября тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Московское время четыре часа утра. Начинаем трансляцию передач Всесоюзного радиовещания.

Тут же заполонил всю большую трёхкомнатную квартиру симфонический пафос гимна СССР, отчего у каждого, видно, жителя города возникало желание быстрее вскочить с кровати и принять торжественную стойку. Никто ведь приёмники в Зарайске никогда не выключал. Старая традиция. Она жила с момента появления в землянках, домиках, домах и коммуналь-

ных квартирах траурно-черных круглых громкоговорителей с дрожащей от звуков мембраной, сделанной из загадочного материала, похожего на барабанную кожу.

Лёха спрыгнул на пол вторым. Потому как в соседней комнате батя уже делал зарядку под всесоюзный гимн, а заканчивал под местный, прославляющий родную Казахскую ССР. Отец был мастером спорта по лыжным гонкам и в соревнованиях участвовал до сих пор. Когда до сорока всего год оставался. Поэтому заряжался он с утра не для хорошего самочувствия, а во имя сохранения хорошей спортивной формы. Зима почти рядом. А там – минимум пять-шесть всяких соревнований. У Лёхи легкоатлетические турниры крутились круглый год. Зимой в залах, а с весны до осени – на единственном, но мастерски сделанном стадионе, каких в самой Алма-Ате-то было штуки три, не считая, конечно, центрального.

Поэтому состояние боевой готовности надо было нянчить как дитё малое – без передышек и уважительных причин. В шесть утра с 1 января по 31 декабря Лёха быстренько влезал в спортивный костюм, кеды, накидывал на голову трикотажную шапочку с ушами и пробегал пять километров через дворы четырехэтажных страшилищ, вдоль асфальтовых и естественным образом продавленных в земле большого частного сектора дорог, разминался в квадратном скверике возле нового своего микрорайона и домой на четвертый этаж взлетал к восьми. К завтраку. Мама в это время уже вела первый урок, а батя ждал Лёху, чтобы кашу гречневую с ливерными пирожками и густым грузинским чаем они уничтожали вместе.

– Ты вообще в курсе, что день рожденья у тебя завтра? Девятнадцатое же октября будет. – Николай Сергеевич дожевывал пирожок и осторожно глотнул из граненого стакана только что вскипевший чай. – Праздновать будем вечером. Так что, ничего после семи не планируй. Шурик с Зиной приедут, Володя с Валей, тётя Панна с Виктором Федоровичем. Дядя Вася из деревни, дед твой Панька и баба Фрося. Горбачев дядя Саша обещал попозже подъехать. Там у них в милиции районная проверка идет. Сидят шесть человек, бумажки пересчитывают до восьми. Придурки.

Лёха насторожился.

– А чего народа столько съезжается? Вроде не юбилей у меня. Девятнадцать лет. Не пацан, но и не мужик ещё. Чего с таким размахом праздновать?

– Ты ж студентом стал! – отец взял пухлый пирожок и откусил сразу половину. Потому говорить стал невнятно. Но Лёха расшифровал-таки. – Двойной, выходит, праздник. Девятнадцать лет плюс открывшаяся дорога в страну умных. Это надо пошибче отметить. Я даже знаю, кто что подарит. Сказать?

– Не, вы тут без меня точно приглупели все, – засмеялся Лёха. – Одни дары несут как ребёнку-малолетке. Другие хотят приятную неожиданность испортить. Чтоб я перед роднёй трепетал неестественной радостью от подарков, про которые давно всё знаю. Ты чего, батя, серьёзно?

– Тьфу, какой дурной ты! Девятнадцать лет, а юмор взрослый всё не доходит до тебя. Шучу я! Ладно. Куда ты сейчас? Дождик вон начался. На весь день, похоже. Мне-то в редакцию. Уже девять скоро. – Он вытер салфеткой пот со лба, выдавленный чайным кипятком, и пошел одеваться в рабочую корреспондентскую форму. В серый костюм из тонкой шерсти и белую рубаху под синий в крапинку галстук.

– Пойду к пацанам в наш старый край. Мне вообще там жить хочется. Чего мы сюда переехали? Вот эти девять домов вокруг – склепы натуральные. Женщинам в сумерках без сопровождения ходить боязно. Да и шпаны много почему-то. Вообще – уродливое место, – Лёха накинул поверх трико прозрачный синтетический плащ с капюшоном. – Организм сопротивляется здесь жить. В этом месте, говорят, давнишнее кладбище снесли. Степь тут начиналась. А в старом нашем краю – рай. И Тобол, речка любимая, такой вкусный воздух на те улицы несёт. Полезный, полный природных витаминов.

– Всё, блин, – отец тоже набросил точно такой же плащ-накидку. – К старому возврата нет. Я и сам не хотел уезжать оттуда. Но хватит уже печку углём топить, воду за триста метров по три раза в день из колодца таскать да грязь месить тамошнюю. Здесь и отопление паровое, вода в квартире, телефон скоро проведут. Телевизор вон, смотри как тут сигнал принимает! Опять же – балкон три метра в длину. Почти комната. Застеклим потом, батарею туда протянем и мама цветы будет разводить как в теплице. Нет. Сравнить то захолустье с современной цивилизованной инфраструктурой – пустое дело.

И они разошлись. Николай Сергеевич пошел писать очередную правду народу, а Лёха – к друзьям дорогим, с которыми по малолетству вместе сопли на кулак мотал, потом выросл стремительно и настырно в приключениях опасных, драках край на край и погонях за местными девчонками, которые на какое-то короткое время становились неповторимыми подарками судьбы. Он вырос, уехал на другой конец города, но каждый день бегал на родину, в свой район «Красный пахарь», где никто ничего не пахал уж сто лет, зато тополя росли, цепляя верхушками небо, пахла прибрежной травой и волной сладкой река, ездили на своих самодельных каталках дорогие и вечно пьяные инвалиды войны, ухитрившиеся выжить. Да ещё солнце отскакивало брызгами лучей от маленьких окон мазанок, землянок и магазина умершего купца Садчикова, на ступеньках которого было большим счастьем посидеть вчетвером, покурить и позаигрывать с ещё недавно бесформенными, а теперь фигуристыми грудастыми соседками, не сумевшими подавить в себе страсть к круглым карамелькам «Орион» и лимонаду «Кремсода». Да, настоящая жизнь вместе с доброй памятью остались только здесь. На старом месте, где судьба нарисовалась, хорошо началась и ошалело понеслась пока ещё не понятно куда.

На подходе к месту встречи с друзьями, за километр примерно, сквозь дождь, довольно щедрый на миллионы мелких капель, просочился грязно-серый вонючий дым. Он, пришибленный острыми струями, жался к земле, огибая дома, деревья и людей, бегущих с зонтами на работу.

– Это что там? – крикнул Лёха безадресно. Много бежало к остановке людей. Слышно было всем.

– Дом горит на Ташкентской! – пропищала укрытая голубым зонтиком тётка с хозяйственной сумкой. – Я мимо еле пробежала, чуть не задохнулась. Весь дым к земле нагнуло.

– Это, Лёха, у Прибыловых хата загорелась, – сообщил из-под зонта прорезиненного голос Валерия Ивановича Куропатова. Он через три дома от погорельцев жил. – Я помогал выносить кое-что на улицу, но больше не могу. На работе вздрючат за опоздание.

Лёха побежал на Ташкентскую. Витька Прибылов, бывший одноклассник, жил в деревянном старом домишке с дедом. Бабушка умерла два года назад от туберкулёза, подхваченного из цементной пыли на комбинате железобетонных изделий. Отец с матерью пять лет назад летели в город на «кукурузнике» из Бурановского района. Со свадьбы дочери отцовского друга. Самолёт упал на посадочную полосу в Зарайске. Завалился на крыло и винтом прокрутил кругов десять по земле, разваливаясь на детали. Рассказывали знакомые Витькины. Знакомых – полгорода. Кто-то как раз был в аэропорту. Родителей Витька хоронил чисто символически. Тел не было. В гробы сложили куски одежды, вещи, Руку матери, которую опознали по перстню. Голову отца. Её отбросило метров за тридцать в траву возле полосы. С тех пор на остаток семьи Прибыловых беды накатывали как регулярные морские волны. Бабушка на работе, считай, погибла, Витьку порезали на танцплощадке в парке ни за что. Показалось двум идиотам, что он липнет к девчонке одного из них. Потом собаку, огромного волкодава, кто-то отравил. Кинул через штaketник кусок колбасы, вымоченный в разведенном дусте. Деда машина сбила, когда он дорогу из магазина переходил. Три месяца в хирургии пролежал. Сейчас ходит с костылём. Левую ногу не смогли в бедре восстановить.

– Это Господь проклятье наслал на вас, – убеждала Витьку соседка Лифанова. – потому, что отец твой Сталина материл.

– Дура ты, Лифанова, – сопротивлялся Витька. – Проклятья колдуны, шаманы злые насылают. А Бог, наоборот, любит всех.

– А раз любит – чего вы все у смерти прямо под косою шастаете? – Лифанова плевала на землю в три стороны и уходила недовольная.

Но что-то с Прибыловыми всё одно было не так. Кто-то или что-то не давали жить спокойно. Это Лёха ясно понимал, но объяснить не мог даже себе.

Вокруг горящего дома бегало человек тридцать. Не меньше. Ведрами таскали воду из колодца напротив и лили её вниз. Сверху дождь старался.

– У кого длинный шланг есть? – закричал подбежавший Лёха, продираясь голосом сквозь треск горящего дерева.

– У Димки Конюхова, – отозвался пробегающий с ведром Серёга Ильичев с соседней улицы.

– Конюхов, бляха! – заорал Лёха, сделав из ладоней рупор.

– Я тут! С Лебедевым диван тащу из хаты, – кашляя прохрипел Димка.

– Бросай на хрен диван, за шлангом беги.

Через десять минут Лёха уже насаживал конец шланга на носик водонапорной колонки, вкопанной метров за сорок от дома. На углу. Шланг оказался даже длиннее, чем надо было.

– Держи, чтобы он с колонки не соскочил. – Лёха толкнул Конюхова к колонке и, подхватив шланг на сгиб локтя, рванул к дому. – А теперь жми ручку вниз!

Напор был крутой, мощный. Окна и углы домика стали шипеть как сотни спутавшихся змей и тускнели, теряя огонь.

– Пожарных полчаса назад вызвали, – угрюмо крикнул Витька Прибылов. – Сразу как загорелось. Проводку замкнуло в сарае дождём. Крыша худая там.

Вот после этих слов его и выскочила из-за угла красная машина с лестницей над баком и пожарниками в брезентухах на подножках.

– Всё, мужики! – заорал старший пожарный. – Валите в сторону. Спасибо. Теперь мы сами. За водой на Тобол ездили. Извините, что припозднились.

– Да хрена теперь извиняться, – тускло сказал Витька и сел прямо в грязь перед штакетником. – Там уже тушить нечего. Сгорело все к едреней матери.

– Погоди выть, – Лёха шлёпнул его по спине. – Надежда последней умирает. Есть ещё шансы. Верх почти не горел под дождём. Значит потолок не упал. Не пожёг вещи. Да и вынесли, сам глянь, вон сколько!

Минут десять три брандспойта били водой дом так, что чуть не развалили напрочь. Насосы уж очень мощные были у укротителей огня. И остался синий дымок, истекающий волнами узкими, прилизанными, из дыр меж брёвнами.

Пошли считать оставшееся в целости. Много людей пошло. Дед только остался на улице. Прислонился к шаткому забору и обреченно плакал. Глядя под ноги.

– Да почти ничего не пропало, – радовался Витька. – Занавески сгорели, пол провалился. Сундук с летними шмотками спалился. Новые купим. Стаканы полопались и обеденный стол обуглился. А так вроде всё. Гармошка вон лежит отцовская. Телевизор вынесли, успели. Нормально всё.

– Я тебе за треть цены все стройматериалы достану, – взял Витьку за плечо Иван Обухов. Зам начальника СМУ-2. Кирпич, шпалы, доску, рамы, косяки. Фундамент цементный зальём. Проскуряков Олег тебе проводку путёвую от столба разведет по дому и в сарай. Да, Олежек?

– Да нет разговора! – потрепал Витьку за лохмы Проскуряков.

– А мы с пацанами строить поможем, – крикнул Лёха.

– Да усохни, Малович, – засмеялся зам начальника СМУ-2. – Мои ребята в выходные суббота тут сделают. Витька им ящик водки поставит и хорош. За четыре выходных дом готов будет.

– Пока несите всё ко мне домой, – сказал Димка Конюхов. – И поживёте у нас с Нинкой пару недель. Не треснем. Дом у меня – я те дам! Рота солдат влезет.

Пожарные скатали в рулоны рукава для подачи воды, отстегнули брандспойты, покидали всё между кабиной и баком, попрощались и убыли ждать следующего пожара.

А Лёха почистил трико, помыл руки в луже и побежал с Ташкентской улицы на Октябрьскую. Минут пятнадцать ходу от пожарища. Сидя на мокром крыльце древнего Садчикова магазина курили под зонтами Нос, Жердь и Жук. Лучшие друзья.

– Вы, блин, тунеядцы! – весело крикнул Лёха, обняв каждого по очереди. – Не работаете, не учитесь, пожар рядом не заметили. Не помогли тушить. Вас судить надо. И расстрелять за вредительство. Вы государству своей ленью мешаєте выбиться в лидеры среди союзных республик. Бараны бесполезные!

– Лёха вернулся! – радовались лучшие друзья, пропустив ехидную тираду поверх зонтов. – Ну, давай, колись, что и как. Чего заработал, чему научился, когда на английском болтать начнешь?

Каждый вставил своё слово и крепко пожал ему руку.

– Вот, блин, удивительное дело! – как в театре актер патетически произнёс Лёха Малович. – Не научился ничему, пользы колхозу принёс на копейку. Зато влюбился!

– Удивил, блин! – заржал Нос. – Ты их сколько за этот год отлюблил? Штук двадцать, не меньше.

– Ты, Нос, тупырь, – развеселился Лёха. – Отлюблил и полюбил – это как небо и земля. Говорю же – влюбился. Первый раз по-настоящему. Полюбил! Чего вам не ясно, охнарики? У меня вот тут жарко, в груди. Там где душа с сердцем. А не в штанах, как обычно. Разницу просекаете?

– Ха! – изумился Жердь. – Такого не было ещё. Если не врёшь.

– Тогда садись в серединку, – потянул его за руку Жук. – И колись. Руку на Библию клади и колись как Петру святому перед воротами в рай. Правду и только правду.

Лёха сел, закурил, помолчал, собрался с духом и каким-то странным, не своим голосом начал первый в своей жизни рассказ о том, чего пока ни с кем из близких друзей не случилось. О нагрянувшей без спросу и разрешения настоящей, неизведанной и пугающей любви.

Дождик аккуратно прижал к земле поздние цветы на клумбах перед магазином. Легли, пачкая в грязи разноцветные листочки, бархатцы, бессмертники, циннии и хризантемы. Разновеликие, свободные и вполне довольные беспризорностью своей собаки опустили мокрые головы и бесцельно бегали в сторону Тобола и обратно. Лапы собачьи с размаху поднимали из-под воды грязь и забрасывали её на хвосты и мокрые спины. Но не слабенький разум животный вытащил их из обжитых сухих и тёплых укромных закутков, которых люди и не замечали. Наоборот, мудрость инстинкта бессознательного нашептывала собакам, что если по лужам не просто бегать, превращая мягкую шерсть в тяжелую мокрую ношу, а почаще падать в места, где поглубже, да валяться там с переворотами и замиранием на спине, задрвав ноги, то получалась прекрасная оздоровительная процедура.

Блохи оставались в лужах, а пока заведутся новые – можно будет с недельку- другую пожить в покое тела и духа, продляя этим не слишком долгую жизнь.

Лёха рассказывал о появлении непривычного светлого чувства долго и красочно. Деталей не упускал, но и общую философскую, моральную и нравственную платформу любви несомненной утверждал примерами из классической литературы, знаменитых кинофильмов, да из подручных многочисленных примеров, находившихся в окружающей городской действительности.

Нос, Жердь и Жук слушали его молча, подавляя в себе лирические переживания за хрупкую пока Лёхину влюбленность разглядыванием кувыркающихся в лужах собак и провожением равнодушными взглядами прикрытых зонтиками и капюшонами ненормальных прохожих, не

усидевших в непогоду дома. Курили они одну за одной сигареты «Прима», покашливали в наиболее откровенных местах повествования. И только это вскрывало факт глубокой их заинтересованности в неведомом ещё для самих чувстве, а попутно подтверждало доверие к непривычным Лёхиным откровениям.

– Короче, такая моя метаморфоза внутреннего состояния! – завершил влюбленный рассказчик с большим трудом выдавленное из строгой своей мужской сущности отчаянное откровение.

– Да... – промычал Жердь, убрал зонт, поднял взор к небесам всемогущим и задумался. Наверное, о возможной собственной любви. Которая в восемнадцать лет пока его на Земле не разглядела. Морось октябрьская лилась ему сквозь короткий волос за пазуху и на спину под воротник курточки. Но Жердь так глубоко ушел в себя, что Лёхе пришлось перехватить у него зонт и водрузить его над Генкиной головой. Октябрь все-таки. Простынет, помрёт от воспаления лёгких. И вся любовь.

– Ну, это надо проверить, – тихо пробормотал Нос. – Говорят же, что сперва любовь первая аж разрывает тебя на куски, жжёт и чудеса вытворяет немыслимые. Крылья у тебя на спине вылезают из пера жар-птицы. И ты, порванный страстью на фрагменты, летаешь на крыльях этих и возлюбленную с собой порхать зовёшь. Парить в страстном трансе над всем обыкновенным. А она, сука, не летит. И крылья у неё не растут. И не слышит она тебя ни хрена, потому, что мама её в это время вливает в уши фигню всякую. Как правильно шторы подшивать. Какие заколки для волос вчера в моду вошли. А ты там порхаешь как дурак с крыльями. Весь в эйфории. Пока бензин не кончится.

– Чего проверять? – Лёха просто ошалел от глупости друга. – Это любовь, я тебе говорю. Точно. Я читал. Слышал. В кино видел. Прямо один к одному всё. И она неровно дышит. Глаза. У неё глаза влюбленного человека. Я у разных девок, с которыми шустрил по неделе, да по три дня, видел глаза. А, мама моя родная, сколько я их пере... Перевидал. Девчушек с такими пустыми глазами.

Так в них ни фигу похожего. Скукота в них и очевидная просьба побыстрее в койку свалиться. А у моей – нежность. Чистота. Боль какая-то. Я вон на себя в зеркало смотрел. В глаза себе. Там тоже боль. От любви. Я, мать твою, в жизни бы месяц назад не поверил никому, что от влюбленности не розовые искры из глаз разлетаются, а всё болит внутри. Но сладкой, приятной болью. Душа ноет, сердце ломит, в мозгах как будто разряды электрические непрерывно. Жуткое дело. Но я без неё уже никак. Она во мне. Здесь!

Лёха с размаху вломил себе кулаком в грудь, от чего все три друга вздрогнули и отодвинулись.

– Ну ты, Лёха, гляди, – Жук поднялся и встал напротив. – Тебе виднее. Мы-то её не видали пока. Просто тебя знаем как себя. Потому верим. Жаль, что самим не довелось пока вот это всё через свои нервы пропустить. Ну, не поздно же ещё. Влетим и мы в эту сеть.

– Ну, – согласился Нос. – Лёха вон в любую из своей охмурённой команды мог вторгнуться. Красивых навалом было. Мы ж их почти всех видели. Так нет же. Пролетел над ними как ветер и не уткнулся ни в одну. Я так думаю, что в любую судьбу заложено ещё до рождения твоего – когда и что с тобой должно случиться.

– Случайно случиться, – сказал Лёха. – Я что, мечтал в неё влюбиться? Я искал её повсюду, потерял покой и сон? С фонарём ночами носился: вдруг встречу любовь? Да хрен там! Случайно получилось. Я сперва и не врубился, что втрескался. Только через неделю что-то перемкнуло. То ли в голове, то ли в душе. Сажу поздно вечером, читаю и вдруг понимаю, что вижу в книге не буквы, а её. И вот тогда прямо сразу и стало больно в глубине трёпанной моей сущности. Нет, мужики, это надо испытать лично. Это не перескажешь.

– Нас не бросай, – сказал Жердь. – Мы, конечно не девушки с бездонными глазами, да и любить нас, уродов, не за что. Но мы братья. Мы пять лет назад финкой пальцы резали и кровью соединились. Мы кровно обречены быть вместе до смерти.

Все помолчали. Закурили. Капли шуршали по зонтам и мелкими струйками, похожими на безутешные бурные слёзы, падали на пропитанное ими деревянное магазинное крыльцо.

– Ладно. Пойду я, – Лёха поднялся и поправил капюшон. – У меня тренировка в два часа.

– А завтра день рожденья, – добавил Жук. – Где и когда уши тебе драть будем? Лимонад куплен. Ящик. Четыре торта. По одному на рыло. Подарок есть. Обалдеешь!

– Только днём, – Лёха потянулся и тряхнул головой. Долго говорил. И страстно. Потому устал слегка. – Вечером родственники собираются.

– Тогда в час у меня, – Жердь поднял руку.

Они шлёпнули по очереди ладонями об ладони и разошлись.

Друзья по домам. Обдумывать услышанное и жить по-прежнему. А Лёха побежал к телефону-автомату за три квартала. Для него прежняя жизнь внезапно, но уверенно закончилась.

В синей, умытой дождем телефонной будке торчала толстая тетка и орала на кого-то с таким счастливым выражением напудренного и раскрашенного тенями и румянами лица, что и дураку ясно было, что тётка собеседника побеждает. Или добивает.

– А попробуй! – вылетал резкий её голос в дыру между длинными железными рамами, из которых вышибли стекло юные любители гадить везде, где попадет. – Нет, ты попробуй! Ты ж у нас не боишься никого. И сядешь! Сказала тебе – сядешь! А я сделаю так, что париться там будешь лет семь, понял? Нет, не бил. Но я-то докажу, что бил! Долго фингалов самой себе поставить? Муж, мля! Обьелся груш. Это ж ты меня из дома вытурил ни за что. Вот и попробуй органам объяснить, что если я от тебя, козла, налево сходила, то ты имеешь право по закону у меня квартиру забрать и помочь сдохнуть под забором. Есть такой закон? Нету, понял? А я прямо сейчас пойду в горотдел и мусорам заявление сдам. Вот оно. В ридикюле готовенькое лежит. Так что, намыливайся. Скоро за тобой, козлом, машинка с красной полоской приедет. Тьфу на тебя!

Тетка раскрыла зонт ещё в будке и задницей открыла дверь, чтобы вывалиться сразу под расписной непромокаемый искусственный шелк зонта. Краски на лице много было. Жалко если смоем.

Лёха терпеливо ждал окончания замысловатого фигурного выковыривания тела тёткиного из будки, а когда ей это с горем пополам удалось, спросил.

Машинально. Не собирался ничего говорить. Просто вырвалось.

– Гражданочка, вопрос можно?

– Нет у меня двушки, – тётка под зонтиком поправляла в косынке кудри.

– Не, я узнать хотел. Двухек у меня полно. Можно?

– Узнавай. Смотри, чего хочешь. Может, и скажу.

– Это Вы с мужем говорили?

– Ну, – тётка прокрутила зонт над головой и улыбнулась. – Здорово я его замесила?

– Вы его не любите? – Лёха глянул ей в густо обведенные карандашом глаза.

– Раньше любила. Он меня тоже. Десять лет назад, – она смотрела вдаль мимо Лёхи. – Три года. Пока не поженились. А в одной хате жить стали – тут и поперло дерьмецо. То из меня, то из него. Через полгода и открылось нам обоим, что тереться боками в тесной хате – пытка. И вылезло только тогда, что у нас общего кроме этой квартиры – ничего. Даже детишек он не захотел. И любовь куда-то свинтилась. Как и не было. Ответила я тебе, парень?

– Ну да... – Лёха застеснялся почему-то. – Ну, может наладится всё. Желаю вам.

Тётка махнула рукой и медленно пошла в сторону парка, где в мокрую погоду остались только воробьи на ветках сосен. Только на них иголки плотные придерживали капли. С других деревьев листья уже упали и умерли. Зонт её разноцветный долго ещё маячил на центральной

дорожке. Потом она села на мокрую скамейку и неподвижно сидела по крайней мере те полчаса, которые ушли на разговор Лёхин с Надей. Болтали ни о чём. Точнее, о всякой чепухе. О телепрограмме «В мире животных», о новом фильме «Доживем до понедельника». На обсуждение дождя затянувшегося целых десять минут ушло. Тётка всё сидела на скамейке, только голову опустила ниже и сторбилась. А в разговоре с Надеждой что-то не так было. Лёха чувствовал, что она пытается нечто поважнее воспоминаний о телепрограмме сказать, но у неё не получалось.

– Надь! – Лёха перебил её мысль о пользе морозящих потихоньку дождей. – Ты скажи, что хочешь сказать. Я готов. Мне трубку повесить?

– Дурной ты, Малович, – Надя засмеялась. – Ладно. Добавил ты мне смелости. В общем, приходи ко мне. Сейчас приходи. Ты откуда звонишь?

– От парка.

– Так это рядом. Десять минут ленивого хода. А ты спортсмен. За пять минут так же лениво и дойдешь. За желтым гастрономом на углу спуск внутрь квартала. Спустишься, увидишь двухэтажный дом из белого кирпича. Он там один такой. Второй подъезд. Второй этаж. Семнадцатая квартира.

– Ты одна дома? – Лёха почувствовал, что дыхание замерло. Как перед прыжком в снежный сугроб с четвертого этажа своего панельного уродца.

– Нет. С мамой. Она – Лариса Степановна. – Надя тоже почему-то говорила странным прерывающимся голосом, который бывает только при неровным дыхании. – Симпатичных и умных парней она не ест. Уважает, наоборот.

Чай попьём. Мама с тобой познакомиться мечтает.

– Так прямо мечтает!? – засмеялся Лёха. – Так ты про меня уже всем доложила?

– Пока одной маме. Она – мой лучший друг. Ну, давай. Жду.

Повесил Лёха трубку, прислонился лицом к уцелевшему стеклу будки и долго, минут пять следил за одинокими каплями, как в пропасть бросающимися с крыши будки на тротуар. Они разбивались в мелкие дребезги и переставали быть каплями, вливаясь в общую грязную лужу. Тётка на скамейке сидела в той же позе и похожа была на плохо установленный памятник, который накренился к земле и мог упасть.

– Да, блин. Жизнь, собака. Творит, что хочет. Но любую жизнь надо знать и уважать. Иначе никогда ничего путного не сделаешь.

Эту мысль он донес прямо до двери подъезда в двухэтажном доме из белого кирпича, который наверняка вся округа звала «белой вороной». Все остальные здания были больше, выше, но хуже.

– Эх, блин, всё равно когда-то надо и с мамой познакомиться. И с папой. А её надо моим показать. Да... Серьёзно всё заворачивается.

Кожаную с прошитыми узорами огромную дверь, Надя открыла раньше, чем он разглядел кнопку звонка. Она прислонилась к нему всем телом на секунду и взяла за руку.

– Сначала на кухню. Чай, конфеты, эклеры и бутерброды.

И вот тут глаза Лёхины так вытаращились! Даже неловко стало. Прихожая была устлана вроде бы ковром тёплого светло-коричневого тона. Но это был не ковер, а сам пол. Стены огромной, квадратов в двадцать, прихожей, выложены были из зеркальной плитки такого же коричневого тона и отражались друг от друга, создавая эффект отсутствия стен вообще. На стенах как по линейке были ввинчены в стекло аккуратные бежевые пластиковые плафоны, формой напоминающие морские ракушки. Из них на пол кругами падали тёплые лучи и расплзались радужными кольцами по ковру. Возле каждой из четырёх стен стояли высокие матовые коричневые подставки для больших ваз, из которых свисали ветвями тонкими розы, лилии, и неизвестные Лёхе цветы, оранжевые в коричневую крапинку.

– Осень же. Откуда цветы? – шепотом спросил Лёха, чувствуя сложный аромат цветочного коктейля.

– У папы на работе оранжерея есть. Общая. Одна на весь обком. Раз в неделю нам их меняют на свежие. – Надя засмушалась почему-то и за руку втянула его на кухню, огромную как главный зал в квартире Маловичей.

– Здравствуй, Алексей! – с фигурного, удивляющего формой гнутых ножек стула, стоящего у круглого, покрытого изумрудной накидкой стола, поднялась эффектная черноволосая женщина лет сорока пяти в потрясающем золотистой вышивкой дорогом халате. Сверху донизу по халату спускались и поднимались золотистые змеи и маленькие весёлые дракончики. – Какой ты красивый, мощный юноша. Ну, садись. Надя мне о тебе много рассказывала хорошего. А я хочу послушать тебя самого. Поговорим?

– Здравствуйте, Лариса Степановна! – слегка поклонился Лёха. – Поговорим, конечно. Только чего во мне хорошего я не думал никогда. Расскажу просто, что про себя помню

Все засмеялись. Неловкость первых минут ответственной встречи растаяла и через пять минут все трое пили экзотический и недоступный Маловичам цейлонский чай с конфетами московской фабрики Бабаева и бутербродами с черной икрой, которые Лёха раньше видел только в маминой книге о вкусной и здоровой пище.

Сидели и говорили долго. Намного дольше, чем сидят с людьми, которых позвали в гости для приличия и больше никогда не увидят.

И Лёха печенью почувствовал, шестым или даже седьмым чувством уловил ту флюиду, которая здесь, на кухне, была одна на всех троих. Добрая флюида. Такая обычно и всегда в жизни Лёхиной объединяла только близких родственников. И сейчас она чётко обозначила безусловное начало новой, совсем другой, неведомой до этой минуты жизни и крутой поворот судьбы в ту сторону, о которой он раньше никогда и не слышал.

3.Глава третья

– Кровь, кровь остановите! – кричал на весь стадион тренер Ерёмин спортивному врачу и двум санитаркам. Они работали в спортобществе «Автомобилист», у них свой кабинет имелся в единственном дугообразном здании на одноименном стадионе. Футболистов обслуживали, легкоатлетов, а зимой хоккеистов, которые играли мячом. С шайбой хоккей в Зарайске к концу шестидесятых ещё не прижился. Лёха метров двести от ворот до прыжковой ямы шестовиков добежал с отличным результатом. Если бы кто-то его бег засекал. Но некому было. Все спортсмены и тренеры окружили прыжковую яму. Это такой короб из дерева, в который насыпали сначала песок, а поверх него – опилки. Алюминиевые шесты уже свой век тихонько отживали. Появились синтетические фиберглассовые, которые гнулись и пружинили под тяжестью прыгуна. Результаты резко скакнули вверх. Всё это было здорово. Кроме одной детали. Это были отечественной

промышленностью слизанные с западных аналогов прыжковые инструменты. Ну, ясное дело, никто точного рецепта состава пластика нашим заводам не давал. Сделали их по образцу, однажды забытому немецким прыгуном на соревнованиях в Лужниках.

Но сделали по-советски. То есть, не жалея пластмассы, но и не сильно вникая: почему она такая волокнистая. И почему волокна вообще не того цвета, что сам пластик. Так вот наши родимые шесты временами ломались под весом человека. И тогда – как повезёт. Можешь по инерции ниже планки в опилки рухнуть. А у этого парня, Володи Саганова, десятиборца, вес был под девяносто. Шест переломился, а он с куском его в руках улетел вбок и головой вписался в верх деревянного короба. Кровь хлестала в опилки, на халаты медсестер, но не оставалась. Володя лежал без сознания, а человек шесть вместе с тренером лили на рану всё,

что было в чемоданчиках медсестер. Лицо парня побледнело, руки и ноги судорожно дергались. В яме для прыжков было тихо и тревожно.

– Скорую вызвали? – тихо спросила медсестра Лена, прижимая к дыре в голове толстый слой бинта, смоченный какой-то синей жидкостью.

– Едет уже, – врач Николаев стоял, пощипывая подбородок от волнения, и постоянно глядел на широкие распахнутые ворота.

То, что прыгну становилось хуже, видели все. Даже те, кто ни черта не понимал в медицине, зато имел много разных травм за спортивную жизнь и состояние Володи оценивал абсолютно точно. Похоже было, что череп он проломил, крови из раздробленной кости вылилось столько, что халаты у девочек промокли насквозь, красный круг на опилках диаметром был сантиметров тридцать. И ещё всем было понятно, что дело шло к самому плохому. Саганов умирал.

Да твою же мать! – тренер перепрыгнул через стенку короба и побежал к воротам. – Они, козлы, откуда едут? Через весь Зарайск пролететь на скорости – пятнадцать минут.

– А станция «скорой» километра два отсюда, – добавил врач Николаев и тоже выматерился, не стесняясь прекрасной половины.

Наконец в ворота со скрипом тормозов влетел «РаФик» с большим красным крестом на белоснежном кузове под окошком, задраенным голубой занавеской. Выпрыгнули из широкой двери три мужика в белых халатах и колпаках с пухлыми саквояжами в руках.

– Все ушли! Все в сторону! – отдал народу приказ главный, видимо.

– Идём на трибуну, – сказал врач Николаев. И все ушли. Поднялись на пятый ярус и молча ждали.

Минут через двадцать они сделали своё дело, двое поднялись, а третий медленно посадил Володю с укутанной в бинты головой и прислонил его к борту. Саганов сидел так недолго. Он открыл глаза, поднял руку и зацепился за верх короба.

– Ни хрена себе, – сказал он мрачно. – Гробанулся прилично.

– Считай, с того света вернулся, – похлопал его по плечу фельдшер. – Ещё бы литр крови вылился – и ку-ку.

– Вот какая сука разрешила такие шесты выпускать? – сам себя спросил Ерёмин Николай, тренер. – Явно без технических испытаний на нагрузку. Седьмой шест за полгода обломился. Это куда такое?

Врачей скорой помощи проводили к машине. Спасибо сказали и пожали им руки.

– Ты, парень, завтра в вторую больницу пойдешь. К доктору Марининой. Восьмой кабинет, – крикнул медбрат. – В очереди не сиди. Скажи, что ты экстренный. Понял? К десяти будь у неё. Она сегодня всё описание по твоему случаю будет иметь. Не забудь. Выздоровлявай.

Скорая шустро сдала назад и исчезла за воротами. Ерёмин, тренер, с ребятами подняли Саганова, и медленно, поддерживая слабое тело с разных сторон, повели его в раздевалку.

– Тренировки не будет, – крикнул он Лёхе и Сашке Кардашникову. Домой идите. Не до занятий пока. Во вторник – по расписанию.

Лёха зашел в здание, выпил воды из под крана и медленно пошел в сторону дома. Шест у него тоже ломался в прошлом году. Ударился он о борт плечом и шеей. Болело всё месяц примерно. Рентген сделали. Позвоночник удар не сломал. Обошлось.

– Такая легкая, прямо воздушная как шарик, наша атлетика, – без злости обижался он внутренне на всё кондовое отечественное оборудование. – Ну, а куда теперь? Надо терпеть. Станет же когда-нибудь и у нас всё как в Америке. Там, говорят, парни шиповки по пять лет носят. А наши сезон выдерживают. Если повезёт.

Дома никого не было. Он поел то, что мама оставила в холодильнике «Саратов». Крошечном, почти игрушечном. Но надёжным как советские самолеты, в которые закладывали

двойной запас прочности, не жалея металла и заклёпок. Только поел, в дверь позвонили. Лёха утер рот вафельным полотенцем и открыл дверь.

– Салам алейкум, Чарли! – протянул руку Витёк Ржавый из приклатненной компашки, в какую Лёху задуло десять лет назад ветром воспоминаний о справедливых, сильных и авторитетных бывших ворах, а потом ответственных «смотрящих», двух Иванах, научивших его, малолетку, как начать жить правильной мужской жизнью и не скатиться на кривую дорожку воровской или просто жиганской жизни. Странно это было. Воры, хоть и бывшие, наставляли его и друзей Лёхиных на путь честного бытия и почти приказывали никогда не нарушать закон.

– Привет, Ржавый. Чего надо? Заходи. Колись, – Лёха пропустил Витька мимо себя и закрыл дверь.

– Ты нужен. Самому пахану, – Ржавый пошел к столу и доел то, что осталось, запив всё это компотом. – Обмозговать надо одно дело. Змей сказал, что твоих мозгов не хватает, чтобы выстроить всё по уму.

– Вы как допёрли, что я из колхоза вернулся? – Лёха переоделся в спортивный костюм.

– Зарайск чуть больше твоей деревни, – засмеялся Ржавый. – Да и дятлов у нас хватает. Тебя ещё возле автобуса срисовали по приезду. Наши возле института ошивались. Марух клеили.

– Ладно, двигай давай. Чего там Змею приспичило? – Лёха подтолкнул Витька к двери и через полчаса они уже входили во двор дома на окраине города. Дом этот носил у своих кликуху «Золотой шалман», а вообще был обычным притоном воров, уркаганов, блатных, отдыхающих тут после очередной ходки и шалав местных, разбросанных по всем зарайским притонам как необходимость пацанская и украшение тусклой жизни урок.

Змей обнял Лёху и сразу приступил к делу.

– Пресекаешь, Чарли, мы загасли на растяжке одной мысли до правильного конца. Не канает концовка работы. Хоть задушись. Надо одного подпольного хмыря-ювелира колануть без крови и увечий на триста граммов рыжья чистого. Высшей пробы. А как это проверить, чтобы его не потянуло в мусорню стукануть – не фурычим всей кодлой. Ну чего, напряжешь мозги свои светлые?

Лёха сел на диван, мятый до пружин бурными пацанскими забавами со своими шалавами.

– Змей, давай вот это в последний раз. Ну, ладно, не в последний, не обижайся. Но хоть до весны меня не души. В институт же поступил. Надо как то в учёбу вписаться. Ювелир-то в натуре хмырь? Хорошего человека не обидим?

– Да он волк! – Змей аж захлебнулся. – Барыга, беспредельщик на кидалове простых заказчиков. Его наказать – боженька спасибо скажет.

Домой Лёха вернулся поздно. Всё придумал на радость уркам. Но устал от длинного насыщенного дня. Даже Наде звонить не пошел. Перекинулся с родителями десятком фраз насчет завтрашнего дня рождения и, не снимая трико, свалился на покрывало и провалился то ли в прошлое, то ли в будущее, а может вообще в никуда.

Вечер тёплый был. Отец открыл окно и все дышали ветром, который летал повсюду с прицепом из ароматов полынных трав. Они увядали вместе с первым морозом и упавшим с неба снежным одеялом. Тонким и мягким. Лёха и проспал-то час всего. Но от усталости и нелегкого разнообразия событий сон оказался таким глубоким, что и вынырнуть из этого омута непросто было. Сначала проснулся нос. Он уловил бодрый, острый вкус полыни, встрепенулся и растолкал остальные органы, нужные для пробуждения. Глаза, уши, и мозг. Все четверо Лёхиных друзей и самых полезных личных инструментов для управления собой дали команды спрыгнуть с кровати. Отец играл на баяне вальс «Амурские волны», который не понятно почему сочетался с музыкой ветра и лёгким звоном дрожащих под струями летящего воздуха трав. Мама шила себе очередное платье. Старая бабушкина машинка «Зингер» тоже стрекотала музыкально.

Как цикада, которых в степи полно было. Вот и получался такой смешной оркестр, составленный из несочетаемых инструментов, но звучащий ладно, нежно и немного грустно.

– На, сыграй мне «Маленький цветок», – отец сунул Лёхе баян. Инструмент был старый, сделанный ещё до революции. Купил батя его в комиссионке. В конце шестидесятых все баянисты перешли на тульские инструменты. Размером поменьше и с переключателем регистров. Отцовский баян сделали большим. Меха у него растягивались на метр вправо. Кнопки ладов царский завод привинтил к каждому язычку винтиками, весил инструмент как полное ведро с водой. Но зато звук у него был изумительный. Насыщенный, глубокий и едва вибрирующий. Красивый, в общем. Лучше, чем у знаменитых серийных тульских.

– Именно «Маленький цветок»? – переспросил Лёха, накидывая на плечи ремни.

– Ну, – отец сел напротив. – Ты его точно играешь. Я у тёти Панны пластинку слушал. Кларнетист Сидней Бише играл в джазе, с Армстронгом работал. Фигура. Он написал «Маленький цветок» для себя. Для кларнета. И пластинку первую с этим фокстротом ещё в тридцатых годах выпустили. Сейчас эту вещь вспомнили и играют все. На саксофонах, даже на скрипках. Ну а я хочу на слух выучить. Нот-то нет этих в СССР. А баян наш для «Цветка» прекрасный звук даёт. Давай.

Лёха стал играть и почувствовал, что извлекает из мехов звуки, полные нежности и грусти. Самому ему прямо-таки плакать захотелось. Дотянул пьесу до последнего аккорда, отдал баян отцу и пошел к окну, чтобы врубиться, глотая вкусный воздух: с чего вдруг он чуть не расслюнявился.

– Вот зачем музыкальную школу заканчивал? – не обращаясь к сыну, спросила мама. – Способности замечательные. Сами учителя говорили. И на фортепиано, хоть он и попутный инструмент был в школе, тоже неплохо играешь. Вот и шел бы дальше. В консерваторию. Потом в хороший оркестр с баяном. Народную песню мог бы замечательно пропагандировать. А по отцовской дорожке пойдешь, замаешься корреспондентским трудом. Командировки вечные, грязные гостиницы, еда какая попало. Всегда в дороге, в пыли, под дождями и ветрами. Хоть про сельское хозяйство пиши как отец, хоть про рудники наши. Один черт – всегда грязный и дорогами измотанный.

– Я в школе играл в ВИА. И в институте буду играть. Нет там ансамбля – сам соберу людей толковых. Гитару вон ещё попутно осваиваю. Но не хочу музыку профессией своей делать. И спорт. И рисование. Хочу писать и жизнь изучать натуральную. Не такую как на плакатах «Счастливый советский народ уверенной поступью идет к коммунизму». – Лёха пошел к вешалке и переложил из брючного кармана в трико десяток двушек. – Я, мам, на иняз поступил, потому как в Свердловске на журфак не прошел с тройком по истории. Ты же знаешь. Мне иностранный язык выучить, извините, не в падлу. Время, конечно, потеряю. Но буду писать всё время. Закончу и буду пробиваться в газету.

– Алексей, не разговаривай так. Слов паршивых не произноси. При учительнице русского языка, – мама дернула его за рукав. – Куда собрался-то на ночь? Денег нагрёб полкармана.

– Пойду позвоню Надежде, – Лёха прислонился к косяку двери в наглой вызывающей позе. Руки в карманах, нога на ногу. – Надо будущее обсуждать. Отец засмеялся. Мама перестала шить и уставилась на сына расстроенным взглядом.

– Да пошутил я, – сказал Лёха серьёзно. – Какое будущее? Они на небе живут. Мы – почти под землёй. Я у них дома был. Там изба как музей. А мама её как шамаханская царица. У них пылинку надо с микроскопом искать. У них завтрак, обед и ужин – по часам. Минута в минуту.

– Ладно тебе. Не умничай. По часам. Ешь и ты по часам – здоровее будешь, – отец улыбнулся. – Ты не критикуй людей за правильную жизнь. А лучше помогай маме убираться в доме. Куплю микроскоп, чтоб пылинки разыскивать. А насчёт Нади твоей... Полюбишь её – люби. Это само по себе счастье. Его и достаточно будет, пока не разлюбишь. А, может, никогда не

разлюбишь. Но жить вместе вам не дадут. Вы с разных планет. Ты с Земли. Они со звезды. С Солнца. Иди звонить. Поздно уже.

Шел Лёха, перебирая в кармане двушки. Не думалось ни о чём хорошем. Что-то в словах отца было точным, как выстрел из воздушки в десятку. Но что? Первые слова или последние?

Надя сняла трубку быстро.

– Я потеряла тебя. Ты где? Всё нормально? Ты почему не звонил весь день? Я...Я...

И она заплакала. Тихо. Печально.

– Я сейчас прибегу. Десять минут жди и выходи на улицу. Сможешь? – Лёха оторопел.

– Приходи скорее, – Надя шмыгала носом. – Я буду возле подъезда.

Лёха бросил на рычаг трубку и рванул в центр города. Он бежал и совсем не думал о том, о чём ему стоило уже догадаться: пришла любовь. От которой ещё никому не удалось спрятаться или проскочить мимо.

– Я весь день сидела у телефона, – Надя прижалась к Лёхе и обняла его за шею. – Книжку рядом раскрыла. А она не читается. Не пропадай так надолго.

– Надь, у меня жизнь такая, – Лёха гладил губами её чёрные бархатные волосы, пахнувшие почему-то яблоками. – Я неуравновешенный. Так как-то получилось давно уже, что или я где-нибудь очень нужен. Или мне самому куда-то срочно надо. Это не нормально, конечно. Надо что-то одно делать и этим жить с радостью. А у меня десять дел в день – минимум. И все разные.

Вот и ношусь как бешеный конь. Конёк-бегунок, в общем.

– А я? – Надежда подняла глаза и пробила Лёхины зрачки навывлет. – Мне же ты тоже очень нужен. А тебе ко мне не надо ни срочно, ни случайно.

– Зачем я тебе? Я совсем не ручной. Достоинство всего одно – не совсем дурак. Так таких – вон сколько. Армия! – Лёха мягко тронул губами бархатную её кожу на шее. – Я ни с кем никогда из девушек не дружил, не влюблялся ни разу. Даже в кино никого не водил. Поэтому я и не понимаю, что случилось. Знаю точно, что уже не могу без тебя. Что хочу всегда быть рядом. А не выходит, блин! Думаю только о тебе, но вырваться из паутины всяких дел, в которой застрял уж лет пять назад, пока не могу. Я в ней застрял, опутан ей вкруговую и ещё не нашел способа, как порвать эту привязь и убежать от всего к тебе.

– Так не получится, – улыбнулась Надя и тонким шелковым, разрисованным голубыми васильками носовым платочком промокнула замершие в уголках глаз слезинки. – У мужчины дела должны быть важнее всего. Но я и не хочу, чтобы ты спрятался, растворился во мне как сахар в чае и выпал из мужской жизни. Я очень быстро поняла, да почти сразу, после нашей первой прогулки на степное озеро, что ты мужчина. А настоящий мужчина не должен быть карманным предметом вроде вот этого носового платка. Он лежит себе тихонько кармашке юбки. Достать его редко, но знаешь, что он с тобой всегда и используешь его, как пожелаешь. Хочешь, сморкайся в него, хочешь, пыль с тифлек вытирай.

Лёха обнял её нежно и держал за талию как хрупкую вазу из драгоценного стекла. Слова нужные именно сейчас, которые, казалось, пулей должны были вылететь, застряли, завязли, прилипли к языку и выдавились с большим трудом и внутренней дрожью.

– Мало времени прошло. Мы познакомились-то когда... Пальцев на твоих и моих руках хватит, чтобы не обсчитаться. Но так же не должно быть, чтобы можно было влюбиться с такой бешеной скоростью. А я влюбился.

– Молчи, – Надя приложила ладошку к его губам. – Не говори ничего. Я вижу сама. И ты видишь тоже, что я...

– Тоже? – Лёха ласково поцеловал её ладонь.

Она кивнула два раза и опустила голову ему на грудь. Так они и стояли неизвестно сколько времени. Долго стояли, прильнув друг другу. Обмениваясь жаром влюблённых своих сердец.

– Я сама не думала, что такое бывает. Я тебя чувствую как заболевание. Знаешь ведь, как заболеешь обыкновенной простудой, то сразу повышается температура. И понимаешь это без градусника. Нутром чувствуешь. Вот ты – болезнь моя прекрасная. С высокой температурой, – Надежда тихо засмеялась.

– Да, чтобы простудиться и температуру прихватить – не нужны месяцы и годы. Дня хватит, – Лёха взял её за плечи, нагнулся к уху, подвинув блестящий от света из окон её волос с рубиновой заколкой и прошептал, – Люблю тебя.

Надя поднялась на цыпочки, обняла Лёху за шею и наклонила его голову так, чтобы тоже прошептать на ухо.

– Люблю тебя.

После обоюдных неожиданных откровений Надежда оттолкнулась от мощного тела ладонями, повернулась и побежала в подъезд. С лестницы крикнула:

– Всё правда. И твоя. И моя. Не исчезай надолго. Это тяжело.

Хлопнула дверь, щелкнул замок и в тишине оглушительной, не пропускавшей в сознание звуки из окон и с улицы, Лёхе стало дурно. Мутило, подташнивало и ноги как бетонные столбы не могли переместиться к скамейке, которую он вообще не заметил, прямо возле входа в дом. Минут пять он приходил в себя. Как после вынимающего последние силы забега на полтора километра, в последнем виде двухдневных соревнованиях десятиборцев. Но до скамейки всё же дотянулся, плюхнулся на жесткие её рёбра как мешок, обнял руками голову, поставил локти на колени и сидел так без единой мысли в голове, куда не погасла лампочка в ее окне.

Слабость и оцепенение медленно ушли. Осталась только едва ощутимая, тонкая, как иголкой прошитая, боль в сердце. А может, и не было боли. Может, казалось ему всего-то. Но поднялся он, сильно оттолкнувшись руками от деревянных планок и двинулся, совершенно обалдевший, просто прямо и вперёд. И чем дальше уходил Лёха от Надиного дома, тем яснее становилось ему, что от неё самой он уже никогда не уйдет.

Дома мама проверяла тетради, диктант по русскому, наверное. Потому что лицо её выражало попеременно то изумление, то ужас, а временами удовольствие. Чернильницу с красными чернилами тетрадки нечаянно сдвинули на край стола и Лёха вовремя и незаметно для Людмилы Сергеевны аккуратно перенес фаянсовое тяжелое чудо инженерной мысли подальше от опасного места. Батя лежал на диване и читал шестую газету подряд. Пять иронически изученных шедевров московской журналистики валялись на полу рядом с тапками.

Отец всегда читал центральные газеты с доброй иронией. Корреспонденты «большой» прессы редко задерживались в командировках больше двух дней, а потому статьи из провинции были похожи как бильярдные шары. Всё в них было округлено до скромного пафоса трудовой поступи советского народа, отброшенного могучей Родиной подальше от Москвы, чтобы самоотверженно вершить победу коммунизма не только в Кремле, но и в любом захолустье. Они могли бы писать эти статьи, вызывающие ухмылки провинциалов, не отходя от стола в кабинете редакции. Потому как кроме фамилий и названий городков и сёл они друг от друга почти не отличались. Везде народ отдавал всего себя делу партии и в целом – ленинизма с марксизмом. В любой дыре огромного Союза практически все трудящиеся били рекорды производительности, с упоением участвовали в социалистическом соревновании и всегда сначала думали о Родине, а уж потом – о себе.

Отца Лёхиного страшно веселили многие такие статьи и он произвольно комментировал в полголоса самые забавные описания. Вот сейчас он что-то подобное выудил в «Гудке» и бормотал сквозь приступ смеха:

– И вот поехал бы ты со мной в наш Андреевский район, в совхоз имени Восемнадцатого съезда. Автобус туда не едет. Значит, на попутке. Возможно, в кузове. Приехал туда с отбитой об кузов задницей и желанием быстрее вникнуть в героизм населения. А директор совхоза с обеда пьяный вместе с партгором. Информацию дают на непонятном языке и в полусне, а тру-

дящиеся почти все безнадежно ковыряются в ломаной своей технике и не пахнут, не сеют, не жнут. Но три человека на не сломавшихся пока Дт-54 так надежно затерялись в степной бесконечности, что отловить их можно бы только с вертолета. И, блин, не клеивалась бы пафосная статья. Приходилось бы залечь в гостиницу, есть консервы, запивая напитком, созданным с помощью кипятильника и напоминающего компот из сухофруктов. То есть грузинским чаем, купленным в гостиничном буфете вместе с консервами и каменными картофельными пирожками.

– Вот то, что ты, батя, сейчас сказал в длинной речи – готовая статья. Можно записать, если запомнил, – Лёха разулся и пошел в свою небольшую комнату.

Там было хорошо. Отец купил Лёхе секретер, у которого откидывалась крышка и крепилась к внутренним стенкам толстыми золотистыми цепочками. И кроме секретера Лёхе нужны были только стул и кровать. Секретер заменял собой всю мебель. Туда только одежда не влезала. Зато дальняя стенка левого отсека была выложена из сигаретных и папиросных пустых коробок. Их Лёхе приносили все, кто знал, что собирать их – страсть

его. Такая же, как и всякие полудрагоценные камешки, самолично выкопанные из грунта карьеров с железной рудой после очередного взрыва. Брат отца Шурик нашел где-то кусок белого стеклопластика. Лёха отверткой и ножом проковырял в нём подходящие размером дырки и вставил в них рубины, агаты, цеолиты, хризолиты, бирюзу и золотой с виду пирит. Получилось богато и уникально. Такого ни у кого не было. Только в музее краеведческом.

Остальное пространство секретера заполняли одеколоны французские. Их присылал из Москвы лучший друг отца, которого судьба из деревни, где они родились и жили до взросления, закинула в железнодорожный институт, да там и оставила работать начальником составителей товарных эшелонов на Рижском вокзале. А отец всю жизнь поливался после бритья только «Шипром», поэтому «Шоу одного актёра», «Арамис», «Прогулка по Версалю с Луи» и всякие другие прелести мирового стандарта отдавал сыну. Лёха так привык к заграничной парфюмерии, так часто менял их запахи на прическе и лице, что даже близкие друзья считали его предателем отечественной одеколонной индустрии, а незнакомые люди всегда приножились и удивлённо задумывались, что Лёхе жутко нравилось.

Перед одеколонидами много места справа занимал магнитофон «Аидас», который покойная бабушка Стюра купила ему без повода в шестьдесят седьмом. За год до смерти. Она работала почтальоном. Знал её почти весь город и «достать» недоступный многим «дефицит» ей было проще, чем помыть полы в трёхкомнатной новой квартире. Рядом с магнитофоном стоял ужасный отечественный микрофон МД – 47, уродующий любые звуки. В него Лёха под гитару напевал на плёнку собственные авторские песни. Он их уже года три писал. Как и рассказы маленькие, юмористические. А ещё он паял платы детекторных радиоприёмников. Некоторые из них реально ловили станции с самыми длинными и мощными волнами. Паяльник и всё для радио стояло в правом отсеке.

В левом стояли пучком в стакане кисточки колонковые и беличьи. Позади них – коробки с ленинградскими красками. Масляными и акварелью. На полу к торцу секретера прислонились картонки, отшлифованные тонкие доски, холсты из мешковины, загрунтованные и натянутые на подрамники. Изостудия, в которой Лёха учился почти восемь лет с детства, выставляла его работы на разные выставки. И устроила ему даже две персональных. Грамоты ему всякие давали и награды: краски, акварельную бумагу и загрунтованные холсты. Даже книгу большую и толстую он заслужил – «Шедевры мировой живописи».

Вверху на трёх полках секретера жили книги. Было их штук пятьдесят примерно. Самые дорогие, любимые и полезные. Остальные книги он брал в трёх библиотеках. Сверху на них лежали общие тетради и блокноты, в которые Лёха записывал разные свои мысли, стихи для песен, рассказы. В общем, всё, что занимало нижние ящики и весь секретер сам хозяин не рискнул бы перечислить ни за пять минут, ни за двадцать пять. Секретер Лёхин – это был «дом

в доме». А в чуланчике, в закутке с дверью и полками до потолка, ещё с десятого класса собрал он почти настоящую химическую лабораторию. Что-то для неё покупал в магазине «Умелые руки», что-то выпрашивал у учительницы химии, остальное, к стыду своему, со временем прошедшему, нагло спёр втихаря из химкабинета. Нравилась ему химия. Пластмассу разную отливал по рецептам журнала «Юный техник», а один знакомый химик с завода искусственного волокна научил Лёху делать слабенькую, но настоящую взрывчатку. Вот ей-то он сразу после школы и разнёс в щепки весь чуланчик. Восстанавливал потом его с месяц. Стены штукатурил и белил, полки устанавливал, пол скоблил и красил по новой. Странно, но родители его за песни, картины и рассказы никогда не хвалили, а за взрыв тот дурацкий не ругали. Политика у них была такая. Договорились, видно, не баловать дифирамбами раньше времени и не унижать за ошибки. Особенно в таком хорошем занятии, как химические эксперименты.

В общем, была собственная комната Лёхина с секретером и чуланчиком – маленьким собственным раем. В старом доме о том, чтобы укрыться от родителей – даже шальная как пуля мысль не пролетала. Он, правда, в пятнадцать лет, резко повзрослев, решил удалиться в самостоятельную жизнь. Из дома без скандала ушел жить к Носу. Там никто не возражал. Потом устроился в один техникум работать после школы в спортзале на полставки. Мячи выдавал, скакалки, гири-гантели, велосипеды спортивные, а зимой – коньки и лыжи. Зарплата была для взрослых оскорбительная, а для Лёхи – волшебная. На неё он купил себе много полезных вещей. От велосипеда того же до десятка хороших холстов и штук двадцать кисточек, да ещё две пары новых шиповок рижского производства. То есть, почти заграничных. Остальные деньги прятал Лёха на светлое будущее в чуланчике, в ящике с инструментами. Отвертками, плоскогубцами и разной мелочью. Домой-то всё равно приходил. Попроведовать родителей и переодеться. Встречали его радостно, но обратно не звали. Что и означало главное: мама с папой сына за дитё малое, неразумное, уже не держат. Ну, полтора года побыл он самостоятельным мужчиной и сам вернулся. На что родители вообще никак не отреагировали. Ни слезами радости, ни вздохами разочарования. Что Лёхе и понравилось больше всего.

– Ты есть будешь? – заглянула в дверь мама. – Десять часов уже. А ты не ужинал.

– Он объелся любовью, – громко засмеялся в зале батя. – Ему даже нюхать ничего давать не надо.

– Па! – крикнул Лёха. – А вот без ехидства никак? Вы с мамой, наверное, когда влюбились да полюбили, из кухни не вылезали. Каждый со своей. Не тосковали друг по другу. Не торопились встретиться, имели прекрасный аппетит и крепкий сон. А?

– Ты, бляха, не дерзи! – рявкнул отец, возвышаясь в двери над мамой. – Вырос, что ли? Нюх потерял? Ремнём тебя пороть – смех один. Неприлично уже. Но пендаля хорошего ты явно выпрашиваешь! Так я его тебе сейчас пропишу от души, так что неделю задницу будешь беречь, чтоб даже муха на неё не села.

– Коля! – строго сказала мама.

– Так врежь, чего ты! – поднялся со стула Лёха. – Это будет твой лучший мне подарок. Завтра на день рождения можешь уже и не дарить ничего. Я и сегодняшнему буду рад. Давай!

Отец сделал вид, что плюнул под ноги. Мама ещё раз назидательно произнесла:

– Ну, ты, Коля! Тебе не в редакции работать, а в местной футбольной команде играть. Там пинай сколько влезет. И сам пинков получишь на долгую добрую память.

Родители обнялись, засмеялись и дверь закрыли.

А Лёха подошел к окну и задумался. Вот и девятнадцать лет уже. Большой вроде. Уже должен всё понимать в жизни. Что есть добро, зло, правда и враньё, жадность и глупость – он уже знает. Понял. А что такое любовь и как с ней жить дальше, не знает. И никаких, даже простеньких соображений нет на эту тему. Соображений нет, а любовь есть. А так не должно быть. Надо понимать, что и почему происходит в твоей взрослой жизни.

И вот стоял до половины второго ночи Лёха у окна, глядел в даль черную, сквозь которую не видна была степь, лежащая за сто метров от окна. В степи бы он смог разглядеть и угадать своё будущее. Так казалось.

А на другом конце города в большой красивой комнате у окна сидела Надя и смотрела поверх домов на звезды. И в этой сверкающей и мерцающей бесконечности искала ответа на тот же самый вопрос.

Но молчала. Не раскрывала тайны любви Лёхина степь.

Но совсем ничего не подсказывала Наде о тех же тайнах живущая миллиарды лет вселенная. Которая всё всегда знала и всё видела.

Наверное, так было надо. Всегда оставлять влюбленным их любовь как самую загадочную тайну.

4.Глава четвертая

Спала Лёхина семья в воскресенье как положено – до того момента, когда ни у кого уже не оставалось сил спать дальше. Уж и гимны оба-два торжественно разрешили начаться новому дню. Уж и последние известия, вспоминаящие вчерашние события, сменились лёгкой плавной утренней музыкой, которая орала так же громко, как гимны симфонические и плохо отдохнувшие, но искусственно бодрые дикторы. Приёмник ведь никто никогда не уклучивал и в выходные.

Просто подниматься рано в день, когда не надо было бежать поутру на работу, было бы грубым нарушением советской конституции. А она строго следила за тем, чтобы граждане самой счастливой страны соблюдали, как положено, право не только на труд, но и на отдых. В шестьдесят восьмом к осени уже почти полтора года стукнуло постановлению Совмина СССР о появлении второго дня отдыха – субботы. Но многие заведения так и не насладились этим подарком. Школы, заводы, магазины, автобусные парки и даже парикмахерские. Редакция батина, и та продолжала готовить народу очередную правду-матку по субботам.

Но воскресенье существовало в первую очередь для того, чтобы не вскакивать в почти бессознательном состоянии с кровати вместе с пронзительным звоном литавр гимна. Надо было через не хочу и вопреки желающему оживать организму – спать. Или делать вид. Никому не хотелось буром переть против самой справедливой, самой человечной Конституции.

И только когда воскресно-жизнерадостный, в доску свой диктор зарайского радиовещания доложил, что местное время девять часов утра и вот прямо сейчас народу по радио доставят радость – дадут целый концерт песен из любимых кинофильмов, население понимало, что отдохнуло на всю катушку и сползло с кровати, чтобы прожить выходной достойно. С песнями, танцами и гулянием по местным достопримечательным местам. По базару, продовольственным магазинам, качелям с каруселями в парке и двум баням на выбор.

Лёха натужно силился честно проспаться точно до девяти, но не мог. Лежал лицом к стене и думал о том, что как раз в те минуты, когда величественно лился из приёмников Гимн СССР, то есть в шесть часов по-местному, он девятнадцать лет назад и заверещал своё первое «у-а-а-а» в роддоме № 2 Заводского района родного города Зарайска. В сорок девятом году, мама рассказывала, стоял роддом на пустыре в трех километрах от маленького ещё городка и молодые папы, вмазав предварительно граммов по двести водки или по поллитра портвейна, петляя, но не теряя ориентира, бежали под окна родильного дома, чтобы вразнобой изо всех сил орать не своими голосами: – Зинка!(Наташка, Машка, Людка и т.д.) Пацана покажи!

Девчонку показать просили громко, но стеснительно. Не в моде у отцов были девчонки-дочки. Да и сейчас тоже. Считалось, что, если родился пацан, значит, муж верно прикладывал к делу и силы свои и умения. Мама говорила, что отец под окном кидал вверх фет-

ровую шляпу и пытался зашвырнуть в форточку второго этажа записку с благодарственным текстом.

Родители к тому моменту были не расписаны в ЗАГСе и объявился Лёха миру незаконнорожденным. А это было позорно для всех троих. Поэтому после очевидного факта присутствия сына на белом свете батя задействовал дядю своего Александра, начальника районной милиции приреченского района. Центр которого, Приреченск, лежал сразу за мостом через Тобол. Дядя пошел в районный ЗАГС и сделал там по благу два свидетельства. Первое врало, что они с мамой зарегистрировались в январе сорок девятого. Второе, самое наглое, честно утверждало, что Малович Алексей Николаевич родился шестнадцатого октября ещё не существовавшего пока пятидесятого года. То есть правильный порядок семейной жизни был восстановлен всего за большую коробку конфет и ящик шампанского.

– Вы свидетельства эти года три не светите нигде ради моего спокойствия, – на прощанье попросила заведующая ЗАГСом.

– Обижаешь, Андреевна! – воскликнул дядя Александр и откупорил припрятанную в шинели бутылку вишнёвой наливки, которую все трое и употребили «на посошок» за успех бумажной операции и счастливое детство сына.

Правда, батя вместе с дядей на радостях, навеянных Лёхиным явлением миру, перед сотворением подложных документов «раздавили» поллитра «перцовки» и отец заведующей не то число рождения назвал, Не девятнадцатое октября, а почему-то шестнадцатое. Но Лёхе потом это даже нравилось. Во-первых, он был по бумагам моложе самого себя на целый год, что оставляло лишнее время для детства и юности. И потом в школе, в институтах и на работе его поздравляли шестнадцатого, а вся родня и друзья – девятнадцатого. Двойное выходило удовольствие.

Полежал в размышлениях приятных Лёха на боку до появления в эфире первой песни из фильма «Весна на Заречной улице» да и спрыгнул на пол прямо в домашние тапочки. Сбежал по всем делам в совмещённый санитарный узел, облился холоденькой, зубы почистил, после чего над дверью загредел звонок, имеющий хриплый, совсем не звонкий голос старого деда.

– Бляха! – сказал Лёха вслух. – Родители бы спали ещё.

Он снял с вешалки в прихожей спортивный костюм, оделся и открыл дверь.

За порогом переминался с ноги на ногу шнырь, то есть, маленький по ранжиру парень с кликухой «Квас» из шалмана пахана Змея.

– Это самое, Лёха, тебя Змей зовёт срочно, – «Квас», как бы извиняясь за ранний приход, развел руками. – Там дело срочное. Без тебя, Змей говорит, не получится. Пойдем, а!

– Сейчас. Родителям скажу. – Лёха осторожно приоткрыл дверь спальни. Мама, похоже, дремала ещё, а отец сидел на стуле возле окна и читал газету, которую не успел осилить вчера.

– Батя, я на пару часов сбегаю по делам. Ребята ждут.

– На пару, но не до вечера. А то ты нам весь твой день рожденья похоронишь.

Народу соберется хорошего двенадцать рыл. Дифирамбы тебе петь и подарками заваливать – от газеты он не отрывался. Но ничего не перепутал.

Ни в чтении, ни в речи назидательной.

Змей встретил Лёху во дворе шалмана. Курил на скамейке. По традиции обнял Лёху и грустно сказал.

– К ювелиру собрались. Я, Ржавый и Мотыль. Твой план отработать. Но никто из нас, в натуре, не умеет как ты базарить с умной мазёвой макитрой. Если бы ему надо было паспорт попортить, замесить хрюкало, то тут проблем нет. А ты ж сказал из него алёху сделать, товарища то есть, а не гасить как баклана мелкого. Мы же не баклашить, не грабить его идем. А связь налаживать деловую. Но мы, сукой буду, бимбары его драгоценные бомбануть сможем легко. А базар держать с интеллигентным человеком на его языке – среди нас духариков сме-

лых нет. Пошли с нами. Ты говорить будешь. Нас представишь культурно. Без тебя тут нам «жара» в натуре. Безвыходное положение.

– У меня, блин, день рождения сегодня, – почесал затылок Лёха. – В час дня кореша чувстные, дорогие мне, ждать будут. Успеть надо.

– Да век воли не видать! – Змей дернул ногтем верхний зуб. – Мешать тебе не будем. Затихаримся. Ты, главное, культурно ему объясни про дело общее. И что мы втроем с ним его вести будем. Мы ему ржавьё носить будем два раза в неделю, да цацки с камушками, а его дело оценивать и правильно шелестеть. Ну, платить, короче. Лады?

– Пошли, – Лёха двинулся к воротам. – Только вы тогда рты не открывайте. Я вас обзову как представителей уральских шильников-деловаров в нашем Зарайске. И что все цацки и рыжьё будут с Урала. Наше, местное, ему вы шнифтить не будете. В Зарайске, короче, не грабите и не тырите. Идёт?

– Зуб даю за всех, – твердо сказал Змей.

И через двадцать минут Лёха уже звонил в дверь Изи Ароновича Лахтовича, самого известного и умелого зарайского ювелира.

Цель у Лёхи была благородная. Если он договорится с Изей скупать у местных воров всё, что будет украдено уральскими гопниками в Магнитогорске, Копейске или Челябинске, то разбойные нападения, гоп-стопы, и домушные кражи в Зарайске просто прекратятся. А это уже замечательно. На Урале-то шарашить, грабить, то есть, всё одно не перестанут никогда. Лихие там пацаны. Так хоть Зарайск вздохнет-выдохнет и спокойно жить будет.

– А раньше по хорошим людям шлындить, сон им портить не додумались? – На пороге в бархатном коричневом халате стоял властелин золота, платины, серебра и драгоценных камешков дядя Изя, лучший в округе мастер ювелирных чудес.

– Доброе утро, дядя Изя! – Лёха протянул руку. Ювелир оглядел всех четверых так, как в деревне разглядывают перед покупкой лошадь. Зубы, правда, смотреть не стал.. Всё-таки признал, видно, пришельцев людьми.

– И шо-таки может незнакомых юношей занести чуть после рассвета к незнакомому дедушке? – Изя Аронович руку не подал, но прислонился спиной к косяку и провел рукой линию от лестничной площадки в прихожую. Дал, стало быть, сигнал проходить в квартиру. – Если мальчики имеют счастье купить золото, кресты, например, золотые на цепочке, то значит или у мальчиков пухленькие родители, а в другом случае – мальчики имеют денежки, шоб так себя вести. Ну, так вы будете покупать, или мне забыть вас навсегда?

Лёха сел на стул, остальные влипли в огромный плюшевый диван и утонули в нём на половину тела.

– Вы, дядя Изя, будете смеяться, но вы так легко пускаете в дом чужих, что я за вас начинаю лично бояться, – сказал Лёха, подражая еврейскому своеобразию построения обычной фразы.

– Юноша, не расчесывай мне нервы. Я-таки своё отбоялся ещё до войны. А вы мне мешаете впечатляться вашей интеллигентностью. Или мы приступим сразу к разговору, какой вы имеете ко мне, или я делаю вам скандал и всем будет весело.

– Вот эти парни – воры. Наши. Зарайские. – Лёха с лучезарной улыбкой очертил круг в районе погруженных в диван уркаганов. – Они ещё неделю назад хотели вас ограбить. Возможно, даже, что с физическим насилием.

– Шо ты хочешь от моей жизни? Уже сиди и не спрашивай вопросы. Я тебе сам всё скажу, – ювелир, подняв полы халата, обнажил заросшие волосом ноги и сел на край стола. – Меня всегда мечтает ограбить половина нашего приятного города. Вы же с просьбой пришли?

– Ну, надо было бы ограбить, они бы и без меня обошлись, – Лёха засмеялся. – Но раз уж со мной, то обойдемся без гоп-стопа. А я сам не вор, не блатной и не жиган. Я у них что-то

вроде ходячего справочника. Они меня используют как арифмометр «феликс». Он же всегда считает правильно. Да, дядя Изя?

– Вы вот это здесь рассказываете на полном серьёзе? Ничем не рискуя? Нет, вы мне просто начинаете нравиться! – Изя Лахтович налил себе из графина стакан воды и закинул её в горло. – Повторяю. Я вполне готов послушать за вашу просьбу.

На свою пламенную речь Лёха потратил минут двадцать и за этот минимальный срок до ювелира дошло, что предложение интересное. Это раз. И потом – оно патриотичное. Поскольку Зарайск больше никто обворовывать не будет. А значит, милицейские оперативники перестанут шастать в его мастерскую и часами рыться в золоте и камнях, чтобы найти вещдоки и прилепить ему, Лахтовичу, статью за скупку краденного. Так было всегда. И дядя Изя продолжал гранить алмазы и лить серьги с перстнями только потому, что милиционеры всегда нуждались в деньгах больше, чем в яркой отчетности по раскрываемости преступлений.

– Ну, ладно, – ювелир подошел к дивану. – Вы будете доставлять материал с Урала? Тогда знакомимся. Меня зовут мастер Лахтович Израиль Аронович.

– Миша, – подал руку Мотыль.

– Владимир, – назвался Ржавый.

– Николай. Старший по бригаде, – пожал мягкую кисть ювелира пахан Змей.

– Вот ты приходи ко мне завтра в час дня, – не освобождая ладонь попросил ювелир. – Обмозгуем за детали. В целом я вас уважаю, хотя уже-таки забыл за что. Видимо, за вполне доступный гешефт для обеих потерпевших сторон.

Но мне понимается, что вы слово дали и махерить меня не будете. Но вот кроме вашего изящного шабаша, я дико извиняюсь – бандюганского, который таскал мне на скупку золото и серебро в саквояже вашего юноши Брикета последние три года, тут, в городке, цветут и пахнут ещё два таких же прославленных воровских притона. Они-то будут и дальше «бомбить» невинных граждан имеющих достоинство носить на себе золото и изумрудные бусы. А мне-то надо, чтобы мусора забыли, где мой дом и занялись другим преступным хабалом. Убийцами и подлыми расхитителями социалистической собственности, которые шмонают страну тоннами и эшелонами. Не то что вы, скромные ширмачи. В Одессе вы были бы еле-еле поц!

– А Вы давно уехали из Одессы? – спросил Лёха.

– Таки уехали меня с размаху, – ювелир посерьёзnel. – Я там прямо весной сорок первого, до начала войны, печёнкой нехорошее почувал и небольшой шухер сделал. Шоб меня не накоцали фашисты я повез два чемодана золота и камней к лиманам, подальше от народа. Хотел закопать под пласт травы, а после войны достать. Жалко бирюльки было. Ну, меня по дороге один шлимазл в погонах на мотоцикле и перехватил. Чемоданы реквизирувал. А меня, потому как уважала вся Одесса, сажать не стали. Заступился за Изю Лахтовича один народный артист. Я его жену разукрасил-таки в своё время бриллиантами и червонным золотом, да и самому перстень такой отлил – все его соседи с зависти аж вспотели. Ну, мусора и выписали мне путёвку ссыльную, чтобы я дул с родных краёв за Урал, в тихое место. Я убрал собственное мнение со своего лица и убежал сюда, в Зарайск. Это я вам не жалею, а сообщаю как соратникам по обоюдному делу. А для Одессы я как бы умер посреди полного здоровья.

– Я два шалмана на себя беру, – сказал невпопад Змей. – Сходку соберу, побазарим на общую пользу. У уральских фармазонов товара хватит на всех нас. Они меня водярой запоить должны до полусмерти. Это им же лафа ломится – ничего не скидывать барыгам в своих городах. И не ходить под богом. Поймают-не поймают. Мы поровну всё добро раскидаем с ними. Пацанов, которые к Вам приходят будут, я приведу, покажу. Наша доля в месяц двадцать пять процентов.

Израиль Аронович хлопнул ладошкой по расшитой золотыми нитками скатерти: – Ой, не надо меня уговаривать, я и так соглашусь! Я не такой заносчивый, как гаишник с престижного перекрёстка. Договорились.

Он аккуратно прикрыл за урками дверь и, напевая какую-то еврейскую песенку, удалился в глубь квартиры.

– Ну, нормально? – спросил Лёха Змея.

– Вот пил бы ты – мы бы тебя неделю армянским накачивали. Пятизвёздным, – Змей от души обнял Лёху – Голова. Молоток. Пять процентов от шелеста с ювелира – твои.

– Не, – улыбнулся Лёха. – У меня теперь стипендия. Я ж студент, бляха-муха.

Потом найдём как сравняться. Может, мне чего-то от вас надо будет. Не откажете?

– Какой базар, кентяра ты дорогой! Всё будет, что попросишь!

Они попрощались и разбежались. Воры довольные в шалман свой, а Лёха – к ближайшему телефону. Надя, наверное, ждала звонка. А он ждал той минуты, когда вырвется из дела и сможет позвонить.

– Привет! – сказала Надежда. Чувствовалось, что она улыбается. – Приходи сейчас. Мамы нет. К подруге ушла. Папа в выходной работает в обкоме. Кто-то из Алма-Аты приехал. Приходи.

– Надь, у меня сегодня... – Лёха чуть не проболтался. Тихо стукнул себя по лбу. – У меня свободного времени – час только. Всё. Бегу.

Они обнялись прямо у порога возле распахнутой входной двери и целовались так упоительно, будто именно в поцелуе этом долгом и передавалась друг другу та сила, красота, прелесть, единственная жизненная ценность, которую зовут любовью.

Тишина была невероятная. В подъезде сделали всего три квартиры. Из в них на всю катушку шумело музыкой радио. На улице визжали дети, вынужденные в середине осени носиться по двору куда быстрее, чем летом.

Из парка культуры и отдыха, пятисот всего-то метров было от дома до него, летели резкие, хлесткие как удары кнута, свистящие звуки. То массовик-затейник в милицейский мегафон зазывал воскресных гуляющих на аттракцион «сатурн». На эти страшно смотревшиеся железные тарелки с креном, которые вертелись по кругу и вдоль своей оси. Отдыхающие, пристёгнутые двумя ремнями к сиденьям в «тарелках», орали, поглощая острейшие ощущения, так будто их кучей швырнули в бездонную пропасть и потому времени испуганно визжать, рычать и ахать у них хватало. Вся общая какофония насыщала громкостью минимально половину небольшого города. Да ещё сто лет существующий оркестр духовой на площадке перед бетонным прудом с лебедями играл громкие вальсы для тех, кому нравилось слушать обворожительные голоса кларнетов, саксофона и труб с сурдинкой, танцуя при этом всё, от вальсов до фокстротов, со страстью и от души парами молодыми, зрелыми и старыми. В общем, море звуков заливало пространство, в котором пропали соединенные бесконечным поцелуем Лёха и Надя.

Это только для них была невероятная тишина. Какая-то сила неземная выключила для них одних все звуки и на время отобрала ощущение пространства и времени. Через влюблённые сердца, души и тела их несло как через бесконечный космос время. Секунды, минуты, часы, годы, века и тысячелетия прошлых и будущих эпох. Оно на лету затрагивало, как арфистка струны, тончайшие нити нервов влюбленных, которые волшебным образом вибрировали внутри юных душ, слившихся в одну искрящуюся жаркую шаровую молнию, Душ, не имевших до этого чувства родства ни с кем, кроме родни, единой по крови. Но и после поцелуя, который неизвестно сколько столетий длился, не явилось нечто могучее, способное порвать заколдованный круг объятий. Влюблённые дышали друг другом, пропитывались обоюдной нежностью, сливались теплом сердец и лаской прикосновений к простреленным Амуром навывлет телам. Они, притянутые плотно сумасшедшей силой страсти как огромным магнитом, физически не могли разъединиться. И только хлопнувшая внизу дверь подъезда да нарастающий стук тонких дамских каблучков, уверенно бьющих ступеньки лестницы, прервали всё волшебство. И

нежность присмирела, и страсть смирилась с помехой. Спряталась в их всё ещё дрожащие от обжигающей близости юные тела.

– Дети! – вынырнула из-за лестничного поворота Лариса Степановна. – А простудитесь? Форточки открыты, внизу подъезд неплотно закрывается. Сквозняк чувствуете? Ну-ка быстро в квартиру.

И ушла поэзия. Взбрыкнула и нехотя упорхнула в форточку муза любви и страсти. Осталась у обоих только дрожь внутренняя, незаметная посторонним и лица, с которых не успело стереться выражение потрясения от неповторимого поцелуя и чудесной близости.

– Мам, а времени сколько уже? – Надежда глянула на пустое своё запястье. Забыла надеть часы. – Тут вот Алексей на минуту забежал. По делам носится. Нашел минутку заскочить ко мне.

– Ребята, я уже приходила домой полчаса назад. – Лариса Степановна засмеялась звонко, как юная девочка. – Вижу: вы в проёме дверном. Покашляла – вы не слышите. Мимо вас пройти невозможно. Перепрыгнуть тоже никак. Отпрыгалась уже. Ну и сидела внизу на лавочке. А вот сейчас слегка замерзла. Октябрь всё же. Пошла на второй заход. И – на тебе! Путь свободен!

– Ой, мамуля, неудобно-то как вышло! – Надежда за голову схватилась и отвернулась. Ей, определенно, было стыдно по-настоящему.

– Мы с папой, когда он сюда после войны приехал, а я жила в Зарайске с самого начала эвакуации с Украины, встретились на вокзале. Ну, точнее – я побежала его встречать после телеграммы. – Лариса Степановна на несколько минут реально на глазах помолодела лет на двадцать. – Так вот мы как прилипли друг к другу прямо на перроне, так и простояли памятником пока нас дежурный по вокзалу не расцепил. Нельзя, говорит, граждане, так долго чемоданы без присмотра держать. На вокзале воришек – тьма. Вот только тогда мы поняли, что снова вместе. А сколько простояли – не помним. Может час. Или вечность целую. А вы-то дома. Ни чемоданов, ни воришек. Я рада, что вам хорошо вместе.

– Я, честно, еще недели три назад не думал даже, что без неё жить не смогу. – Лёха взял Надежду за руку. – И вот, как видите, не могу. Вы уж меня извините. Продержал Вас на холоде, идиот. Как-то вывалился из времени и пространства. Про всё забыл.

– Мам, извини нас. Правда, какое-то забытьё навалилось. Ничего не помню. Ты когда пришел, Лёха?

– В двенадцать, – у Алексея глаза на лоб полезли. – А сейчас сколько?

– Два без пяти, – Надина мама сверкнула маленькими золотыми часиками. – Пойдём все обедать.

– Блин! – Лёха опустил на корточки и голову с закрытыми глазами вверх поднял. – Меня же парни мои, друзья с малолетства по жизни и делам, к часу ждали. И сейчас сидят ждут. Я побегу. Извините.

– Дела, они у мужчин всегда впереди самой жизни, – улыбнулась Лариса Степановна. – Беги. Они точно ждут. Если друзья.

– Позвони обязательно вечером, – Надя беззвучно прикоснулась губами к его щеке.

– До свиданья! – Лёха уже скакал через три ступеньки к двери подъезда. – Игнату Ефимовичу привет. А вам – общий воздушный поцелуй!

После того как позади пружина с тихим хлопком подтянула дверь к косякам, Лёха ускорился и напрямую через парк рванул с доступной ему высокой скоростью мимо аттракционов, лебедей и толпы вокруг духового оркестра к скверу ниже базара городского, а там уже легла прямая дорога на улице Ташкентской. Она спускалась до самого Тобола. А почти рядом со спуском стоял древний магазин купца Садчикова. На его крыльце он издали поймал взглядом три сидящих на крыльце фигуры. То были Нос, Жердь и Жук. Лучшие друзья. Которым он, придурок, не позволил вовремя, как договорились, излить свои скупые мужские чувства к другу в связи с самым главным днём в году. Днём совсем не напрасного рождения.

– Ты, Чарли, сволочь! – поздравил Лёху первым Нос. – Я, блин торт хочу сожрать. Крюшоном и крем-содой запить. Чего издеваешься над хорошими людьми?

– Ладно. Проехали! – Жердь и Жук пожали Лёхе руку и похлопали по плечу. – Расти вверх и вперед. Не тормози! И друзей не бросай до смерти. Тогда жизнь сложится.

– Дай я тебя поцелую, именинник! – воскликнул Нос и шустро схватил его за уши, потянул и потрепал. К чему с удовольствием присоединились и остальные. Поздравили, в общем, как положено.

Поскольку дом Жердя был рядом с магазинным крыльцом, то туда и пошли. Во дворе стол стоял. Четыре стула вокруг. А на столе – чего только не было. Ну, торты, само собой. Лимонад. А ещё конфеты всякие, яблоки с базара и пачки фруктового чая вперемежку с кубиками сухого какао с сахаром.

– Ё! – обалдел Лёха. – Это же от детства нашего именное поздравление – чай да какао. Не продают ведь уже. Где взяли?

– Сами слепили из пластилина! – на весь двор засмеялся Жук. – Ты чего, Чарли? Забыл, что Нинка Завертяева в Доме колхозника работает? У них в буфете для деревенских и такие чудеса остались. Я их ещё неделю назад выкупил.

И начался пир горой, дым пошел коромыслом и веселье до упада. Три часа Лёху периодически тягали за уши, говорили хорошие, честные пацанские речи и незаметно съели по тарту каждый, да лимонада выпили двадцать бутылок. Ящик целый. И только в конце, когда изнеможение от переедания и перепоя стало косить народ, сгибая его к дремоте, восстал из навалившегося расслабления Жердь. Он пошел за угол дома и выкатил к столу, к ногам Лёхиным велосипед ЗиФ. Легкодорожный. Так его называли. С двумя шестернями и цепными передачами, с рычагом переключения двух скоростей, с гнутым под гоночный рулём и большой фарой. Почти мотоциклетной. У него были широкие шины и усиленная несущая рама. Танк, а не велосипед.

– Мне? – оторопел Лёха.

– Ты, Чарли, от любви совсем с головой разбежался в разные стороны. – Жердь погладил Лёху по голове и картинно всхлипнул. – Какого человека мы почти потеряли! Это наш квак. Мы все отравимся дустом.

– Тебе, конечно! – Нос с любопытством принюхался к запаху от Лёхиной курточки. Она пахла тонким благородным ароматом. – Французские?

– Пацаны! – Лёха обнял всех сразу и прижал к себе. – Не за велосипед, за дружбу спасибо! За мужскую верность и силу нашу общую. Пока мы вместе – нет ни горя, ни беды, которые перед нами устоят.

Не сговариваясь они протянули друг к другу кисти рук и соединили их в тех местах, где были шрамы от острой финки, которой они почти десять лет назад резали запястья и соединяли раны, смешивая кровь. Это было братание на всю жизнь. И следы от него через много лет остались святыней. И тайной четверых. Самой важной для каждого.

Вернулся Лёха домой раньше, чем стали появляться гости. Мама с отцом подарили ему бритву электрическую. «Харків». И новый спортивный костюм из тонкой шерсти. С белыми полосками на воротнике, рукавах, поясе и брюках.

– Большой ты уже, сынок, – ласково сказала мама и Лёха заметил крохотные слезинки в глазах её. хотя мама улыбалась.

– Из мальчика не всегда вырастает мужчина, – сказал батя и пожал сыну руку. – И нам очень хорошо от того, что у тебя это получается. А ещё через пару лет ты уже ничем не будешь отличаться от лучших представителей сильной человеческой половины.

Загнул Николай Сергеевич Малович свою мудрую и замысловатую фразу. То есть поздравил таким образом.

– Иди, сын, отдохни немного, – мама подтолкнула его к двери комнаты. – А то скоро навалится на тебя любовь родни нашей и к концу выбьет из седла.

Лег Лёха на кровать и задумался. Конечно не о гостях и дне рождения. Он думал о ней. Только о ней. Потому, что кроме неё всё из его жизни куда-то делось. Потому, что кроме неё и смысла в самой жизни он больше не видел и назначения иной жизни уже не понимал.

5.Глава пятая

Вроде бы всего-то отдохнуть прилёт Лёха. Дух перевести. Но уснул. И сон просмотрел быстрый, хоть и яркий, но непонятный, жутковатый и злой.

Идет он по старой своей улице имени Пятого апреля, поворачивает за угол к воротам друга Жердя и крыльцу Садчикова магазина, а за углом вообще ничего нет. Ни улицы. Ни домов, ни дороги к Тоболу. А пустота, похожая на безоблачное небо, если глядеть вглубь синевы. И стоит ногами на пустоте этой метров за сто от угла голый мужик с большой белой бородой. А всё остальное кроме бороды – бесцветное. Как вода в стакане.

– Эй, Алексей, – говорит мужик шепотом, но за сто метров каждое слово слышно так, будто он шепчет на ухо, – я тебя уже третий день жду. Где тебя носит, козла? Нам идти надо с тобой. Опозываем.

– Да я и сам дойду, – говорит Лёха. – Мне тут рядом. И меня тоже ждут.

– Нет, – улыбнулся мужик. Борода разъехалась по сторонам и во рту Лёха увидел два клыка. Как у дикого кабана. – Туда, куда ты идешь, не надо идти. Там нет ничего. Обман один. Иллюзия. Пропадешь там.

– А куда надо? – удивился Лёха. Смотрит, а мужика нет больше. Только шепот его прямо в голове Лёхиной шелестит. – Там, куда ты зовешь – тоже пустота одна. Да и тебя нет уже.

– Я везде. Я всегда рядом теперь буду, – шепчет голос. – Я спаситель твой. Добрый волшебник. И пойдём мы в никуда. Там тоже ничего нет. И никого. Кроме твоей судьбы. Судьбу узнать хочешь? Ты же про неё и не думал сроду, да?

– А клыки зачем, если ты волшебник добрый? – говорит Лёха и чувствует, как эти клыки врезаются прямо в сердце ему. Кровь из двух дыр струями вылетела из сердца и в пустоте голубой проложила красные дорожки, конца которым не видно было. Что-то скользкое подтолкнуло его в спину и он полетел над кровавой дорожкой в темнеющую глубину странной светящейся пропасти.

– Вон она, судьба твоя, – тихо сказал невидимый мужик и Лёха сразу остановился перед тёткой в рваном платье, с синяком под глазом и болотных почему-то сапогах.

– Ты почему меня обмануть вздумал, Алексей? – зло сказала тётка и, не поднимая рук, влепила ему пощечину. – Я, судьба твоя, хоть и горькая, но верная и единственная. Против меня нет у тебя силы. А потому жизнь твоя будет до поздней старости блукать впотьмах по ямам да канавам, а дорога к смерти твоей будет там лежать, где тебе быть не надо. Выберешься из одной кутерьмы, но скоро в другую завалишься. И так всю длинную жизнь. Потому, что выделили мне тебя силы вечной вечности. А я – твоя честная, справедливая, но тяжкая судьба.

– А где мы сейчас? – говорит Лёха. – Нет же вокруг ничего.

– Мы – в жизни, – усмехнулась тётка-судьба. – В ней как раз ничего и нет. Всё только кажется. И счастье, и несчастье. Мираз один. Только смерть – настоящая. Вот к ней я тебя и поведу. Долго будем идти. То радостно, то горестно. Всё понял? Помни, я всегда и нигде, и тут, с тобой. Не пытайся меня обмануть. Накажу. А теперь – пошел вон! Исчезни!

Мужик с клыками дернул Лёху за руку и он со скоростью света понёсся обратно над собственной кровью, над дорожкой, ведущей к углу улиц Ташкентской и Пятого апреля.

Открыл Лёха глаза и минут пять бессмысленно смотрел в потолок, чувствуя пот на лбу и шее. Сердце билось без выкрутасов, но чуть быстрее обычного. Дыр от клыков на рубашке не было. Настенные часы «Янтарь» быстренько доложили, что уже семь часов вечера. Дверное непрозрачное стекло с выдавленными на нем квадратиками вибрировало как мембрана

черной тарелки старинного громкоговорителя. Заставляли его дрожать многочисленные почти трезвые голоса родственников, обсуждающих, похоже, Лёхины достоинства. Не недостатки же вспоминать в день рождения. Он поморщился, вспомнив сон, подошел к окну. Темнело в Зарайске поздно даже в середине осени. По двору прохаживались пожилые пары с внуками и гоняли мяч между четырьмя кирпичами-воротами краснощёкие от беготни на ветерке пацаны.

– О! Именинник! – пропела сестра покойной бабушки Стюры тётя Панна. – А дай-ка я тебе уши надеру в честь праздничка!

– И задницу! – добавил очень юморной второй её муж дядя Витя. И засмеялся, хлопая в ладоши.

– Задницу зачем? – Лёха протер глаза и пошел обнимать всех родственников.

– Для полноты ощущений! – Виктор Федорович стал смеяться ещё увлеченнее.

– Равновесие должно быть. Гармония. Тут тебя гладят и целуют, а здесь – ремнём уравнивают.

Вот с этого и начался праздник родни. Все свои. Можно нести, что в голову стукнет. Всё хорошо, всё к месту и правильно. Потому, что отмечают твоё приближение на год к старости самые близкие люди. Обижаться на них глупо и напрасно. Как были они родней, так и останутся. А родственники – это огромный кулак, когда держатся вместе. И против него приемов нет.

Пестрая компания – родня Лёхина. Тётя Панна – бухгалтер на крупном заводе. Дядя Витя – шоферит на «Скорой помощи». Дядя Вася – на бензовозе в деревне Владимировка. Жена его, Валя, сестра батина – доярка передовая. Шурик, брат отца – майор милиции, заместитель начальника горотдела. Вторая половинка его, Зина – врач-кардиолог. Хороший врач. Александр Степанович, дядя отца – начальник «Приреченской» районной милиции, жена его, Евдокия Архиповна – библиотекарь. Отец Лёхин – корреспондент, мама – учительница. А ещё приехал на самопальной тележке сосед из старого пятиквартирного дома, инвалид войны без ног дядя Миша Михалыч, столяр замечательный, а с ним супруга его, тётя Оля – швея с фабрики «Большевичка». Панька, дед Лёхин из Владимировки, казак в прошлом, а теперь пимокат областного масштаба. К нему отовсюду приезжали заказывать валенки. Они и красотой брали и в принципе вообще не снашивались. Если их специально не класть в печку и не резать ножиком. Баба Фрося, супруга казачья, гончарным делом занималась в артели колхозной. У всей родни имелись её кувшины, чашки, блюдца, тарелки и сахарницы. Володя, средний после бати брат, очень почитаемый в области ветеринар, а любимая жена Валентина – шеф-повар в главном ресторане города. И так приятно было Лёхе, что все его близкие – люди достойные и уважаемые. И так ему хотелось повториться в каждом из них умением любить и делать своё дело. И так хотелось, чтобы род Маловичей и Горбачевых не потерял в его лице силы своей, мудрости житейской и уважения людского.

Гости подарили всё, что принесли, сказали Лёхе всё доброе, что хотели и стали отдыхать за хорошим столом с водочкой, салатиками, курицей, утыканной чесноком, как больной иглками шприца. Да всё это под баян батин. Веселящий и грустный, тихий или надрывающийся разухабистой мелодией казацкой походной песни.

Хороший был вечер. Тепло было имениннику среди своих. Он нечаянно вспомнил недавний сон и мысленно поругал судьбу свою. Ошиблась тётка! Нет никаких ям и колдобин у него на пути. А есть всё, что хотел бы иметь любой нормальный человек. И друзья замечательные, родные прекрасные, дела отменные. Да вот ещё недавно совсем подаренная той же сварливой судьбой чистая, светлая, о которой только мечтать можно – любовь.

Скоро все начали песни петь. Отец много чего играл на баяне. Собирались родственники отдохнуть за столом фамильным часто. На любой более-менее достойный внимания праздник. Потому все выучили за много лет кучу разных песен, от патриотических до частушек с лёгким матерком. Где-то на пятой-шестой народной балладе о любви к родимым лесам и полям неко-

торые наиболее впечатлительные дяди Лёхины и тётки стонали уже через слезу, срываясь с правильных нот и разрушая хорошо наработанное за много лет многоголосие. Про Лёху забыли уже часа через три. Когда отец откладывал баян на пол чтобы опрокинуть с коллективом очередные сто пятьдесят, дать пальцам передых и закусить для пополнения творческих сил, все начинали какой-нибудь общий разговор на актуальную тему. В этот раз поймался на язык Виктора Фёдоровича президент США Линдон Джонсон, которого он принципиально ненавидел, потому, что он всеми силами вёл войну в северном Вьетнаме, уничтожая адскими способами верных нашим идеалам маленьких ростом коммунистов.

– Он, скотина такая, ещё и на Доминиканскую республику напал и в рабов местный народ превратил, – дядя Витя размахивал вилок как саблей, и с лица его струился во все стороны благородный гнев.

– Эх, были бы у меня ноги! – восклицал Михалыч. – Полетел бы я во Вьетнам в ополчение. И порубал бы америкашек как немцев в сорок пятом.

Остальные молча переглядывались, потому как никогда не слышали про какую-то Доминиканскую республику и поэтому чувствовали неловкость. Один батя Лёхин про неё знал кое-что из газет, но поддерживать Виктора Фёдоровича не стал.

– У них в США через две недели, пятого ноября, выборы, – сказал он солидно и, насколько позволили выпитые пятьсот граммов «московской», внятно. – Не будет больше никакого Джонсона и война во Вьетнаме кончится. Коммунисты ихние, это ж звери-ребята! Мутузят американцев не хуже наших, которые фашистов в итоге с землёй сравняли.

Ну, вот ровно с этого момента и понеслась раскаленная политическая дискуссия, в которую впряглись все. Даже баба Фрося, которая тоже не любила Америку, особенно когда чуток выпивала водки. Шум поднялся примерно такой же, как на стадионе, когда правый крайний зарайского «Автомобилиста» пробивал мимо ворот с трёх метров. Орали все. Кто-то клял Америку, кто-то наше правительство, с которым к восьмидесятому году обещанный Хрущёвым коммунизм точно не успеешь построить.

В общем, замечательно пошел в сторону ночи праздник Лёхин. Родственники были довольны разговорами, унижающими разжиревшие и злобные США, насладились едой, питьём, песнями и сплетнями об отдельных двоюродных братьях и сёстрах, соседях и начальниках на работе.

Просто великолепный день рождения получился у Лёхи. Часам к двенадцати о нём забывали окончательно, стали танцевать русские пляски, задвинули все стулья под стол, а Лёха покрутился меж танцующих, да пошел на улицу. Сел возле подъезда на скамейку, закурил и стал прикидывать – поздно уже Надежде позвонить или можно ещё. Может быть, она ждала звонка и не спала. Двухек в кармане было штук пять. Он затоптал сигарету и со скамейки, с низкого старта рванул к клубу «Механик», к будке телефонной.

– Привет! – Надя обрадовалась. – А я думала, бросил ты меня, не позвонишь, не напишешь, не придешь. Приходи сейчас. Я выйду. Скучаю по тебе.

– Я сильнее скучаю, – сказал чистую правду Лёха. – Только сегодня не получится. У меня дома шестнадцать родственников, не считая маму и отца. Сосед, инвалид без ног, со старой квартиры на тележке приехал. Жена прикатила тележку с Михалычем через весь, считай, город. Нельзя мне их сегодня бросать.

– А что случилось? Всё в порядке у вас? – Надежда испугалась. Голос дрогнул.

– Блин. Не хотел же говорить, – Лёха легонько стукнул кулаком по двери будки. – Мне сегодня девятнадцать лет стукнуло. Вот они и пьют сейчас. Часов в семь начали за моё благополучие, а сейчас уже за Родину глушат. Не мог я уйти.

– Ну а мне почему не сказал? – она, похоже, натурально обиделась. – Я чужая, да?

– Ты моя, – Лёха сказал это так нежно, будто перед ним был цветок мака полевого, а не трубка из толстой пластмассы. Лепестки мака, если резко на них дунуть, сразу осыпаются. – А

не сказал потому, что ты стала бы подарок искать мне. А мне стыдно от тебя брать подарок. Я его не заслужил пока. Вот на следующий год уже можно будет. Заслужу. Точно.

Надя засмеялась.

– Поздравляю. Девятнадцать. Мужчина уже. Здорово! А у меня в январе день рождения. К январю я подарок тоже успею заслужить. Хотя у меня подарок от тебя уже есть на все мои праздники. Ты сам.

– Ну, вот, – обрадовался Лёха. – Значит, и у меня от тебя подарок есть. Это ты сама.

– Прибеги хоть на пять минут, Алексей, – Надя сказала это так, как маленькие дети уговаривают маму купить шоколадку или мороженое.

– Выходи через... – Лёха прикинул свои беговые возможности после праздничного ужина и трёх бутылок лимонада. – Через восемь минут.

Он, не глядя, набросил трубку на рычаг и вылетел из будки, как камень из рогатки.

Они встретились возле подъезда, обнялись и простояли так без слов и поцелуев полчаса, не меньше. Было им тепло, уютно, приятно и грустно. Наверное от того грустно, что любовь их и близость сердец были больше похожи на испытание, чем на счастье. Каждая минута встречи приближала расставание и хоть недолгую, но мучительную разлуку.

– Что же будет с нами? – сама себя спросила Надежда и подняла глаза. Темные и глубокие как вечность.

– С нами будем мы с тобой. Всегда, – Лёха поцеловал её сухие губы и сделал шаг назад. – Так будет. Я сказал.

– Хорошо бы, – Надежда тоже отошла, но руку Лёхину держала нежно за пальцы и не отпускала. – Ну, всё. Беги. А то праздник без главного героя – пьянка простая. Беги.

– Люблю тебя, – прошептал Лёха.

– Люблю тебя, – прошептала Надежда, как тихое ласковое эхо.

Он развернулся, махнул рукой и, выдохнув перед стартом, рванул домой. С уверенностью в том, что его исчезновения хорошенько набравшаяся родня заметить просто не успеет. Но ошибся. На балконе стоял Шурик, младший батин брат.

– Сядь на скамейку, – крикнул он. – Сейчас спущусь. Пару слов хочу сказать.

Интонация его Лёхе не понравилась. Ничего хорошего он от «пары слов» уже не ждал. И, к сожалению, не ошибся.

Шурик, наставник Лёхин, никем не назначенный и не рекомендованный, с малолетства готовил его к классической мужской жизни. Сам он бы идеалом

Настоящего мужчины. Ну, не идеалом, так образцом. Умный, даже мудрый со времен своей юности, он пугал этим свойством и близких, и дальних. Мудрость нормальна, естественна для старых, много повидавших и разобравшихся в секретах жизни. В день рождения Лёхиного он имел за спиной целых двадцать восемь лет, но поступки, мысли, точность анализа, интуиция и понимание житейских тайн имел такие, какие не у каждого и в шестьдесят есть. Он не заставлял Лёху делать и думать так, как ему хотелось. Он только советовал и сопровождал советы такими наглядными примерами, после которых как-то по-другому ни думать не хотелось, ни делать. Когда Алексею стукнуло шесть лет, он летом как всегда привёз его в родную деревню Владимировку, где существовал весь род Маловичей, достал из большой спортивной сумки странные туфли кожаные с гвоздями, которые торчали из подошвы, и сказал.

– Спорим, Лёха, что я пробегу по дороге быстрее нашей лошади Крошки?

– Не, – засмеялся Алексей. – Машина лошадь обгонит. А ты не машина.

Шурик надел туфли, вывел из стойла Крошку и втроём они вышли со двора на дорогу, которая через километр упиралась в лес и потом виляла вправо. К селу Сормовка. Они вышли на середину дороги, Шурик вынул из штанины спортивных шаровар хворостину припрятанную, вицу по-деревенски, и с размаха врезал Крошке в круп. Лошадь, которую он как-то приучил бегать с ним наперегонки, рванула вперед, быстро набирая скорость. Шурик на бегу

нагнулся сначала, выпрямился и через пару секунд был уже рядом с Крошкой. Из-под копыт её подкованных далеко назад улетали комья земли, а гвозди на туфлях Шурика швыряли куски почвы размером поменьше, но тоже почти так же мощно, как копыта. Лёха стоял сбоку от дороги и видел, что человек обгоняет лошадь. Это было даже страшно видеть. Крошка неслась как положено молодой здоровой лошади.

Но до поворота Шурик долетел секунды на три раньше. Лёха по малолетству представления не имел о спорте, не знал, что Шурик в 17 лет имеет первый взрослый разряд по бегу и через два года станет мастером спорта СССР, что туфли с гвоздями называются шиповками, что лошадь не может даже из чувства глубокого уважения к хозяину проиграть забег. Только вот увиденное его так поразило, что в дяде своём с того дня и до его смерти уже в двадцать первом веке, Алексей видел только сверхчеловека. А каждое слово его весило минимум пуд золота и только в нём была сила, правда и точное указание направления к правильным поступкам. Интуиция Александра Павловича безошибочно определила, что Лёха будет хорошим спортсменом, музыкантом, художником, корреспондентом как отец и писателем. Это он объявил на новогоднем празднике ещё в пятьдесят шестом году. Каждый очередной счастливый год все Маловичи и Горбачевы тогда встречали ещё большим своим и дружным клановым составом.

– Он, блин, пусть для начала в школе на отлично учится. Потом уже в корреспонденты пробует втиснуться. Там дураки не нужны, – сказал отец.

– Он и так одни пятерки получает, – возразила мама обиженно.

– Лет через десять сам сообразит, кем быть. Может, решит ко мне пойти в милицию. У нас и ум нужен, и сила, и смелость. Мужчиной быстро станет, – перекрикивая спорящих командным голосом объявил дядя Саша Горбачев, начальник приреченской районной милиции.

Шурик в ответ засмеялся, а после праздника, с утра третьего января приехал из Владимирки, забрал Лёху и отвел его лично в детско-юношескую спортивную школу, в секцию лёгкой атлетики, где, естественно, его хорошо знали все тренеры.

– С этого пацана толк будет, – без сомнения доложил он трём тренерам, составлявшим планы тренировок на следующую неделю на больших листах ватмана. – Кто берёт?

– Пусть идет ко мне, – улыбулась высокая тётя с белым коротким волосом и взяла Лёху за руку. – Меня зовут Тамара Ивановна. Через три дня твоя первая тренировка. Спортзал вот тут, за стенкой. В два часа ты приходишь с кедами, спортивным костюмом и полотенцем. Пот вытирать.

Так сбылось первое пророчество Шурика. А все остальные потом стройной шеренгой и печатными шагами настигали Лёху по ходу взросления и подминали его под себя на всю жизнь.

Вот именно поэтому ко всем умным советам, из книжек взятым и от достойных людей полученным, Лёха имел уважительное отношение, но пользовался только теми, которые понравились. Но вот если что-то советовал или даже приказывал Александр Павлович, брат батин младший, исполнял немедленно и чётко. И всё выходило так, как было угадано Шуриком. Он для Лёхи с детства стал чем-то вроде талисмана и оберега. Отец как-то раз на огороде в деревне, после того как Шурик за пять минут научил Лёху одним движением выкапывать весь куст без потерь даже самых маленьких картофелин, почти серьёзно ему сказал.

– Слышь, Шурка! Ты его усынови что ли! Он, считай, полностью твоим умом и живёт. На хрена ему мы с матерью? Делай из него супермена. Нас он всё одно не слушает.

Такой расклад вышел в семье году к шестьдесят пятому, когда Лёха вырос и показал, как всё, что предвидел Шурик почти десять лет назад, сбывалось с такой точностью, будто брат батин был лично знаком с Лёхиной судьбой. Будто был он с ней в дружеских отношениях и успешно заказывал ей жизненный путь для своего любимого племянника.

– Здоров, орел, – Шурик сел рядом на скамейку и руки раскинул вдоль её спинки, а левую ногу лихо закинул на правую. От него пахло шампанским и винегретом. – Всё путём у тебя? Нет проблем каких?

– Да нет, – не глядя на него тихо ответил Лёха. – Всё ровно. Завтра первый день занятий на инязе. Послезавтра первая в сезоне тренировка. Буду на кандидата в мастера долбиться. Надо в этом году покряхтеть пошибче. Сто три очка всего не хватило весной. Полторы тысячи не бегу, блин, как хочю. Свободы нет в бедрах. На ноги свои натыкаюсь, как вроде не ноги они, а костыли. Ядро низко толкаю. Веса не хватает. Мне бы метр десять добавить в толчке и всё. Очков будет как раз на кандидата.

– Ни хрена ты не сделаешь теперь, – уверенно сказал Шурик. – Ни кандидата, ни Мастера.

– Чего это? – Лёха поднялся. – Смотри ноги. Видишь как накачал? С весны кроссы бегал до потери пульса. Дыхалка держится отлично. Ногу под себя увожу. Научился. Делал, как ты сказал. Получилось. Выполню кандидата. Спорим?

– Да ладно, – Шурик убрал руки со спинки и развернулся к Алексею лицом. – Спорт, изостудия, музыка, работа с газетой сейчас для тебя – дело десятое.

А главное дело – что?

– Что? – переспросил Лёха и вздрогнул. Понял, о чём будет нехороший разговор.

– Любовь, вроде. Или путаю что? – Шурик уперся взглядом в глаза Лёхины. – Взгляд прожигал насквозь и вынуждал покраснеть.

– Выходит, что так, – отвел глаза Алексей. – Никогда не было. А тут как-то само-собой повернулось. Я и не думал, что будет любовь. А почему-то вышло, что..

– Тр-р-р! – Шурик подвинулся ближе. – Не канючь. Влюблялись. Знаем, как это. Я сам полюбил Зину и женился. Виталика родили без труда. Вот такой пацан растёт! А Зина у меня кто?

– Врач. Доктор, – Лёха уже точно знал, куда поворачивается разговор.

– Ну, – Александр Павлович взял его за шею и подтянул ближе к своему лицу. – А ты решил от рода нашего отколоться? К «богам» потянуло? К чиновничьим должностям и халяве? Управлять нами, простым народцем, захотелось?

– Шурик, ты чего? – Лёха вырвал шею из крепкой дядиной руки и отодвинулся. Почувствовал, что испугался. Но чего именно – не понял пока.

– Нашему роду не одно столетие. Мы простые пахари. Казаки. Мы воины и обычное простолюдь. Искреннее, порядочное, умное, достойное. Честь имеем и гордость. Но мы – люди. Мы все, весь наш род – работаги с мозолями на руках и в голове. Мы живем, на стены натыкаемся, в ямы проваливаемся, выбираемся и дальше живём в труде тяжком, который грош стоит. И кто нам за нашу дорогую и любимую потную мозолистую жизнь платит эти гроши? Для кого мы черви навозные? Муравьи безликие? Для строителей, колхозников, токарей, сварщиков доярок, учителей, задолбанных идиотами-детьми, для киномехаников или шоферов, у которых руки от руля в дугу скрюченные? А? Говори!

– Для всех людей мы тоже люди, – Лёха внезапно стал тихо собирать из всей своей внутренности злость. – Ты же сам знаешь. У нас уважаемый род. Правильный, честный.

– Потому, что мы трудяги все! – тихо, но тяжело сказал Шурик. – Мы как все нормальные, каких миллионы, вкалываем до треска в сердце. До ломоты в горбу, бляха! Валя, сестра моя, доярка незаменимая, астму имеет. Где поимела? На работе во благо Родины. Василий, муж её, на своём бензовозе кроме геморроя и искривления позвоночника ещё и в лёгких болячку получил. Бензин этилированный, со свинцом. Дышит Вася пятнадцать лет парами с ядом. А куда деваться? Я – электрик. Зима – не зима, лето, осень, день, ночь – без разницы. Обрыв на линии – я на столбе. Ночью с фонариком в зубах. В дождь бога молю, хоть и не верю в него, чтобы обошлось, не зашибло током.

И я в свой горб верю, в руки свои и в само электричество. Только в электричество, а не в КПСС, коммунизм, социализм и правителей наших. Нахлебников и паразитов. Разжирили от лафы, халявы, от привилегий своих, отдельных магазинов с товарами, каких нам даже увидеть негде. Суки! Я тебе говорил, что самое надёжное в жизни нашей – электричество? Оно сейчас

всю нашу жизнь держит. Оно везде и над всем главное. Как господь бог. Я знаю силу электричества, его верность мне, тебе, всем. Оно не подведет, не плюнет нам в лицо, не обманет. Если за ним ухаживать. И только в него можно и нужно верить. А не в этих козлов, партийных сволочей – лидеров.

Секретарей обкомов, горкомов, председателей исполкомов. Это отребье! Оно до своих больших кресел шло через предательство, наглость свою, борясь с собственной трусостью, пряча жадность и плохо скрывая ненависть к нам, червям. По трупам своих же соратников коммунистических, верных якобы ленинским заветам.

– Шурик, дорогой! – взмолился Лёха. – Я-то тут причём? Да хрен бы с ней, с партией и с теми, кто кайфует от привилегий и нас за людей не считает. Они живут себе на облаке и нас не видят, а мы их. Я что, предал кого-нибудь? Я полюбил дочь Альтова, а не его лично. Я ещё и не видел его ни разу. И я не собираюсь бросать своих, веру в электричество и не думаю карабкаться на горки, где берегут для меня руководящие должности. Я просто полюбил девушку месяц назад, но до позавчерашнего дня понятия не имел кто такой Альтов. Может он и не скотина совсем. Я не знаю. Я люблю Надежду. Мне всё равно, из какого она стойла.

– Ладно, – Шурик поднялся и пошел в подъезд. – Разлюбить её я тебя не уговариваю и приказать тоже не могу. Но имей в виду. Если ты уйдешь туда,

к моим врагам, которых я ненавижу за враньё, двуличие, бесстыдство, за бесполезность их и презрение к нам, не взлетевшим до партийных и советских вершин. Если ты туда уйдешь, то, считай, что меня и всех Маловичей для тебя больше нет. И ко мне никогда не появляйся. Ты для меня будешь предателем. А на хорошую жизнь холуйскую среди этих ублюдков не рассчитывай. Ты не из их теста. И они тебя выплюнут через пару-тройку лет обратно. В нашу замечательную советскую грязь.

И он ушел. Лёха ещё час сидел на скамейке, курил и пытался думать. Но после всего, что высказал любимый, лучший друг и учитель, не думалось ему. Мозг как кипятком облили и он сварился. Только душа почему-то заныла, застонала. Поднялся Алексей со скамейки натужно, как старый дед, прошел в квартире мимо пьяных поющих родственников в свою комнату и сел к окну.

Небо было в звёздах, а за звёздами мгла чёрная, непроглядная. Такая же мрачная, как неожиданно повернутое Александром Павловичем его, Лёхино, будущее.

– Ну, с днем рождения, парень, – сказал себе вслух Лёха. – Счастья желаю. И хватит с тебя.

6.Глава шестая

Быстрее всего на свете не ракета, не молния. Жизнь быстрее всего. Она – высший символ скорости. Шесть лет Лёхе было вчера. На велике под рамкой гонял, в лапту играл на перекрёстке Ташкентской и Октябрьской, летом целый день раза три в неделю торчал с друзьями в траве за взлётной полосой аэропорта и с восторгом следил за взлётами и посадками «кукурузников»... Мечту укреплял. Хотел стать лётчиком. А утром следующего дня неожиданно и сильно стукнул его сразу аж девятнадцатый год. Усы обнаружили. Бурили кожу над губой редко и несмело. Макушка головы торчала над землёй на высоте метр семьдесят восемь. Кому рассказать – не поверит никто. Все люди как люди. Доживают до своих девятнадцати, путаясь в соплях первые замечательные пять-шесть лет. Потом, с семи, маются за партами над тетрадками, диктанты пишут и контрольные по ботанике, молча проклиная и плодоножки, и пестики с тычинками. И к девятнадцати они, сквозь отцовские порки пробиваясь, через муки начинающих беситься гормонов проходя с прыщами на щеках, приползают замученными долгой суровой действительностью. И выглядят стариками, потрёпанными судьбой-индейкой.

А Лёха – раз, и уже тут. Среди взрослых. Среди своих. Ну, не почувствовал он размеренного движения дней, месяцев и лет. Так ему не казалось, а чётко виделось. А потому и от первого дня знакомства с Надеждой почти год проскочил, как битком набитый автобус мимо остановки. Кряхтя, но мгновенно. Занятия на первом курсе только мелькнули, оставляя в голове медленно оседающие на серое вещество знания. Каникул вообще Лёха не заметил. Так, со свистом урагана пролетели сладкие эти месяцы.

И встала перед Лёхой и Надей очередная ласковая осень. Начало сентября шестьдесят девятого года. Ещё полтора месяца и доживёт Малович Алексей до двадцати. И начнёт отщёлкивать дни, страшное дело – аж третий десяток. Надежде этой старости ещё до января ждать да дожидаться.

Ну, сказать, что за это время любовь их окрепла и углубилась до самых глубоких тайников сердец – очень хилая и корявая формулировка. Любовь стала монолитной как огромные бетонные столбы моста через Тобол. Ни отбойными молотками не раздолбать, ни взорвать. Пустое дело.

Товарищи и подруги по учёбе неразлучное единство влюблённых приняли дружелюбно и обыденно. Подумаешь – любовь. Она у каждого и у каждой на курсе была. У кого далеко. В родном совхозе. К некоторым девушкам, которыми иняз был облагорожен на девяносто пять процентов, любовь струилась с физмата, где прекрасный пол почти отсутствовал по уважительной причине: патологической, унесённой из школы ненавистью к Лавуазье, Андре Амперу, а также к Ньютону, Паскалю и им равных. Исключительно в связи с недостижимой для девичьих интересов механикой, кинематической энергией и существованием постоянной Планка. Зато парни с физмата были на подбор умные, благоразумные и почти все в меру неиспорченные. То есть, любили Надя с Лёхой друг друга в общем стремительном потоке несущихся к счастью друзей и подруг. И никого, следовательно, своими чувствами ошарашить или потрясти не могли.

Почти никто из студентов не знал и знать не хотел, кто их родители, бабушки, дедушки. Дальние родственники в СССР и за границей. Всем было всё по фигу.

Надя понравилась Лёхиным родителям. За год она стала своей в семье Маловичей. Культурная, умная, красивая, скромная, мастерица на все руки. Она Людмилу Андреевну научила фарфор расписывать и плести из тонких веточек ясеня маленькие корзинки, сундучки и оригинальные занавески на окна, которые вынуждали прохожих останавливаться под окнами и угадывать: из чего сделана красота такая. Ну, Лёхина мама тоже не плюхнулась в грязь лицом. После пары десятков уроков Надежда могла кроить и шить всё, что угодно, а гладью вышивала не хуже самой Людмилы Андреевны.

– Может, тебя научить на баяне играть? – шутил батя. – После института тебе ж в учителя дорога, а зарабатывают они – смех сказать. А с баяном по свадьбам месяц побегаешь – вот тебе десяток учительских зарплат сразу.

Смеялись все. Особенно весело сама Надежда. Поскольку деньги ей на тот момент не нужны были в принципе. У неё было всё, что её хотелось, причем появлялось оно само-собой. Волшебным, надо отметить, способом.

Лёха тоже в доме Альтовых отталкивающего впечатления не произвел за этот почти год.

– Алексей, – спрашивала его за чаем с пирожными «безе» Лариса Степановна, директор областного Дома политического просвещения. – Тебе, как журналисту будущему, надо знать не только политику партии нашей. Это само собой. К написанию статей надо приступать с багажом философских знаний. Политика плюс философия – оружие пропагандиста неизмеримой силы. Ты каких философов ценишь?

Лёха внутренне хихикал. Простой был вопрос. Когда-то, лет в пятнадцать он случайно прочёл «Город солнца» Кампанеллы, и после этого его загнуло в философские познания. В библиотеке областной было столько книг великих мыслителей, что через год голова у Лёхи

раздулась как мыльный пузырь, вспух мозг из него пёрла во все стороны материалистическая и идеалистическая мудрость.

– Ну, несомненно, люблю Фейербаха. Конечно, Канта, Гегеля, Юма, Лапласа. Из наших, пожалуй, Соловьёва, Ключевского. Очень разнообразно, временами противоречиво, но для познания тайн и сути разных взглядов на диалектику развития общности людей – очень прочная основа.

Надежда отворачивалась и старалась сдерживать хохот. Но на Ларису Степановну вязкая языковая конструкция и внешне солидный Лёхин подбор великих имен производил почти гипнотическое действие. Далеко не от всех сотрудников и учащихся на курсах агитаторов и пропагандистов она могла услышать нечто похожее.

Игнат Ефимович Альтов, отец Нади, за год к Лёхе присмотрелся внимательным профессиональным взглядом правителя человеческими думами и делами, да тоже не нашел в нем ничего, отдаляющего парня от приличной, уважаемой и достойной семьи высшего круга. Он любил по дороге на дачу вести с ним в новенькой «Волге» незатейливые разговоры, которые слегка напрягали и Надю, и маму. Ездить каждую субботу на дачу в семье было принято так же, как читать по утрам «Правду» и «Известия», чистить зубы и ежедневно начищать немецким глянцевым кремом туфли и сапожки.

– Что, Алексей, не пошел поступать в музыкальное училище после школы, опять же музыкальной? – интересовался Игнат Ефимович, глядя на спелые яблоки, висящие, как бомбы под крылом самолета, на согнувшихся осенних ветках яблонь вдоль Тобола. – Потом бы – в консерваторию. А там и до сольных концертов по Союзу недалеко. Я узнавал. Ты, оказывается, уважение имел в музыкалке. Ценили тебя. В газете, куда ты так рвешься – менее престижно работать, чем в искусстве.

– Буду пробиваться в газету, – Лёха говорил спокойно и убежденно. – Сейчас пишу. Печатают. Должны взять. А музыкальная карьера меня не влечет.

С баяном только подыгрывать хору народных песен.

– А чем тебе не подходит народная песня? – Как бы искренне удивлялся Игнат Ефимович. – Ближе к народу! Это заповедь любого представителя науки, культуры, искусства и, кстати, работы корреспондента.

– Куда ближе то? – спорил Лёха. – Я из народа сам, живу с народом, что могу для всех людей, делаю. Пишу про народ и для него. Область нашу спортивными успехами, как могу, поднимаю повыше. А вся область – тоже народ.

– Вот мы с Ларисой Степановной сами из глубин народных. Из рабочих масс.

И от них не отрываемся, несмотря на то, что партия послала нас на высокие должности. Я, скажем, каждую неделю встречаюсь с рабочими наших заводов, с крестьянами. Ближе это мне. Да и Лариса моя ведет пропагандистскую работу на местах. На тех же заводах, фабриках. И ты верно делаешь. Что стремишься не отрываться от масс. В них сила. И мы обязаны её направлять, как учит партия.

– Ну, папа! – брала его за плечи Надежда. – Давайте лучше про то, что сегодня на даче будем делать.

– Молодец, Алексей. Держишь свою линию, не поддаёшься хитрым подсказкам. Это ценное качество, – Альтов улыбался, замолкал, и на даче превращался в другого человека. Ходил в старой майке и семейных трусах по участку то с лопатой, то с граблями и никем не командовал. Все сами знали, что надо делать.

Лёха, по капле вливаясь в семью, не пытался выглядеть лучше, чем был. И, наверное, поэтому вся семья легко к нему привыкла и относилась в меру уважительно. Как полагаются большим людям относиться к не самому тупому представителю народных масс. Кроме, конечно, Надежды. Которая относилась к Лёхе с любовью. Взаимной, кстати, и необыкновенно нежной.

Что было видно всем. И в её семье, и в Лёхиной. Хотя никто всерьёз и не предполагал, что любовь эта уже ведет их по широкой дороге в ЗАГС и в счастливую семейную жизнь.

Десятого сентября случился особенный день. После третьей пары плюнули они, не сговариваясь, на историю КПСС и сорвались в кино. Новый фильм вышел. «Не горюй» режиссёра Данелии. Почти вся группа уже посмотрела,

ахала по поводу красавца Кикабидзе и хорошего юмора. Надо было срочно наверстать отставание от коллектива. Но билетов на два часа дня уже не было, а следующий сеанс только в восемь вечера. Купил Лёха билеты. Съели по пломбиру, который продавала тётка в белом фартуке из большого ящика- морозильника на раздвигающихся металлических ножках. Стоял ящик прямо перед входом в кассы. Мимо не пройдешь.

– Блин. Шесть часов ждать, – Алексей отнёс две обёртки от пломбира в отлитую из бетона урну с узорами и вертикальными рёбрами, раскрашенную под серебро. – Может, к нам домой пойдём? Батя в командировке. Мама до семи на курсах повышения квалификации в Доме учителя. Давай купим лимонада бутылки три и шоколадные вафли. Посидим, поболтаем. Не по улицам же шараться.

– Ещё пару пломбирчиков захватим. Не растают по дороге? А дома в холодильник спрячем. По дороге в кино слопаем, – Надежда стерла розовым носовым платочком каплю мороженого с мягкого коричневого сапожка.

– Если в автобусе поедём, не растают, – Лёха купил два твердых брикета, сунул их в спортивную сумку с учебниками и тетрадами, и они побежали к остановке.

Дома он включил телевизор, который показывал уборку зерновых в каком-то совхозе воронежской области, потом они сели на кухне пить лимонад и закусывать его вафлями.

– Слушай, ты же говорил, что картинку нарисовал новую. Пейзаж, – Надя поднялась и пошла в Лёхину комнату.

– Там в углу на этюднике. Только в руки не бери. Она не высохла ещё, – он догнал её уже перед холстом с изображением десятка молодых березок, наклонившихся над водой тихого озера.

– Здорово. А где это? – Надежда повернула этюдник к окну.

– Владимировка. В лесу озерко маленькое. Давно хотел его написать. Ничего?

Лёха обнял её сзади и, едва касаясь губами кожи, поцеловал шею. Она обернулась. А как получилось то, что было потом – они не поняли оба. Очнулись только тогда, когда не осталось сил, а разбросанная перед кроватью одежда и часы на стене вежливо подсказали, что Людмила Андреевна сейчас вернётся с курсов.

– Ужас! – тихо воскликнула Надя и отвернулась к стене.

– Первый блин комом? – спросил Лёха шепотом.

– Ужас, как всё прекрасно! – повернулась Надежда. – Хотя это надо было сделать в первую брачную ночь.

– Ну, блин! – Лёха закурил. – И так прожили почти год как детки из младшей группы детсада. Ты же сама говорила, что близость приближать не надо. Она приблизится сама именно тогда, когда как надо звёзды сойдутся. Шутила так.

– Да не шутила я! – Бархатно и тепло произнесла Надежда. – Сошлись звёзды.

Лёха встал, погасил окурок в пепельнице из фарфора, которую ему и Паньке сделала бабушка Фрося, талантливая самоучка-гончар.

– Но вот ты же и не пытался никогда за весь год заманить меня в койку. Почему? – Надя улыбнулась.

– Я, видишь ли, не насильник. Я в твоих глазах ни разу не увидел желания заняться любовью плотской, ядрёна вошь. А почему ты не хотела?

– Не хотела, – Надежда поднялась и стала одеваться. – Просто знала точно, что это произойдет тогда, когда должно. Я люблю тебя. А не тебя в постели. Понятно?

– Ладно. Нет вопросов, – Лёха оделся быстрее. – Сейчас мама придет. Пошли на кухню лимонад пить. – А там я тебе что-то скажу. И мы вместе подумаем, как это сделать.

Только сели они за кухонный стол, поцеловались, налили лимонад в стаканы, Алексей подошел к окну и произнес.

– Я хочу, чтобы...

И увидел Людмилу Андреевну метров за сто от дома. Пять минут в запасе было.

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Короче, делаю тебе предложение.

Поженимся?

Надя обняла его и тихо прошептала ему на ухо.

– С удовольствием. Давно мечтаю об этом. Но сказать не могла.

– Да тебе и не положено, – засмеялся Алексей. – Ты дама. Делать предложение – мужская доля. А твоя – заплакать и сказать: «Ах, это так неожиданно и так ответственно. Я должна месяц подумать. Понять себя!» В кино так говорят всегда.

– Я хочу за тебя выйти замуж. Подумала. Себя поняла, – Надя тоже глянула в окно. Лёхина мама подходила к подъезду. – Наши желания совпадают.

– Остались родители, – Лёха почесал затылок. – Надо ведь их этим обухом по головам стукнуть аккуратно и умно, чтобы их кондрашка нехватила, чтоб женская половина в обмороки не валилась.

– Ну, не такая это и проблема, – задумалась Надя. – Есть одна мудрая мысль. В какой-то книжке выловила. В кино скажу. Или после него.

Звонок в дверь свернул важнейшие размышления о прекрасном будущем.

– Вы чего в доме сидите? – удивилась мама, после чего поздоровалась и поцеловала Надежду в щечку. – Такая погода на улице! Сама бы гуляла ещё часа три, но план на завтра надо писать. Погуляйте, да на вечерний в кино сходите. В «Казахстане» уже идет «Не горюй». Прекрасный, говорят, фильм.

– Мам, гляди! – Лёха показал два билета. – Мы на дневной не успели. Переждали дома. Сейчас идём уже.

– Не идём, а бежим! – воскликнула Людмила Андреевна. – Без пятнадцати восемь.

– Зря я не занимаюсь лёгкой атлетикой, – засмеялась Надежда.

Они с мамой опять поцеловались и Лёха потянул теперь уже законенную невесту за руку.

– Понеслись. Опоздаем!

В кинотеатре они сидели на третьем ряду. Поэтому говорить было неловко. Народ этого не любил. Ни с боков сидящий, ни позади. Да и передние тоже поворачивались с кислыми физиономиями. Поэтому Лёха с Надеждой прислонились головами, что позволяло неслышным для посторонних шепотом вести нужную своевременную, не терпящую отлагательств большую беседу.

– В общем, я им прямо так и скажу, – закончила Надежда, когда на экран вылетел титр «конец фильма».

– А что на третьем месяце – не чересчур будет? Не перебор? Не видно же ни фиги. Скажи, что на втором хотя бы. И я своим скажу то же самое.

– Всё. Решено, – твердо сказала Надя уже в узком и вязком ручье, сделанном из людей. Он тёк довольно быстро и вскоре вытолкнул их на уличное крыльцо. – Сегодня всё и говорим, да?

– А чего тянуть? – Лёха с трудом выправил на себе куртку, свернутую вбок и вниз дружескими локтями всё ещё впечатлённых фильмом зрителей по пути к выходу. – Они же сами давно врубались, что мы обязательно поженимся. Слушай, а может, это уже перебор – беременность. Давай оба сначала к моим, а потом к твоим нагрянем и просто доложим. Попросим благословить.

– Чего попросим? Благословить? – Надя стала тихо смеяться, чтобы не пугать народ. – Отец нас обоих вытурит из дома. Или тебя одного. Он религию не любит. Не верует в Бога. Он коммунист. Верит в учение Маркса-Энгельса-Ленина.

– Ну, пусть тогда «Капиталом» Маркса нас осенит. Или ленинской книжкой «Как нам реорганизовать Рабкрин», – Лёху тоже пробрало. Смешно было, правда. – Вот этот простой вопрос с женитьбой можно было решить ещё летом. На каникулах. Ничто не мешало бы к свадьбе готовиться.

– Ну, завёлся! – обняла его Надя. – Летом рано было. Они сказали бы, что за полгода чувства не проверишь. И не благос.. Тьфу ты! Не согласились бы!

Алексей ещё минут пять силился перестать хихикать. Но не получилось.

– Надежда, а давай я тебя украду. Соберем втихаря вещички необходимые. Снесём в камеру хранения на вокзал и в самый разгар родительского рабочего дня свинтим куда-нибудь на Урал. В Свердловск. Я там в Универ поступал. Ну, скажу тебе – город крепкий. Красивый. Как наша любовь прямо-таки. И записки оставим. «В нашей женитьбе просим никого не винить. Спасибо вам, дорогие, за чудесное детство, юность и нашу зрелость, которая подарила нам любовь и желание жить вместе до гробовой доски с памятью о вас и вашей доброте к нашему нерушимому союзу».

– Лёха, ты пацан совсем. Мальчишка, – Надежда ущипнула его за щёку. – Мои родители встречались две недели. И война началась. Отца на фронт забрали. Политруком. Он на Украине на заводе металлоконструкций три года комсоргом был. На вокзале перед отправкой он маме сказал, что Украина первая республика, куда придут фашисты. И просто приказал ей завтра же брать билет и уезжать за Урал. Лучше в Казахстан. Есть, сказал, там маленький городок – Зарайск. Сиди там и жди меня. Писать буду на почту «до востребования». Ну, потом война всё же кончилась и он приехал. Год они жили, как друзья. Как брат с сестрой. Чувства проверяли. Тогда, в те времена, это нормально было. Столько мучиться в любви отдельно и в одиночку. Папу послали секретарём райкома партии в один районный центр. И мама с ним поехала. Работала там библиотекарем. И только через год после войны они расписались. Поэтому сообщать им надо по-хитрому. Беременная, мол, и всё. А друг друга любим. Безвыходное положение. Надо жениться. Чтобы люди не разглядывали мой живот с ехидством. Чтобы не позорила я семью.

– Но ты же в натуре не беременная, – Лёха остановился. – Вскроется же в первый месяц.

– А долго забеременеть? – засмеялась Надежда. – Дурачок ты, орёл! А может, я вот сегодня и понесла. А? Как думаешь?

– Э! Стоп! Всё! – Алексей наклонился, поставил ладони на колени и глубоко выдохнул. – Вот дом твой. Пришли незаметно. Так что? Сегодня начинаем пробивать путёвку в жизнь семейную?

– Сегодня, – твёрдо сказала Надя. – Ты иди. Я пока возле подъезда постою. Обдумаю. Сосредоточусь.

– А я на ходу обдумаю. Мне минут двадцать тихого хода до дома. Хватит, – Лёха нежно поцеловал её, развернулся и ушел, не оглядываясь.

Этим вечером фактически и началась их долгожданная, но короткая и просторная как проспект дорога в желанную семейную жизнь.

Посреди города, между центральным стадионом и монументом с монолитными трёхметровыми фигурами выдавленных из жести целинников,

покоилось старое кладбище. В конце его, прямо у стены стадиона, в ряд, стояло много ухоженных, вымытых и покрашенных бронзой памятников героям войны из Зарайска, погибших в боях или недавно мирно умерших дома. А перед аллеей Славы, названной так красиво горисполкомом, дожидался сноса давнишний город простых мертвых, не героев. Представлял он собой беспорядочное, заросшее всякими сорняками скопление полусгнивших деревянных

и ржавых железных крестов над могилами, вдавленными в землю временем и дождями. Между ними от начала до тупикового забора из кованого чугуна плелась витиеватая дорожка, за много лет до чистой почвы протоптанная гражданами, равнодушно воспринимавшими покойников и страсти вокруг легенд. Молва людская гласила об исчезновении здесь сотен прохожих. Их, уверяли легенды, умыкнули в иной мир бывшие люди, живущие теперь в аду. Выскакивали они из-под крестов днём и ночью в жутком образе черных прозрачных призраков, хватали бедолаг за горло и в таком виде исчезали под теми же крестами. Из центра города в новые районы, слепленные из тоскливых панельных пятиэтажек, было два пути. Один с тротуаром на светлой улице, но огибающий огромной трехкилометровой дугой монумент, кладбище и стадион. Другой – прямой как указка школьная, но именно по вот этой протоптанной тропе среди провалившихся могил. Лёха, как и десятки соседей, которые, как и надо, больше боялись живых, чем усопших, ходили по – прямой. Лёха, заколдованный речами дяди своего Шурика, верил только в электричество, а в лютых покойников и другие страсти, злые или добрые чудеса – не особенно. Точнее – совсем их не воспринимал. Ходил он домой из кинотеатров, библиотек, изостудии, с базара и теперь вот от Надежды – только через кладбище, где птицы на больших уже деревьях исполняли разнообразные музыкальные этюды, где тишина была такая же, как поздно вечером в родной деревне Владимировке. Где за двадцать минут тихого хода светлела голова и в неё прилетали из глубин земных умные и правильные мысли. Дошел он до дыры, выпиленной умельцами в чугунном заборе, и сразу понял, как надо доложить родителям о грядущей свадьбе.

Батя пилил на баяне что-то очень трогательное. Романс какой-то дореволюционный. Голова его с плотным волнистым волосом покоилась на мехах. Это означало, что отец полностью там. Внутри. В царстве нот, диезов, бемолей, скрипичных ключей и знаков отказа – бекаров. Мама тетрадки уже проверила и шила на бабушкиной древней машинке «зингер» рубашку батю из плотного кремового шелка. Модно это было – рубахи шелковые.

Лёха пошел на кухню, допил лимонад и громко заорал прямо со стула возле стола обеденного:

– Родители. Я женюсь!

Батя перестал терзать баян и сказал.

– Пора, конечно. Скоро на пенсию, а ты ещё холостой. На том свете, в аду, неженатых жарят на сковородках без масла, перца, соли и томат-пасты. Страшная мука!

– Коля! – тонко, как опущенная согнутая пила, простонала мама. – Ты хоть слышал, что сын наш кричал так радостно?

– Женится он, – отец поставил баян и зашел на кухню. – Не разводишься, правильно? Это была бы плохая новость. А ты вроде женишься, да?

– Ну тебя, батя, с твоими хохмами. Я же серьезно! – Алексей стгоряча выпил из горла ещё и бутылку катыка. – Мам, шить кончай! Я же убойную новость доложил. Вы должны воспротивиться сначала, сказать, что сопли ещё не все высохли и денег я не зарабатываю. На что семью кормить буду? Ну, давайте! Чтобы как у всех, по правилам шел разговор. Это ж на всю жизнь. Роковой, можно сказать, шаг в неизведанный мир женатых.

– Сюда идите, – мама пришила рукав и опустила ножку с иглой. – Николай, ты даже не узнал на ком он собрался жениться. На ком, Алексей?

– Вы, когда чем-то отвлечены, соображаете медленнее меня, – засмеялся Лёха. – У меня что, толпа поклонниц у подъезда топчется, разрешения вашего ждёт? То ли Машу вы выберете, то ли Наташу или Зинаиду?

У меня одна единственная любовь, невеста уже. Наденька Альтова.

– Наденька Альтова, – как эхо откликнулась мама и плюхнулась с полной стойки на диван. – Mamочки мои! Это же конец света! Это просто крах нашей ровной и тихой жизни! Кошмар!

Отец сел на свой любимый табурет, инвалидом Михалычем, который со старой квартиры, сколоченный ещё в пятьдесят шестом году. Взял баян, накинул ремни и сказал главные слова:

– Ты, Люда, дура интеллигентная. Утонченная. Чуть что – в обморок! Он что – на смертный бой идёт, в тюрьму его садят по расстрельной статье? Он женится всего навсего. Мы ж поженились, так? А он чем хуже нас? Он лучше и прогрессивнее родителей. Мы поженились в двадцать пять. А сын – в детском саду. Просто скрывал. Они с Надей Альтовой с яслей женихаются! Пусть женится! Пусть поимеет ответственность за других. Жизнь семейная- труд не хилый. Так что – женись. Не всё ж коту масленица!

И заиграл «Дунайские волны».

Мама поплакала положенное время. Для порядка, соблюдения традиции и приличия. И сказала.

– Надя, – сказала она с дивана. – не худшая для этого обалдую пара. Она из него сделает человека до конца. Мы до половины сделали, да и будет. Пусть теперь она пыжится.

– Другое дело – на какой хрен ты дался Игнату Ефимовичу с Ларисой батьковной? – пропел под мелодию «Дунайских волн» батя. – Ты ж не их контингент. Ты из простых. А они князья, государевы люди. Чего ты там делать будешь? В обком пойдешь работать сволочью инструкторской, куда он тебя сразу засадит, чтобы общую семейную картину дерьмом не мазать?

Или отбрешешься? Он вообще-то в курсе, что ты к ним в родственники ломишься?

– Я? Ломлюсь? – Лёха аж задохнулся. – О чем с вами после этого разговаривать?! Короче, я сказал – вы услышали. Женюсь. Она беременная. На втором месяце. Нет обратной дороги.

И Лёха пошел в свою комнату. Разобрал постель, сел к окну и стал интуитивно представлять себе, как Надежда сейчас пробивает положенное ей по возрасту и состоянию сердечной любви замужество.

– Спать ложись, – заглянула мама. – Детали завтра обговорим. Деталей много. Свадьба – это нам всем и радость, и удар по карману, да ещё и волнение после неё на много лет вперёд. Жить-то вам как-то надо. А где? А на какие шиши? Много деталей. Давай, ложись. Ещё наговоримся на эту тему. В принципе, мы с папой не против. Девушка хорошая.

Лёг Лёха. Но не уснул. Не получалось. Всё казалось ему, что секретарь обкома Альтов победит папу Игната Ефимовича и взять в семью низшего статусом простолюдина Лёху Надежде запретит своей властью, данной ему Центральным Комитетом партии. Осталось дожить до завтра. Содрогаюсь, но надеюсь.

Соблюдая последовательность важнейших событий житейских, опустить и не показывать картинку семейного совета Альтовых я не имею права.

Надежда открыла дверь своим ключом. Пошла тихонько в свою комнату, нацепила просторный дачный сарафан, на котором не была обозначена талия. Сквозь тишину вечернюю, спровоцированную глубоким погружением родителей в чтение высокохудожественной литературы, перебралась на кухню. Удивительно, кстати, что голосащий сутками радиоприёмник во всех домах и квартирах зарайских жителей никак не влиял на тишину. Если кто-нибудь не кричал, не бил звонкую посуду о стены, то при работающем громкоговорителе тишина не страдала. Музыка ли бравурная оптимистическая-социалистическая из приемников билась о стены, диктор ли торжественно вещал об очередных победах на фронтах трудовых – всё одно никто этого не замечал и чувствовал покой и тишь.

– Папа! Мама! Я на кухне. Пришла уже, – крикнула Надя. Поломала тишину.

Порвала.

– Сейчас! – отозвалась Лариса Степановна. – Страницу дочитаю и разогрею ужин тебе.

– Привет! – баритоном сказал папа громко и с доброй интонацией.

– Идите скорее. Потом дочитаете, – Надежда почему-то эти рядовые слова выкрикнула торжественно.

Минут через пять вошли родители. Папа с книгой рассказов Эдгара По, мама с «Сагой о Форсайтах» Джона Голсуорси.

– Что? – спросил папа, пока Лариса Степановна укладывала книгу на край стола.

– Да ничего особенного, – Надежда весело улыбнулась. – Я беременна. Два месяца уже.

– Забавно, – села напротив мама, пока Игнат Ефимович соображал: слышалось ему или нет.

– И? – сообразил он, что не слышалось.

– Что – «и»? – передразнила мужа Лариса Степановна. – Она беременна, видите ли. Пугает так. Но мы-то не из пугливых! Сама три раза была в этом увлекательном процессе.

– Ну и ты будешь сейчас меня просить, чтобы аборт тебе сделали не в городской гинекологии, а в обкомовской клинике? – упер локти в стол папа, а подбородок уложил на кулаки. – Чтобы про Альтова потом на всех этажах обкома, а потом по всей области трепались, что дочка у него несла в подоле, да не донесла? Что дочка у Альтова гулящая, но неумелая? Умелые гуляют, но предохраняются. Я верно говорю, Лариса?

– Пап, куда тебя понесло? Какой аборт? Где она, гулящая дочь? У тебя что, на стороне есть ещё дочь? Она у тебя непорядочная, да?

– Тр-р-р! Стоп! – скомандовала мама. В доме главным человеком была она. Секретарь обкома командовал областью, но не женой. Не дозволено ему было никогда. – Надя, ещё раз медленно повтори, но с подробностями. От кого беременна? Планы твои какие? Ты девочка уже большая. Взрослая. Так что, ругать мы тебя не будем, да Игнат?

– Да вроде не за что, – Игнат Ефимович достал из вазы конфету «Грильяж в шоколаде». – Это Алёха Малович тебе подкинул?

– Почему – подкинул? – обиженно протянула Надежда. – Ну, ты, папа, временами такое выдаёшь, даже неловко. Мы так решили. И так сделали. Потому, что хотим пожениться.

– А чего вы ещё хотите? – мама посуровела. – Звание Героев социалистического труда не попросите у отца? А то он пошлёт ходатайство в ЦК.

– Мне что, матерью одиночкой престижнее стать? – хмыкнула Надежда. – Может, за это и вас на работе больше уважать станут? Хотя и сейчас уже – дальше некуда.

Альтов поднялся, закрыл книгу, сказав вслух предварительно «сто тридцать восемь»

– Ладно не суетись. Посиди тут, сок манго в холодильнике. Конфеты – вот они. Какао мама разогрела. Отдохни минут так-эдак сколько-то. А мы пойдем посоветуемся и тебе сразу доложим. Пошли, Лара.

Пятнадцать минут тянулись как жвачка «Бабл Гам». Отец всегда привозил из разных зарубежных стран. Сами с мамой не жевали. Но детей всех троих «подсадили» на эту несоветскую штуковину. И вернулись наконец. Без книжек уже.

– В общем, так постановили мы, – папа не стал садиться. – Поженитесь вы. Одобряем. Алексей хоть и не из нашего привычного окружения, но парень неплохой. Есть у него черти в башке. Я тут, пока вы дружили взаимно, справки навёл о нем. Мне, сама знаешь, это несложно. Но черти есть у всех. И у меня. Не это главное. Человек он в городе известный. Хоть и молодой. Есть у него много сильных сторон, но и шалопай он почти классический. Раздолбай, мягко говоря. Со шпаной связан, драчун известный. Три привода в милицию. Отпущен за недоказанностью вины. Но хорошего больше в парне. Плохое ты ликвидируешь. Я уверен. Ты вся в маму. Я ведь тоже был не ангел. Подмяла, переконструировала. И ты сможешь. А хорошего вам на двоих хватит в нём.

– В общем, будем готовиться к свадьбе, – мама улыбнулась. – Но послезавтра пусть к нам придет поговорить. Завтра папе некогда. Потом родителей его пригласим. Обсудим всё. Так что, поздравляем!

Надя подпрыгнула, в ладоши захлопала, обнимать стала родителей изо всех сил с безудержными радостными эмоциями. Не ожидала, что так мирно решится главный её жизненный вопрос на сегодня.

Объятия и полуосмысленные возгласы длились минут пятнадцать.

– Всё, Надюша. Спать. У нас завтра работы много, – отец помахал ей рукой и пошел в спальню.

– Видишь, всё хорошо, – мама обняла её и прижала к себе. – Плохого человека, негодного и недостойного нас, папа бы в семью не принял. Иди спать.

Рано утром, сразу после гимна по радио Надю разбудил её персональный телефон.

– Ну!? – кричал в трубку Лёха. – Ну!? Говори! Просыпайся ты! Говори! Что?

– Всё отлично, – Надя счастливо засмеялась. – Ты без пяти минут мой муж! К свадьбе готовимся. У тебя тоже нормально прошло?

Более чем! – сказал Лёха и на всю улицу, спящую наполовину, заорал: «Ура!!!»

– Встречаемся в институте. Расскажу после занятий все детали и порядок действий. Всё! Целую!

Леха сел на скамейку возле будки телефонной и камнем вдавился в неё, не шевелясь и не имея в голове ни единой мысли. Так бывает когда душа человека потрясена до самых тайных её глубин.

Мимо с метлой ходила дворничиха клуба «Механик» тётя Маруся. Подметала огрызки билетов в кино, листья и пыль от машин. Остановилась возле Лёхи.

– Это ж как надо суметь напиться с утра! Аж не шаволится паренёк. А с виду – из приличных. Ты шел бы домой, сынок. Тут по утрам наряд на мотоцикле ездит. Два сержанта. Не дай бог, заберут. Иди. Сейчас вытрезвитель аж пять рублей берет. Из зарплаты высчитают. Оно надо тебе?

– Я женюсь! – очнулся Лёха. – Женюсь, блин! На любимой!

Поднялся и побрел, качаясь от счастья и держась за голову.

– Да, – жалостливо сказала вдогонку дворничиха. – Перебрал крепко. Заговаривается аж. Ну, да ничего. Вроде нет патруля. Дойдет. Отоспится. Приличный с виду парень. Лишь бы потом не запил на всю жизнь как Витька мой. Царствие ему небесное.

– Доброе утро. Товарищи! – Радостно сказал огромный серебристый динамик с крыши клуба. И он был прав на все триста процентов!

7.Глава седьмая

Никогда не понимал и до сих пор не знаю – почему свадьбы, дни рождения и новогодние запойные дни да ночи народ спокон веков считает радостными праздниками. Ведь сплошная обманка наблюдается в ликовании по этим весёлым и жизнерадостным поводам. Свадьба две стороны имеет всегда. Орёл и решку. Нацеловались лет на пять вперёд молодожены при ликующем народе у длинного стола с бутылками и салатами «оливье», а уже в первые похмельные дни монета, стоявшая на ребре, закачалась. Упадет «орлом» вверх – нормально. Сладится жизнь совместная. «Решкой» ляжет – чёрт его знает, как всё срастётся. По ходу жизни монетку эту, случайно или нарочно, то муж, то жена пнут, да перевернут «орлом» в пол. И пошло всё наискось да вкривь. А ведь гости пели, плясали, желали и в сочинении ярких тостов состязались, водки тонну заглатывали на свадьбе как гарантию будущего семейного счастья. То есть, нет у весёлой и оптимистичной свадьбы чёткого логического мотива. Будет счастье – не будет его, знает только судьба-индейка. А все про неё хоть и слышали, но какую-то одну-единственную не видал никто. Все разные. Загадочные и скрытые до поры.

Лёха свадеб навидался уже разных. Деревенских бешеных и городских хвастливых. Молодые радовались, что ЗАГС разрешил им спать в одной койке, по очереди качать люльку и

быть родственниками. Жить одними помыслами и в горестях носить по переменке друг другу на горбу к свету в тоннеле. Короче – ничего восхитительного и радужного через год после ЗАГСА почти не оставалось. А плыла себе обыкновенная житуха, напичканная под самое горло проблемами, ревностью и выжившими надеждами на осуществление досвадебных мечтаний. Поэтому сам он перед женитьбой не восторг чувствовал, а неясную тревогу. Одно дело нестись к любимой на пару-тройку часов, быстро убегающих, с предчувствием счастливой встречи после недолгой разлуки, а другое – ежедневно упираться рогом, чтобы закли тебе очки как образцовому семьянину все родственники плюс сама жена. Деньги надо зарабатывать. Больше – лучше. Содержать нужно совместную жизнь в тонусе материальном, из которого происходит тонус морально-этический и банальное удовлетворение сторон не только любовью, но и всем, на чём она двумя ногами крепко стоять хочет. А это достаток, приличное моральное состояние для глаз многочисленных наблюдателей, верность, умение зарабатывать на достойную жизнь и быстрое привыкание к обыкновенной бытовухе, в которой надо ухитриться чудом не затоптать прежнюю нежность и радость обладания. Те же нехорошие эмоции чувствовал Лёха от пафоса дней рождения. В чем там спрятана причина для радости – не врубался он. Что родился – хорошо, конечно. Значит, побегаешь лет, может, до семидесяти, помаешься всей маевой земной. Но рождение – дело случая. Могло и не быть. Да и в чём восторг от ежегодного старения? Половину жизни ты – никто. Подмастерье. Потом лет двадцать тебя всерьёз держат за зрелого и полезного. А ближе к шестидесяти опять ты слетаешь с круга, который несёт на себе молодых, нахальных и пробивных укротителей жизни. А ты – на лавочку, на пенсию, на завалинку – семечки лузгать. И ловить радость от подаренной небесами возможности ещё какое-то время подышать и посмотреть ночью на звёзды. Между которыми определенно и прятался рай с вечной одухотворенной жизнью.

Ну, да ладно. Что бы Алексей Малович ни думал философским своим, почти созревшим умом, а жить всё одно приходилось по законам общества. Причём самого передового в мире. Потому свадьбу он ждал с нетерпением. Как зрители в кинотеатре нетерпеливо ждут начала захваленного со всех сторон фильма.

Вечером двенадцатого сентября, в четверг, на квартире у Альтовых намечался совет старейшин и перспективной молодёжи для формирования списка гостей на свадьбу и потрясающего меню для стола, который должен ломиться от сугубо праздничных яств и напитков. А в среду после вечерней тренировки позвонил Лёха Надежде и узнал, что завтра с утра они втроем с Ларисой Степановной едут в магазин обкомовский покупать ей платье свадебное, а ему – костюм английский, туфли и белую рубашку модную, и галстук к ней. То ли чешский, то ли польский. Ну, в общем, в городских магазинах всего этого не продавали.

– Надь, у меня новый костюм есть, – Лёха попытался отскочить от посещения торгового салона для больших людей, поскольку сам себя считал не слишком уж достойным такого звания и такого магазина. – Рубашка тоже есть новая. Один раз на выпускной надевал. Туфли Свердловской фабрики. Но красивые, лакированные.

– Лакированные не носят уже, – засмеялась невеста. – носок тупой у них?

– Ну, не такой как угол в девяносто градусов. Но не острый, конечно. Покупали три года назад.

– Острый носок должен быть, – Надя посерьёзна. – Да и не в этом дело вообще. Мама сказала, что всё купим в обкомовском универмаге. Это прямо во дворе обкома. Недалеко.

– Да у меня откуда деньги на английский костюм с чешским галстуком? – Взмолился Лёха. – Ты же мой видела. Я его пару раз надевал. Когда в Свердловске поступал на журфак. Он новый на вид.

– Но серый, – Надежда улыбалась. – А на свадьбу нужен черный. Денег тебе не надо никаких. Папа уже профинансировал всю свадьбу, включая покупку мне золотых часов в подарок.

– На фига тебе золотые? – Шепотом спросил Лёха. – Девки в институте коситься будут. У тебя же отличные часики.

– Не... Я носить их не буду. Пусть лежат. Лет сорок будет – тогда уже можно. К таким годам я и сама как бы могу накопить.

Лёха замолчал. Задумался. Что-то не то и не так пошло. А что именно – не догонял он.

– Так папа пусть тебя одну одевает. Это нормально. Я ж не сын его. Поэтому мы с родителями тоже пойдем и купим черный костюм. И туфли. Да и рубаху, блин, с галстуком, – Лёха закурил в будке и через маленькие стеклянные вставки в будочном каркасе его не стало видно. Дым от «примы» был обильный и не имел прозрачности. – Деньги на это дело найдёт батя.

– Алексей, – Надя говорила спокойно и ласково. – У нас не принято так. Мы делаем так, как решил папа. Ты без пятнадцати час – член нашей семьи, а не только мой муж. А ты же через неделю уже муж мой! Не жених. Тебе покупаем костюм и остальное как члену семьи. Ты, повторяю, полноправный член семьи Альтовых уже через неделю.

– Как – через неделю? – Совсем оторопел Алексей. – А месяц испытательного срока? ЗАГС ведь свои правила имеет. Порядок.

– Ну... Как бы тебе объяснить? – Надя помолчала минуту. – Понимаешь, папу уважают везде. Он это заслужил. Ну, делают для него чисто по доброте и человечности небольшие исключения. Это ж ерунда, пустяки. Сократить испытательный срок. Папа сказал, что нас с тобой незачем испытывать. Мы же не разлюбим друг друга, нет?

– Нет, конечно, – Лёха открыл дверь будки. Нечем было дышать. – Ладно. Хотя лично мне и неудобно, и не нравится это. Я вроде бы уже вырос, чтобы меня из ложечки кормить. Свадьбу уродовать не будем, конечно. Но ты как-то аккуратно маме скажи, что на меня в дальнейшем денег не надо своих тратить. Скажи, что у нас в семье как раз это и не принято.

– Дурачок ты, Малович, – Надежда вздохнула. – Никто тебя на эти гроши покупать не собирается. И ничего ты моим родителям никогда не будешь должен. Не дури, а!?

– Ну, черт с ним, с магазином обкомовским, – раздраженно сказал Лёха. Но так, чтобы Надя раздраженности его не уловила. – я вечером попозже прибегу к тебе. Звонить не буду. Часов в девять не поздно будет?

– Ну, скажешь тоже – поздно. Папа ещё с работы не придет к тому времени. Жду.

Лёха вышел из будки, подышал сентябрьским, вкусным от увядших листьев ясеня прохладным воздухом. Постоял, нашел в кармане последнюю двушку и

Вернулся. Позвонил институтскому другу Володе Трейшу.

– Вова, давай одно доброе дело сделаем. Я один не управлюсь.

– Что, девчушка попалась избыточно темпераментная? Подмога нужна? – Развеселился Вова. Он что-то жевал. Потому веселье слышалось в трубке хлюпающее и насыщенное паузами.

– Я почти женатый человек! – Оборвал его Лёха. – Нельзя мне теперь шмар клеить. А тебе и намекать на это не надо. А то в нос получишь. Давай, выходи. Я иду к твоему дому. Там и объясню идею. Пять минут хватит, чтобы дожевать? Кусок, небось, большой, халявный?

Через пять минут они уже обсуждали план исполнения не совсем законной, но очень актуальной авантюры.

В ближайшем многоэтажном доме на втором этаже они нашли детскую коляску. Довольно большую. На близнецов рассчитанную. Все родители малолетних сосунков коляски оставляли на лестничных клетках. Как-то так повелось в Зарайске. Взяли дружки коляску, снесли вниз и покатали к парку.

– Ты её ровно кати. Не швыряй в разные стороны, – советовал Вова Трейш товарищу. – пусть со стороны народ и милиционеры думают, что ты молодой отец и дитё прогуливаешь. А то за кражу коляски могут и дело завести уголовное. Посадят года на два обоих. Или вообще расстреляют нафиг.

Они вкатили коляску в парк, поставили её между двумя клумбами цинний, петуний и бархатцев. Фонари в парке светили в полнакала для создания уютной интимной атмосферы гуляющим влюблённым. Поэтому Вова и Лёха довольно быстро нарвали почти полную коляску цветов.

– Куртку снимии, – попросил Володю Алексей. – Сверху накинь. Чтобы, не дай бог, кто засёк. И поехали к обкомовским клумбам. Там какие-то высокие цветы ещё не завяли.

– Ты обалдел, Ляксей! – Прижал коляску к тротуару Володя Трейш. – Там светло как днём. И Вохра с берданками. И дежурных мусорков аж три штуки. Сесть хочешь? Жениться раздумал? Желаетшь укрыться на киче от тестя с тёщей?

– Пошли, балабон! – Прикрикнул шутливо Лёха. – Главное скорость, внезапность и запредельная наглость. Какому дураку из охраны придет в башку, что два наглеца будут тырить цветы у них под носом с обкомовских клумб? Вот на этот парадокс мы их и накнокаем. Двинули.

Нарвали цветов без проблем. Возле обкома гуляющих не было, напасть с разбоем на обком – вообще глупость полная и несурезица. На фига кому он нужен, обком?

Потому вохра и милиция играли в карты, домино, шашки и дремали. Как положено всем советским охранникам. Так как стерегли они всё и всюду чисто символически. В шестьдесят девятом году не принято было разбойничать в центре города даже у самых гадких бандюганов.

Приволокли тяжелую коляску к дому, где жила Надя.

– Бери за ручку, а я под дно руки просуну и несём добро на второй этаж. – Прикинул Лёха недалний, но крутой путь.

– Подожди, курточку-то заберу. Ей зачем моя задрипанная курточка? Они такими, наверное, даже полы не моют. Бархатными, думаю, тряпками и с мылом французским. – Вова Трейш тихо, сдавленно похихикал и вдвоём они моментально поставили коляску перед дверью.

– Давай, вали на скамейку. Жди пять минут, – Лёха нажал кнопку звонка и, когда Надя открыла дверь, наклонил коляску вниз. Огромный, нет – не букет, а огромный пахнувший и шелестящий десятикилограммовый сноп самых разных красивых осенних цветов ссыпался к ногам Надежды, касаясь её коленок.

– Мама! – охнула Надя и присела. Она перебирала цветы, вдыхала пряный аромат листьев бархатцев и пыталась уложить всё это великолепие в букет.

Из кухни выскочила испуганная Лариса Степановна.

– Что? Что там? Это что? – Она сквозь очки с толстыми линзами пыталась что либо разглядеть. Но очки были для чтения и дальше полуметра всё через них казалось размытым и бесформенным.

– Мама, Алексей мне цветы подарил. Очки снимии! – Надя буквально утонула в этой разноцветной россыпи, когда присела.

– Ой! – воскликнула мама таким голосом, будто к ним в квартиру забросили десяток килограммов золотых самородков. – Цветы! Настоящие! Уличные!

Ты их не украл, Алексей? Нет?

– Да что Вы, Лариса Степановна! – Лёха чуть было в шутку не перекрестился. Но вовремя передумал. В этом доме верили только в марксизм-ленинизм. – Мы их купили в парке. Там продают сейчас. Не вянуть же им просто так, без пользы.

– Мне никогда не дарили столько цветов! – радостно вздохнула Надя и тихо заплакала, прижимая бархатцы к груди.

Пока дамы переваривали необычное обворожительное событие, Лёха аккуратно выдернул пустую коляску на площадку, закрыл за собой дверь и медленно, бесшумно скатил её вниз, на улицу. Через пятнадцать минут эта самая коляска, полностью очищенная от самых мелких оторвавшихся листочков и стеблей, стояла на том же месте, откуда они её угнали. Видно было, что никто не выходил и временного отсутствия коляски не заметил.

Спустились вниз. Вышли на улицу и вразвалку пошли к дому Вовы Трейша.

– Чего делать будешь? – спросил Лёха.

– Да ничего особенного, – Вова зевнул. – матери полку доделаю в кладовке. Потом на гитаре разучу «Тёмную ночь». Отец её любит. Спую ему. Слушай, а ты что, натурально Надьку Альтову так сильно любишь? Или рисуешься перед маманей её?

– Мы год с тобой за одним столом сидим в институте, – грустно посмотрел на него Лёха Малович. – И ты считаешь, что я способен пыль в глаза пускать, рисоваться, цену себе набивать?

– Да вот и я спрашиваю потому же. Как раз знаю, что ты этого сроду не делал.

– Значит что? – Лёху протянул ему руку. Попрощался. – Значит, люблю. Сам не пробовал ещё любить?

– Да пронесло вроде. – Сказал Вова без особого восторга.

– А вот когда она тебя достанет, любовь, ты таким же чокнутым станешь как я. Заешь как это здорово! Ни с чем не сравнить.

И он пошел домой. Надо было ещё почитать кое-что к семинару по фонетике. А не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Только любить.

– Это ж надо – как прихватило! – в который раз вслух поразился Лёха, улыбнулся и, выдохнув, рванул на скорости к кладбищу, за которым дом его – в пяти минутах хорошей спортивной пробежки.

Дома всё было мило и по-доброму однообразно. Батя терзал меха баяна, склонив голову к басовой деке. Глаза он закрыл и слушал с упоением музыку, которая будто бы сама лилась из-под кнопок, вроде и не он это извлекал грустный плеск «Амурских волн» своими огромными пальцами со следами чернил от протекающей авторучки. Мама, запомнившая за годы наизусть каждую ноту вальса, покачивала головой в такт музыкального размера в три четверти. На музыку она реагировала подсознанием, а сознание было сконцентрировано на шитье для подушек новых наволочек из синего ситца, по которому плыли разные по размеру месяцы, полные луны и почему-то пятиконечные золотистые звёзды. Хорошо было дома. Уютно. Большую люстру четырёхрожковую никогда не включали. Светил торшер из угла зала, освещая пол под розовым своим абажуром. От пола свет его отскакивал на стены пятнами желтыми, расплывающимися. Красиво смотрелись стены. И это они производили эффект уюта вместе с красным паласом, развалившимся на блёклом линолеуме цвета никем не разгаданного.

– Алексей, – мама оторвалась от ситца и перестала крутить ручку машинки «Зингер». Отцовские волны амурские заплескались громче. Мощный всё-таки треск был у толстой швейной иглы и челнока с нитками. – ты с утра сбегай к деду Михалычу на старую нашу квартиру. У него в сарайчике лежат наши пятнадцать мешков пустых. А мы в воскресенье картошку копать поедим. Школа машину даёт. Выкопаем, сколько есть и обратно к Михалычу в сарайчик отвезём. Он тёплый. И нам на зиму должно картошки хватить.

– Я на занятия с девяти побегу. – Лёха пошел на кухню, намазал хлеб маслом, посыпал сахаром и в кружку налил компот из сухофруктов. – А со второй пары сорвусь и часам к двенадцати мешки будут у вас в кладовке. Пойдет так? Но на вечер меня не запрягайте ни на какие дела. Мы с семи часов будем у Альтовых список приглашенных на свадьбу кроить, писать открытки им и меню придумывать. Серьёзная работа, короче. Опаздывать нельзя. Игнат Ефимович не любит этого.

– Не любит он, бляха! – Батя сомкнул меха и поставил баян рядом на пол. – В прошлом году он в редакции у нас должен был зачитать закрытое обращение ЦК КПСС к работникам идеологического фронта. Так мы его полтора часа ждали. Приехал в половине четвертого вместо двух часов. Не любит он опаздывать, бляха!

– Коля! – Мягко обратилась к бате мама. – Человек перегружен работой. У него вся область в подчинении. Переезды, приёмы, телефоны московские и Алма-Атинские. Всё по

секундам разложено. Ну как тут уложишься в сроки, если каждый норовит ему лишнее слово сказать? Пожаловаться, похвастаться. Понимать надо.

– Ну, правильно, – отец снова взял баян. Нервничал, похоже. – мы-то в редакции целыми днями в подкидного режиме и на бильярде шарами гремим. Делать-то нам больше нехрена.

– Ладно. Вы тут клеймите их, мерзавцев, пока. До полуночи всех начальников пригвоздите. А я спать пошел. Завтра бегов у меня – как на республиканских соревнованиях. – Лёха допил компот, ушел в свою комнату и лёг думать. Не раздеваясь.

Но вместо размышлений о ЗАГСе и вечерней гулянке прилетели к нему через тонкую межкомнатную дверь не очень весёлые голоса родителей.

– Интересно, что они с нас денег ни копейки на всё про всё свадебное не взяли, – сказала мама. – я к Ларисе Степановне позавчера ездила на работу. Сто пятьдесят рублей возила. Так не взяла она. Все расходы, сказала, Игнат Ефимович на себя принял. Не странно это, Коля?

– А не странно, что список гостей без нас составляют? Наших-то вообще они не знают никого. Лёха сам за нас будет решать? Вот это не то, чтоб странно, а не нормально вообще. Получается, что мы не доросли до таких серьёзных решений. Лёха, тот дорос. Дурь какая – то...

Алексей заткнул уши и стал пытаться думать. Не шли мысли. Он их как клешнями из головы тащил, а они упирались и не вылезали из мозга. Так и уснул незаметно.

А проснулся в восемь утра с больной головой, одетый, готовый бежать и отгрызать очередной кусочек от гранита наук, но не успевший зацепиться за самое главное, за грядущее бракосочетание, ни одной хотя бы мыслью. Как оно, бракосочетание, вылетело из головы и поменялось местами с такой второстепенной задачей как учеба? Да ещё плюс ко всему вообще не с задачей, а с проходным делом – забрать мешки у дяди Миши? Не ясно было. Видно, спал неправильно. Бывало так. Проспишь ночь на животе – и ничего тебе потом не вспоминается, и делать не тянет ничего. Такая странность физиологии.

После первой пары в лингафонном кабинете, где в наушниках слушали и повторяли за актёрами занудливые «паркеровские» диалоги, Лёха вылетел из аудитории с остатком диалога на устах, выкрикивая с удивлённой и просящей интонацией имя «Нора-а!». Бежалось ему напрямик к деду Михалычу, к дяде Мише, с детства дорогому. Безногий Михалыч столярничал чуть ли не лучше всех в Зарайске, пил портвейн «три семерки», ядовитое «плодовоягодное», но ни то, ни другое его не стубило к семидесяти годам. Он всерьёз говорил, что вот война, например, погубить могла насовсем. Но не смогла. Только ноги забрала. Так то ж война! А какой-то портвейн по сравнению с ней – не губитель, а благодетель и ценный витамин.

Сделал себе Михалыч подъёмник электрический. Жил он со своей тётёй Олей с послевоенных лет в подвале двухэтажного дома. Ног у него не осталось вообще. От бедер торчали культы сантиметров по двадцать. Он всегда сидел на красивой самодельной деревянной тележке с колёсами от детской коляски. На культы надевал кожаные кожухи, а поверх них штаны, у которых тетя Оля отрезала штанины и зашивала там, где кончались останки ног.

Из подвала Михалыч выезжал так: к тележке сбоку крепился штырь. Он вставлялся в раздвинутые волокна металлического троса. Трос вращался вокруг двух колёсиков с углублениями. Верхнее колёсико крепилось валиком из нержавеющей стали к электромотору возле верхнего порога. Справа от ступенек тянулась вверх крепкая дорожка из плотных досок. Михалыч пристёгивался к канату, нажимал кнопку и конструкция с грохотом выносила его на воздух. Вот как раз к приходу Лёхиному он и выехал из подполья подышать, покурить и ещё раз подышать свежаком осенним перед доработкой книжного стеллажа, заказанного одним умным мужиком с соседней улицы, у которого уже не хватало места для новых книжек.

– Здоров ночевал, Ляксея! – Подал руку Михалыч. – А чего рожа такая счастливая? На первенстве области победил? Или пять рублей нашел на дороге? Если нашел – гони за портвешком. Себе лимонаду возьми и халвы. Я тожить люблю портвешок закусывать халвой.

– Я сбегаю, Михалыч! – Лёха развернулся и на бегу крикнул. – Мешки наши пока при-
тарань из сарая. В воскресенье копать картошку будем.

Потом они сидели и беседовали «за жизнь». Алексей с бутылками, стаканом и халвой на
скамейке, а дядя Миша в своём ящике с колёсами.

– Чё, Ляксей? – Спросил Михалыч, вытерев рукавом губы после второго стакана. –
Матушка твоя верно рассказала, что ты у нас в женихи подался? Приходила она на той неделе,
Ольге моей три фартука принесла. Сшила новые, цветастые. А то стрепались старые-то. Вот
она чего и принесла на хвосте как сорока. Женится, говорит, сынок мой. Вырос. На знатной
особе женится. Роднится сынок, говорит Людка, с о-о-очень большими людьми. С самым вер-
ховным главнокомандующим над всеми нами, зарайскими доходагами. Во, говорит, как нам
всем повезло-то!!!

– Ну, ты гусей-то не гони пока. Мало выпил для того, чтобы заговариваться. -

Лёха глотнул лимонада и откусил от шмата халвы, которой принес полный килограмм. –
Мать не могла спороть такую хрень, что нам повезло безумно, не могла она дурь ляпнуть, что
будущий тесть – главнокомандующий. Ты ж, Михалыч, умный. Знаешь, что главный у нас –
Бахтин Алексей Миронович.

А тесть мой будущий – Альтов. Слышал про такого?

– Не, его не знаю, – дядя Миша налил сто пятьдесят. – но он тоже туз?

– Туз, – Строго сказал Лёха. – Бубновый. Второй после Бахтина в области. Но женюсь
я на его дочке. Не на нём же, бляха.

– Ну, это-то мы понимаем. Ты ж мужик. Да и он не пидор, ясное дело. Только они тебя,
Ляксей, засосут в своё болото. На нашей стороне простая верная правда и сама жизнь в её
натуре. А на их стороне – власть. А власть большая, Лёха, она будет покрепче правды и повыше
жизни. Обязательно властью своей и затянет он тебя в ихнюю кодлу. Будешь учиться прика-
зывать и над людьми простыми летать орлом гордым.

Клевать нас будешь в темечко. Как полноценный исполнитель власти. И пропал тогда для
старика Михалыча хороший человек и мужик натуральный Алексей, сын Кольки Маловича.

– Блин, ну вы придурки!!! – обозлился Лёха. – Ты уже пятый, кто такую хрень порет.
Шурик – первый! Так нагрел, что ещё дымится спина моя нежная. Ну, ещё четверо – сосунки.
Студенты, да один дружок мой. Жук. Ты его знаешь. Но ты-то, Михалыч, дед! У тебя два
ордена, пять медалей и мозгов как у профессора – тонна! А такую дурь плетёшь. Я негнушийся,
ты знаешь. И живу по своим законам. Которые лично ты, Шурик, дядя Вася, отец мой и ещё в
детстве два бывших вора в законе, два Ивана, мне вдолбили вот сюда. В голову и в душу. И ты
в натуре веришь, что меня можно купить, должностями обклеить? Приказать служить Ленину,
Марксу, Брежневу и КПСС? Соблазнить возможностью поплёвывать с высот должностных на
всех простых людей? Ну, о чем с тобой говорить, Михалыч? Друг, бляха!

Алексей Малович сгрёб мешки, скатал их в рулон и пошел со двора.

– На свадьбу-то позови! – крикнул в спину Михалыч.

– Позову, – крикнул Лёха, не оборачиваясь.

Он вышел за ворота, сел на скамейку, закурил и тихо обматерил дядю Мишу.

Хотя тут же ощутил то, чего не чувствовал раньше. Что-то случилось. С ним самим, с
некоторыми знакомыми и близкими, с жизнью своей, отлаженной как механизм перемен вре-
мён года. Что-то ещё не произошло, но уже случилось. И это чувство было таким же пугающим,
как неясное, размытое и неосязаемое время далёкой ещё, но неизбежной старости и смерти.

К Альтовым спешить было рано. Домой сбежал, мешки отнёс и вернулся обратно, в свой
старый край. Куда-то надо было себя деть, чтобы не оставаться одному. Вот это ощущение,
явившееся как враг неожиданный, коварно напавший без объявления войны, это жуткова-
тое чувство невидимой и непроходимой злой силы, преградившей Лёхину гладкую широкую
дорогу к счастью – оно и случилось. Причем на ровном месте и в доброе время, когда уже не

календарь, а обыкновенные часы отщелкивают короткий срок, оставшийся до желанной долгожданной свадьбы.

После которой два любимых друг другом человека уже именем закона объединятся в единое целое и начнут копать ямки, сажать в них райские деревья, превратят их в волшебные кущи, посреди которых обоснуется дом, их персональный земной рай. Впервые тревога невнятная, которую нечем было объяснить, шевельнулась в сердце Алексея Маловича после разговора с Шуриком на своём дне рождения. Потом, случайно, наверное, пацаны – друзья кровные, пошутили ехидно насчёт противоестественного для Маловича рывка поближе к большой власти с помощью простенького вообще-то инструмента – женитьбе на дочери «великого князя», властелина земли местной и хозяина людских судеб. Так им казалось.

А тут ещё Михалыч с простецким, но больно уж похожим на правду предположением подвернулся. И вот как раз после него, деда пропитого насквозь и растворившего в портвейне часть мозгов, стало Лёхе ясно, что в вечной его любви к Наде и в жизни их семейной далеко не всё будет так, как хотят они сами. Что обязательно объявится кукольник, который, дергая за нужные ему ниточки, сам станет водить их по жизни так как пожелает. Но вот как посторонние почуяли это раньше него? Поначалу Лёху мысль о зависимости от кукловода пугнула. Но потом он остановился, закрыл глаза, сжал кулаки и, простояв в такой нестандартной для медитации позе минут двадцать, сказал вслух, нет – почти прорычал:

– А вот вафлю вам всем в рот! Как захочу я, как захотим мы с Надеждой, так и будет! Какие они мне командиры? Хоть сам «его величество» Альтов, баба его экзальтированная и вся эта орава маленьких князьков из свиты партийного благодетеля? Всем моим простецким друзьям и товарищам, видать, просто так, смеха ради мечтается, чтобы меня, настырного и самовольного, к ногтю прижали. А вот хрен вам всем с солью и уксусом!

Выпустил пар Лёха Малович. Обмяк, приструнил напряжение душевное и отбросил навязную чужими ртами опаску подальше. Совсем далеко. За горизонт.

– Мало ли кому что мерещится. Вожжи управления жизнью были всегда и будут только в моих руках.

С этой мыслью он ввалился во двор Жердя. Генка сидел возле крыльца на березовом полене и ножом строгал из вишнёвого черенка курительную трубку.

– Привет, – Жердь отряхнул с колен стружку и поднялся, руку протянул. – Ты чего смурной такой? Невеста что ли передумала выходить за тебя, орла гордого? Давай выпьем коньяка по сто граммов. Для спокойствия. Отец не допил. Захочешь, говорит, бери, досасывай до дна.

– Не, не хочу. – Лёха сел рядом, покрутил в руках заготовку. – Прожигать мундштук шилом будешь, на костре калёном?

– Ясный день, – ответил Жердь. – А для табака ямку вот этой стамеской выдолблю. Нормально будет. Покрашу потом. Лаком покрою. Брат табак из Москвы привёз трубочный. Надо пробовать срочно. «Капитанский».

– Слушай, Генаха, ты как вообще относишься к тому, что я на «принцессе» женюсь? Папа – огонь! Великан. Илья Муромец! Умывальников начальник и

мочалок командир. А я ж раньше вообще не знал кто он, кто мама её. Как-то влюбился, не вникая в посторонние детали. Ты чего думаешь? Сомнут меня? Под себя подстелят? – Алексей поднялся с корточек и стал медленно бродить по периметру двора.

– Да не думаю я, что подомнут тебя именно. – Жердь присоседился и они стали мерить двор шагами на пару. – Тебя подломить, головку пригнуть – это, по-моему, ни у кого вообще не получится. Ну, насколько я тебя знаю. Хотя попытки, конечно, будут. Не со зла, а, наоборот, чтобы тебе лучше сделать. И семье твоей молодой. Они, действительно, немного от земли оторваны высшим разумом КПСС. Поэтому твой тесть просто пожелает сделать тебе лучше, не понимая искренне, что для тебя это хуже. И тебе лично на фиг не надо. Не понимая!!! Они многого из нашей цыплячьей, червячной, забубенной и приплюснутой проблемами жизни просто

не знают. Потому, что забыли своё прошлое. Они все сами из бобиков, козликов и червячков произошли. Но потом вдруг – гром, молния, на которой с небес спускается судьба их новая, судьба правителей и властителей. Укротителей всех, кому из бобиков в число избранных властителей вырваться не довелось. Только-то и всего. Так что, не печалься, старик, а ступай себе к морю и кидай невод. Так и так – будет тебе в неводе золотая рыбка. Надя твоя. А тебе её -то всего и надо. Мне она, кстати, понравилась. Вполне нормальная девчонка. Так что – приспокойся. Я лично верю, что ты не изменишь своей судьбе, друзьям, делам и мечтам.

– Вот хорошо ты сказал! – Лёха обнял Жердя за плечо. – Красиво. Мудро! Цицерон хуже говорил.

Они оба от души посмеялись и Жердь сказал:

– Ладно. Коньяк ты не хочешь. Тогда пойдем на Тобол. Искупи́мся. Стрессы снимем. Тебя чумные мысли задрючили, а меня трубка доконала. Второй день её строгаю. Хочу красиво сделать.

– А пойдём! – Лёха рванул к воротам. – Догоняй!

Купались они с перерывами до сумерек. Вода холодная так разогрела, просто обожгла тела их молодые да крепкие. И стало хорошо. Спокойно. Они полежали на траве, вникая в шипение больших водоворотов на середине реки, в пение каких-то горластых птиц из Чураковского сада на другом берегу и в пряную свежесть, плывущую от шелестящего под ветерком камыша, подчиняющегося быстрому течению реки.

– Мне пора, наверное, – Лёха оделся.

– Ну да! – Ахнул Жердь. – Ничего так мы порезвились. Половина седьмого. Тебе к скольки у Надежды-то быть велено?

– Всё! Сам дойдешь. Я побежал. К семи мне, – Алексей стартанул в гору на прямую улицу Октябрьскую, с которой через три километра – налево. А там и обкомовский дом. Сто метров от угла.

Альтовы его ждали. Пять минут оставалось до семи.

– Всё вот так раньше срока заканчиваешь? – улыбнулся Игнат Ефимович и руку Лёхе пожал крепко. «Сильный мужик» – оценил Алексей. Надя обняла его и поцеловала в горячую от бега щеку. Лариса Степановна принесла ему стакан какао с каким-то ароматно пахнущим кренделем на блюде. Все сели за стол. Перед Ларисой Степановной лежали три чистых, ослепительно белых листа и авторучка.

– Ну, все в сборе. Начинаем собирать гостей. Сначала обозначим всех на этих листочках. – Будущая тёща подняла со стола большую черную авторучку и нацелила её как маузер на мишень. На чистый лист.

Через два часа список гостей был готов. При этом Лариса Степановна безотрывно писала в столбик и только один раз подняла глаза, украшенные очками с линзами «плюс три» в коралловой оправе, на Игната Ефимовича.

– Игнаша, Прасоловых зовём или обойдутся?

– «Обпотребсоюз» Вася держит как надо. Пусть приходит, – почесал за ухом без пяти минут тесть.

– Надь, а мы тут на фига вообще? – громко сказал Лёха. – Нас никто ни о чём не спрашивает. А можно список посмотреть?

Лариса Степановна сняла красивые очки и подвинула листок Лёхе под нос.

На листке было сорок восемь фамилий под номерами. Лёха перечитал его три раза, но не нашел ни одной знакомой фамилии кроме своей. Написано было под номером три:

– Малович Николай. Малович Людмила. Родители жениха.

– А остальные кто? – спросил Лёха, отодвигая лист.

– Наши хорошие друзья – Сказал Игнат Ефимович. – Друзья семьи. Нашей. Ну, теперь и вашей.

– А мои родственники, лучшие друзья нашей, а значит теперь и вашей семьи, не влезли? А! Понял! Блин, вы же их фамилий не знаете! Так я подскажу. Вы меня спросите. А то я сижу как китайский болванчик. – Алексей поднялся и поставил ладони на стол. – Давайте лучше я всех своих близких и друзей сам напишу. Мне-то проще.

Игнат Ефимович поднялся и вышел из комнаты.

– Не надо ничего писать, – мама Надежды сложила листок вдвое и прижала его ладошкой к столу. – Понимаешь, Алексей, мы же не в ресторане проводим мероприятие. Вот в этой комнате. Входит сюда, если все столы вплотную поставить – пятьдесят шесть человек. Вот как раз этот список. Плюс вы с Надей, плюс дружка с её стороны и дружка с твоей.

Надя тихонько пнула его ногой под столом и приложила палец к губам. Молчи, мол. Но Лёха взбесился. Не сдержался.

– То есть, мои родственники и друзья тут всё испоганят? Напьются, материться начнут, блевать на ковры и валяться мордами в салатах? Они ж некультурные. Деревня! Вы-то в деревне давно жили! И нет теперь возврата к прошлым тяжелым воспоминаниям даже через мою деревенскую родню! А городские мои родственники тоже ростом не вышли? Никто Высшую партшколу не заканчивал?

– Алексей! – спокойно сказал медленно вышедший из своего кабинета Игнат Ефимович. – Ты пойми. Мы уважаем твою родню. Честно. Но ты сам глянь: места крайне мало. Физически невозможно разместить всех родных и знакомых. Мы вот из всех возможных только третью часть приглашаем.

– А вы вычеркните из третьей части половину. Они и не вспомнят про нашу свадьбу. А нашу родню, не всю, тоже третью часть – впишите. Они же нас тоже хотят поздравить. И друзей у меня всего четыре. Вся родня наша – культурная. Столы не ломает. Все едят вилками, вытираются не портягами вашими, а салфетками. На пол не плюют и кости от курицы на ковры не бросают. Даже, блин, не дерутся!

– Алексей! – строго сказала Надина мама. – Ты не забывайся. Вам свадьба важнее или твоя родня? Которая, если тебе не понятно, будет есть стоя по разным углам, да ещё и в разных комнатах. Сам же видишь – места нет в квартире на всех.

– Ресторан снимите! – Лёху понесло. – С вас же никто и копейки не возьмет. Ещё и свои отдадут, чтоб вы довольны были. И все мои родичи с друзьями тоже покричат «горько!»

Надя вдруг натурально зарыдала, пнула стул, который мгновенно перевернулся с тяжелым дубовым грохотом, после чего закрыла глаза руками и удачно, без столкновения с косяком убежала к себе в комнату.

– Листок дайте! – почти крикнул Лёха и Лариса Степановна вздрогнула, вторую ладошку на листок поставила. Лёха потянулся к нему, отобрать хотел и дописать туда своих.

Из Надиной комнаты вырывались такие трагические ноты безутешных рыданий, будто там кроме неё был ещё и свежий покойник.

– Эй, парень! – Дружелюбно сказал Игнат Ефимович, подошел сзади и оттянул его за плечи. – Ты выше головы-то не прыгай. Хочешь, мы твоих всех на другой день соберём? Два раза свадьбу сыграем. Это же вам с Надохой ещё памятнее будет. Давай, утихомирься.

– Листок пусть отдаст! – выдернул плечи из крепких пальцев Альтова Лёха.

Ничего дописывать не буду я. А просто мать с отцом вычеркну. Они тоже из наших. Тоже общую картину вам подпортят. У мамы ни должности, ни похвальных грамот от ЦК КПСС. А отец вообще – интеллигент вшивый с зарплатой сто двадцать рэ! На попутках за статьями по полям ездит в штанах грязных и в резиновых сапогах. Корреспондентшишка несчастный. Давайте, блин, раз уж наш род не дотягивает до вашего уровня, то и меня вычеркнем. Я ж тоже оттуда. Ни образования, ни друзей в «облпотребсоюзе». Повесите на спинку стула бумажку: «Здесь должен сидеть жених. Но он отсутствует по причине низкого статуса и в связи с задрипанными родственниками».

Короче – в ЗАГСе распишемся, а на свадьбе я могу вашим «бонзам» весь кайф обломать своим паршивым присутствием. Короче – не будет моей родни и друзей – меня тоже не будет.

Лёха постоял, помолчал. Посмотрел на обоих родителей невесты пустым взглядом, аккуратно отодвинув стул, пошел к порогу, обулся в кеды и, не оборачиваясь, не прощаясь, ушел.

Дорогу домой выбрал старую. Через кладбище. Шел мимо провалившихся земляных надгробий, косых крестов и ржавых, в прошлом красных звезд на памятниках. Не думал ни о чем. А и захотел бы – не смог. В душе не то, чтобы обида утюгом старинным на нервы навалилась. Нет. Грустно было и стыдно. Он не понимал, как сказать родителям, что им придётся объяснять Шурику, тёте Панне, Паньке и бабе Фросе, дяде Васе и Александру Степановичу Горбачеву, что они – незначительные, неважные и нежеланные люди на предстоящем празднике жизни. Новой, семейной жизни их дорогого внука, племянника, двоюродного брата, родного, своего человека.

Отец что-то читал. Отвлекаться не стал. Просто сказал из кресла:

– Привет, Лёха. Иди поешь. Я тебе две котлеты оставил. С картошкой. Там ещё три огурца солёных и компот в кувшине бабушкином.

– Ну, составили список? – спросила мама. – Тёте Панне я завтра сама скажу. Поеду к ней. А папа во Владимировку двинет после обеда. Свадьба двадцать второго?

– Мам, давай про свадьбу завтра с утра будем говорить. Сегодня мне пока сказать нечего. Я спать пойду.

– А кушать?

– Я спать пойду – Повторил Лёха и вошел в свою маленькую комнатку.

Сел на подоконник и почувствовал, что глаза теплеют. И тут он против желания, против закона собственного, почему-то беззвучно заплакал. Дерзкий и твердый как бетон Алексей Малович. Может, от злости, может, от обиды, а вернее всего – от неожиданного и совершенно непривычного унижения.

Сидел он так всю ночь. Мама несколько раз заглядывала. Но молча закрывала дверь.

Она пока думала о своем. Что подарить молодым, чтобы не опозориться перед родителями невесты. Что надеть самой и бате. Как оповестить родственников побыстрее. Только отец ни о чем предсвадебном не думал. Он газету вчерашнюю читал. «Труд». И статья была, ну, просто замечательная. Не оторваться...

8.Глава восьмая

«Всё хорошо кончается, если вообще не начинается. Ничто не может испортить или погубить событие, которое не случилось». Лёха лично вычислил эту формулу всего за ночь, за грустные и до первой секунды рассвета переполненные обидой и растерянностью девять часов неподвижного сидения на подоконнике. Он выкурил с десяток сигарет «прима», пуская похожие на обручальные кольца в форточку. И никто из родителей даже не пошевелился в своей спальне, хотя курить в квартире батя запретил единственным жестом. Он молча поднёс к носу шестнадцатилетнего в то время Алексея огромный свой кулак, после чего грохнул им по табуретке и превратил дощатую крышку в крупные щепки. Лёха намёк понял и всегда на площадке курил. Но в сегодняшнюю ночь даже отец, содержащий в себе поровну большие дозы доброты и суровости, понимающе перенёс едкое отравляющее вещество – дым второсортного табака. Он, видно, верно понял, что не с горя сын ночь торчал на подоконнике. Горя-то и не было. Лёха просто никак не мог победить скользкое и гадкое, как стенки плохо помытого унитаза, чувство унижения. Более мерзкого оскорбления, чем плевков в душу Лёхину, где он гордо хранил с детства свои честь с достоинством, и придумать бы никто не смог. Шло бы оно не от родителей Надиных, получил бы автор оскорбления в нюх немедленно и умылся бы соплями кровавыми. В рукоприкладстве за дело, заработанное оскорблением или другим свинством, направленным

на него, на родных, друзей или просто слабых и безответных, был Алексей Малович изрядным специалистом. Он всегда почти мгновенно укладывал этого «козла» на землю- матушку и никогда после экзекуции не мучился совестью. С детства отец и Шурик, брат батин, внушили ему, что никакое зло не понимает другого языка и осознания приличий. Но Альтовы были уже почти роднёй, а Надя – так просто роднее всех родных. Потому и не довёл он обиду от унижительного вчерашнего вечера до излишества. Не стал руками махать. Да просто испортил бы всё дальнейшее, долгожданное.

– А и хрен с ними, с партийными деятелями, – сполз Лёха с подоконника и пошел на улицу. К клубу «Механик». К будке телефонной. – У них вот это самое чувство справедливости, Шурик говорил полгода назад, вообще переместилось из умов и сердец на плакаты и коммунистические лозунги. Там, в лозунгах, всё есть. И правда, и справедливость, и обожаение трудовых масс народных, уважение к ним ленинское. Полный, короче, набор благородных страстей. А в жизни – вон чего. Наоборот всё. Но решили они с Надей пожениться, значит, должны пожениться.

Было почти семь утра, но Надежда, похоже, тоже не спала в эту странную ночь.

– Алексей! – прошептала она в трубку после первого же гудка. – Мы вчера днём должны были одежду на свадьбу покупать. А ты забыл, да? Вечером, когда так коряво список составляли, мама тоже под общую ругань и мои слёзы забыла тебе замечание сделать, что ты расписание её поломал. Но сегодня утром надо пойти, Алексей! Папа нервничал вчера, когда ты не пришел с утра. В магазине ждали нас.

– Не спала? – спросил Лёха.

– А ты как думаешь? Я ревела всю ночь. Ты тоже не спал?

– Надь, у нас с тобой любовь? Нас ведь не насильно сосватали, правда же?

– Ну вот... Приехали, – в её голосе трепетала такая боль, что Лёха вздрогнул.

– Я не то сказал? Извини тогда. Понимаешь, мне, а значит нам с тобой, здесь не жить. У меня тут родни – десятки людей. И все, блин, самолюбивые. Как я. Вернее, я как они. Вот вчерашний вечер мою судьбу уже определил. Все мои друзья, не приглашенные на свадьбу, родственники все почти – будут уверены, что набиваюсь я к вашей семье в родню, чтобы отец твой потащил меня за чубчик вверх по лестнице, ведущей ввысь, – Лёха говорил быстро, будто в семь утра за будкой стояла длинная очередь желающих срочно позвонить хоть куда-нибудь. – К власти чтоб потащил, к волшебной зарплате, креслу высокому в кабинете с большим столом, сукном зеленым отделанным. Да с видом поверх четырёх телефонов на памятник Владимиру Ильичу. У дочки второго человека в области должен быть муж, соответствующий статусу вашей семьи. А я простой как карандаш Лёха Малович, которого весь город наш маленький знает как свободного, вольного, не признающего авторитетов и не имеющего страсти к власти. Я спортсмен, немного хулиган, любитель приключений, желающий кроме того писать, читать, играть на баяне, сочинять, рисовать и жить только по-своему. А поверить мне, что я люблю тебя, а не карьеру, что никакой силой не запишет меня в свою правящую кодлу ни папа твой, ни Леонид Ильич, друг нашего самого-самого, Бахтина имею в виду, так не поверит никто. Твои родители, я понял за год, люди простые и хорошие. Но работа у них такая, за какую народ не конкретно твоих родителей материт, а всю власть советскую. Которая много чего дала, но в десять раз больше пообещала и забыла. И народа своего не видит вблизи никогда. На улицу не выходит, без бумаги слова простецкого не скажет...

– Лёха, – Надя вздохнула. – Ну, прав ты. Не совсем, но прав. А они просто мои мама и папа. Я-то что могу сделать? Я не могу папу перевести работать на завод слесарем, а маму кондуктором в автобус. Понимаешь? Их партия направила – они там, куда их определило начальство. Плохо с твоей роднёй и друзьями обошлись. Так я из-за этого и плакала всю ночь. Но, поверь – они не думали вас всех оскорбить. Они, ты прав, так давно удалились от простых людей из-за правил идиотских, сверху им внушенных, что искренне решили, что раз места

мало в квартире, то не пригласить людей из своей номенклатуры они права не имеют. Это против всех их законов. А из деревни шоферов да доярок не позвать легче. Они всё равно никогда с ними не встретятся. А значит, и обид не увидят, и не почувствуют...

– Надя, давай завтра уедем в Челябинск, в Свердловск. Без разницы. Поженимся спокойно после трехмесячного испытательного срока. Квартиру снимем. Поступим в институт снова. Я работать устроюсь тренером детишек маленьких в ДЮСШ. Деньги будут. Ты можешь по вечерам переводчиком работать в музее каком-нибудь.

Надежда долго молчала. Потом всхлипнула и с трудом выдавила из себя.

– А маленького ребёнка кто будет нянчить? Ты уже не хочешь ребёнка?

– Ё!!! – ужаснулся Лёха. – Не подумал, придурок! Ну как же не хочу?! Ещё как хочу. Мечтаю. Да. Тут проблема. Сами не выкрутимся.

– Тогда давай забудем все о вчерашнем, – Надежда попыталась улыбнуться. – Давай уж проведем эту свадьбу побыстрее. С глаз её долой, из сердца вон.

Мне не свадьба важна. Мне ты нужен. Не как друг. Как муж. Я без тебя жить не буду.

– Хорошо. Чёрт с ними, с обидами. Перепрыгну. Родственников, друзей потом как-нибудь тоже приспокою. Объясню как есть. Ну, не звери же мы все. Поймём друг друга. Надеюсь я.

– Всё, давай приходи. Чай попьём, а к девяти в магазин. Одежду, туфли, рубаху тебе купим с галстуком. А мне платье свадебное, туфельки, фату выберем. Давай, жду, – Надя аккуратно опустила трубку на рычаги.

Вышел Лёха из будки как из парной. Жарко было. Горело всё тело как после веника пихтового. От волнения, наверное.

– Нервы, получается, ни к черту у меня, – решил он. – Для семейной жизни-то не страшно. Попродержу. А вот на соревнованиях могу перегореть раньше времени. Сдуться. И в силу полную не сработаю.

Он шел к дому Альтовых, ещё не понимая и вообще не думая о том, что в соревнованиях он, может, еще выиграет, и не раз. А вот Игнату Ефимовичу, да и маме Надиной, а тем более очень многим своим родичам и друзьям продул он начисто. Разгромно проиграл. С сухим счётом.

– Ой, Алексей! – обрадовалась явлению Лёхи в час ранний Лариса Степановна. Она раскручивала букли с каждого квадратного сантиметра головы, которая выращивала густо смоляной блестящий волос. Потому мелкие, почти негритянские загогулины волоса её напоминали дорогую смушку очень ценной породы овцы. Халат бархатный, очень подвижный на месте декольте от быстрых движений рук, оголял грудь будущей тёщи и смущал Лёху, не приученного видеть рано поутру такие картинки. Надя вовремя подбежала к маме и скрепила распадающиеся верхние отвороты халата большой бабочкой, из настоящих перьев сделанной, имеющей на пузе своё булавочную заколку.

– Вот пока вы с Надюшей позавтракаете, я соберусь, и в восемь тридцать подъедет шофер наш Иван Максимович. Поедем к вокзалу. Во второй обкомовский спецмаг. В первом я вчера была. Ассортимент богатый, но мне платья свадебные не понравились. Немецкие. Немки в таких замуж выходят. А нам надо красивое, но из стран социалистического содружества. Там тоже шьют моднейшие вещи. Но западом от них не веет.

– А Алексей в английском костюме не будет смахивать на буржуйского денди? – засмеялась Надя.

– Мы ему подберем тоже приличные вещи. С папой посоветались. Он предложил выбрать или чешский, или польский костюм, а рубашку и туфли – венгерские. Всё это не хуже самых стильных французских. Но пропагандировать запад он не рекомендовал.

– А сам какой костюм носит? – ляпнул Лёха без интереса. Просто, чтобы не молчать.

– Игнат Ефимович имеет восемь костюмов. На работу ходит в советских. Сшитых московской фабрикой «Большевичка». Не хуже итальянских, кстати.

Обувь у него фабрики «Скороход», которая в Ленинграде, и зимние полусапожки, которые выпускает московская «Парижская коммуна». Бреется бритвой «Харьков», а часы у него – «Победа». Ну, а на выход, то есть к своим, из нашего общества людям, одевается в костюмы, рубашки и туфли чешские, румынские, польские, югославские. У меня, к слову, сапоги зимние из Югославии. Да и вся другая одежда из стран социализма. И она нам нравится.

Да и людей на улице дразнить английскими или французскими вещами – просто неприлично.

– А вы ходите по улицам? – искренне изумился Лёха.

– А как же! Станный ты, Алексей! – мама Надежды сняла последнюю буклю и ушла в ванную к зеркалу. Прическу оформлять.

– У нас, бляха, в городе и польские штаны хрен найдёшь. Или чешские туфли. – сказал Лёха сам себе. – А найдешь, так в очереди за ними рассудок из тебя выпарится и вера в коммунизм.

– Вот при папе ничего такого не брякни, – погладила его по голове Надежда. После чего они застыли в глубоком поцелуе до самого выхода Ларисы Степановны из ванной.

Магазин возле вокзала для спецобслуживания спецконтингента поместили умные люди в помещение с вывеской «Цех изготовления коленкоровых переплётков». Народ шел мимо, поскольку надобности в переплётках не имел.

Долго одевали Лёху. Стоял он за ширмой в плавках возле зеркала шириной в метр и высотой в два. Молодой паренёк, которого он никогда не встречал в маленьком своём городке, гибкий как лист оцинкованной жести и шустрый как суслик, метался от запасника к ширме и обратно раз двадцать. Усталости ни в движениях его, ни на лице не отмечалось. Привык. Сколько же он бегал, чтобы угодить, скажем, самому Бахтину? Вот его есть смысл загнать в лёгкую атлетику. Бегал бы десять километров и вполне мог выигрывать. Но на морде у пацана было написано, что ему тут так хорошо, что лучше не будет нигде. Потому Лёха от мысли сделать ему предложение пойти на стадион отказался.

Наконец его одели. В зеркале перед ним стоял другой человек. Похожий на Лёху только усами и очками с тёмными стёклами. Он их не снимал с утра и до сна. Врачи сказали, что зрение отличное, но сетчатка слишком восприимчива к свету и глаза слезятся именно поэтому. В остальном зеркало Алексея Маловича нагло обманывало. Оно утверждало, что хороший человек создаётся не с помощью правильных книжек, силы физической и чистоты душевной. А из пиджаков особенных, штанов, стекающих мягкими волнами к удивительным по изяществу туфлям, и из рубашек такой белизны, которой проигрывал чистейший снег в далёкой степи.

– Вот так очень хорошо, – сказала Надя. – Солидно.

– Да, да! – подхватила Лариса Степановна. – Фигура Алексея просто идеально создана под самые лучшие фасоны лучших моделей. Заверните нам всё.

В огромную большую бумажную сумку, какую Лёха до этого не видел вообще, две девушки за полминуты втиснули блестящий черный костюм на плечиках, отдельно брюки прищепками металлическими прихватившие сложенные в стрелку штанины. Под костюм на плечики нацепили рубашку, а на неё аккуратно накинули тёмно бордовый галстук с тремя бледно-розовыми полосками посредине.

– Вот это я надену только на свадьбу, – тихо сказал он Наде. – Потом можешь сдать его в комиссионку. С руками оторвут. Но мне в город при таком наряде нельзя выходить. Мне жить в Зарайске. Если, конечно, мы потом не уедем в Свердловск. А зарайская публика меня, к сожалению, неплохо знает и привыкла, что я не денди из Лондона, а обычный парень. Такой, как все. Ну, может, только чуток авторитетом повыше. Но, опять таки, заработанным делами, а не красивыми шмотками.

– Хорошо, хорошо, – Надя пригладила Лёхе волос. – Теперь я пойду. А ты иди кури на улицу. Жди. Со мной они будут мучиться долго. Я капризная. А мама ещё похлеще меня будет. Часа два уйдет, не меньше.

Сидел Лёха на скамейке напротив дома со смешной вывеской про коленкоровые переплёты часа три. Черную сумку осторожно перекинул через скамейку и все три часа думал только о том, как ему сегодня успеть съездить к деду во Владимировку, потом попасть на тренировку в три часа, а к шести успеть на репетицию в вокально-инструментальный ансамбль при Доме учителя, где как раз сегодня – последний прогон программы перед тремя концертами в сельских клубах Центрального района.

Вышли дамы с довольными лицами.

– Ну, гора с плеч, – подумал Лёха. Сел со всеми в черную Волгу и машина поплыла по ровному как бумажный лист асфальту к дому Альтовых.

– До ЗАГСа ты свободен, – сказал с порога Игнат Ефимович. – В смысле – общественных нагрузок тебе не выпадает. Отдыхай. Сил набирайся. Свадьба – это для гостей отдых. А для жениха с невестой – пытка. Как восхождение на Эверест без ледорубов и страховочных канатов.

– Да ладно, – Лёха засмеялся. – Один раз в жизни. Можно и помучится.

– Конечно, – обняла его Надя. – Один единственный раз просто необходимо помучиться. Чтобы потом жилось легко.

– Ну-ну, – хмыкнул с невеселой улыбкой Надин папа. – Жить легко, только если как попало живёшь. А хорошо жить – труд великий.

На том и разошлись. А до регистрации и свадьбы ещё целая тягостная вечность оставалась. Почти неделя.

– Переживем как-нибудь, – дыша всей мощной грудью повторял Лёха на бегу к автовокзалу. Надо было успеть на двенадцатичасовой автобус, возивший и городских, и сельских во Владимировку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.